

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Часть 1

Учебное пособие

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2016

УДК 32
ББК 66.0
С89

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Южного федерального университета
(протокол № 3 от 23 ноября 2015 г.)*

Рецензенты:

кандидат политических наук, доцент Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

О. А. Артюхин;

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социальной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

А. А. Кириллов

С89 Субдисциплины политической науки : учебное пособие /
под ред. С. П. Поцелуева, Т. А. Подшибякиной ; Южный
федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство
Южного федерального университета, 2016. – Ч. 1. – 192 с.
ISBN 978-5-9275-1746-6

В учебном пособии дана общая характеристика ряда основных субдисциплин современной политологии, освещены этапы их становления в современной России и за рубежом, рассмотрено их предметное поле и методология, а также вклад, внесенный в развитие политической науки.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также всех тех, кто хочет расширить свои знания о политической сфере жизни общества.

ISBN 978-5-9275-1746-6

УДК 32
ББК 66.0

© Коллектив авторов, 2016
© Оформление. Макет. Издательство
Южного федерального университета, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Политологическая субдисциплина как гибридный феномен (Поцелуев С. П., Подшибякина Т. А.).....	4
---	---

Глава 1. КЛАССИЧЕСКИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Политическая экономия (Коротец И. Д.).....	11
1.2. Политическая психология (Басенко Н. А.).....	23
1.3. Политическая социология (Подшибякина Т. А.).....	45
1.4. Политическая риторика (Коротец И. Д.).....	63

Глава 2. НОВЫЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.1. Политическая антропология (Поцелуев С. П.).....	76
2.2. Этнополитология (Тураев А. В.).....	96
2.3. Сравнительная политология (Коновалов В. Н.).....	111

Глава 3. НОВЕЙШИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

3.1. Политическая регионалистика (Морозова Е. А.).....	125
3.2. Глобалистика и экополитология (Коновалов В. Н.).....	137
3.3. Политическая конфликтология (Морозова Е. А.).....	156
3.4. Политическая семиотика (Поцелуев С. П.).....	171

ВВЕДЕНИЕ. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ СУБДИСЦИПЛИНА КАК ГИБРИДНЫЙ ФЕНОМЕН

Попытка определить специфику субдисциплин политологии (как, впрочем, и любой науки) затрагивает более общий вопрос: а что следует понимать под историей самой этой дисциплины? Когда эта история начинается и есть ли вообще какая-то единая история науки по имени «политология»?

В самом деле, откуда начинать историю политической мысли именно как мысли научной: с древности, от «Артакшастры» Каутильи и легистских трактатов, от Платона и Аристотеля или с эпохи Возрождения и Нового времени, от Макиавелли и Гоббса? Либо, может быть, политическая наука по-настоящему начинается с рубежа XIX и XX вв. или только с классиков Чикагской школы? Известный американский политолог Габриэль Алмонд выделял четыре различных взгляда на историю политической науки: антинаучный, постнаучный, марксистский и взгляд сторонников теории рационального выбора. Причем «антинаучный» и «постнаучный» – подвергают сомнению научность этой дисциплины. Два другие – марксизм и теория «рационального выбора» – в своем стремлении к иерархическому монизму критикуют ее за эклектизм¹.

Ответ на вопрос, что относить к политической науке, зависит напрямую и от ее национальных традиций. Это определяет уже само название науки о политике. То, что у нас в России (как и в ряде других постсоветских стран) называют «политологией», скрывает в себе две научные дисциплины, четко разделяемые в англосаксонской традиции: political

¹ Алмонд Г. А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: основные направления. М.: Вече, 1999. С. 70.

philosophy и political science. А в послевоенной Германии, к примеру, сосуществовало сразу несколько концепций политической науки: как государствоведения (Staatslehre), т. е. науки о политических институтах, их динамике; как набора нескольких «политических наук» (при отсутствии единой политологии): политической истории, политической экономики, политической социологии, политической этики и т. д.¹; как одного из разделов социологии (социологии политических процессов); как раздела историографии, соединенного с герменевтическим анализом актуальных событий в их культурно-историческом контексте².

Но независимо от того, насколько научной и единой мы считаем науку о политике и от каких времен мы начинаем отсчет ее истории, мы стоим сегодня перед фактом ее интенсивной специализации, дифференциации, фрагментации. Это ведет к образованию политологических субдисциплин, статус которых требует особого осмысления.

Появление субдисциплин есть результат специализации любого научного знания. Но специализация, как заметил известный французский политический социолог Маттеи Доган, бывает результатом двоякого рода процессов: специализации в рамках формальной (общей, базовой) дисциплины и специализацией, происходящей на стыке различных дисциплин. Последнее, по мнению Догана, возможно лишь тогда, когда формальная дисциплина достигла определенной зрелости. Второй тип специализации, как правило, называют также «гибридизацией», под которой

¹ Отзвук такого понимания науки о политике присутствует и у нас в России – в академической номенклатуре научных дисциплин, где речь идет о «политических науках», а не о «политологии» или «политической науке».

² *Гаджиев К. С.* Введение в политическую науку: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000. С. 37.

подразумевают заимствование данной научной (суб)дисциплиной понятий, теорий и методов других научных (суб)дисциплин.

Так понятию гибридизацию надо отличать от того, что нередко подразумевают под «междисциплинарными исследованиями». По мнению Догана (с которым мы солидаризируемся), это выражение неадекватно отражает суть процессов специализации в науках. Фактически междисциплинарными называют исследования, в которых имеет место сочетание элементов (понятий, теорий, методов, эмпирических данных) разных наук. Это может делать и отдельный исследователь, но чаще всего - коллектив ученых, где каждый представляет свою дисциплину. По мысли М. Догана, такое совмещение разных дисциплинарных элементов дает значимые результаты только на стадии изучения объекта, но не при получении синтетических выводов. «На деле исследование с привлечением нескольких научных дисциплин означает применение их отдельных областей и средств, но не дисциплин в целом. Плодотворное сотрудничество возможно между отдельными секторами разных наук, а не при тотальном сближении дисциплинарных границ»¹.

Эти границы – вещь принципиальная, она основана не только на субъективных установках исследователей, но на отличительных особенностях разных сфер предметного мира, которые образуют специфические предметные углы зрения, под которыми науки смотрят на одни и те же объекты. Известный российский политолог М. В. Ильин пишет в связи с этим об «искушении междисциплинарностью», которое состоит не только в редукции знания к непосредственно наблюдаемой очевидности, но также покоится на

¹ Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: основные направления. М.: Вече, 1999. С. 115.

предположении, что изучаемый объект непосредственно содержит в себе «объективное знание». Это знание как бы находится за дверью с замком, и замок этот тем легче будет открыть, чем больше дисциплин станет в этом участвовать. Однако, как замечает М. В. Ильин, «хотя объект один, предметы изучения у каждого специалиста – свои. Нельзя судить обо всем и сразу – смешивать в одну кучу демократию, рынок, протестантскую этику и т. п. Получается не МЕЖдисциплинарность, а НЕДОдисциплинарность. В результате вместо изучения политики отдельно и социетальности отдельно сплошь и рядом осуществляются “социально-политические исследования”... Люди сами создают нелепых Тянитолкаев, чтобы потом подменить действительность и знания о ней подобными химерами»¹.

В современном научном знании, включая политологию, гибридизация бывает как минимум двух видов:

– между целыми дисциплинами. Таковы случаи политической философии, политической психологии, политической социологии, политической антропологии и др.;

– между специализированными областями смежных дисциплин. Примеры такой гибридизации среди политологических субдисциплин – этнополитология, политическая конфликтология, сравнительная политология, политическая семиотика.

Специализация политической науки не всегда обусловлена ее гибридизацией с другими научными дисциплинами или их фрагментами. Решающим фактором может служить структурная логика самого предмета науки. Так, в политологии традиционно выделяется несколько основных тематических

¹ *Ильин М. В.* Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука – 3. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. С. 8.

разделов, перечень которых был сформулирован еще в середине прошлого века, на конференции по вопросам политической науки, организованной по инициативе ЮНЕСКО в 1948 г. В соответствующем документе выделялось четыре блока составных элементов политической науки: политическая теория, включая историю политических идей; политические институты, их сравнительный анализ, включая все уровни и функции управления; партии, группы и общественное мнение; международная политика и международные отношения.

Развитие исследований по данным тематическим блокам неизбежно вело и ведет к их автономизации, поскольку появляются новые объекты изучения, заимствуются новые понятия и методы из других наук. Но эти области политической науки не перестают быть ее органическими (составными) частями. Это справедливо в отношении таких направлений исследования, как история политических учений, связь религии и политики, политические элиты, вооруженные силы и политика, политические партии. Но отсюда не следует, что эта картина не будет меняться. Она уже меняется. Чем больше новых понятий и методов заимствуют данные исследовательские направления из других наук, чем сложнее объекты их анализа, тем быстрее превращаются они из направлений в субдисциплины. Так стало с анализом политического дискурса, который уже конституировался в политическую семиотику. Аналогичный процесс характерен для исследования политических элит (возникает политическая элитология) и политических партий (политическая партология уже на повестке дня). Другое дело, когда специализация научного знания изначально связана с появлением гибридов теоретико-методологического плана, конституирующих особый предметный угол зрения на привычные объекты исследования. Здесь субдисциплинарность задана изначально.

Но и статус субдисциплинарности тоже может быть разным, причем со временем он меняется для каждой субдисциплины. Можно выделить по меньшей мере три смысла субдисциплинарного статуса, когда новое исследовательское направление, образовавшееся в результате упомянутой выше гибридизации, будет:

– конституироваться в независимую область знания, как это вначале произошло с политической экономией и позже – с политической психологией и политической социологией;

– продолжать развитие в рамках двойной либо мультидисциплинарной принадлежности (случаи политической географии, политической философии, политической этики, политической семиотики);

– оставаться в рамках одной дисциплинарной принадлежности (этнополитология, политическая конфликтология, политическая регионалистика, сравнительная политология).

Некоторые субдисциплины политологии сейчас находятся в состоянии перехода; так, политическая антропология стремится обрести самостоятельный дисциплинарный статус, обладая в настоящий момент как минимум двойной дисциплинарной принадлежностью: к политологии и антропологии. Другие политологические субдисциплины, вроде этнополитологии и экополитологии, только стремятся – посредством интенсивной гибридизации – выйти из тени традиционной политологии к статусу двойной либо мультидисциплинарной принадлежности.

Однако какой бы из упомянутых трех статусов субдисциплина ни имела, она может рассматриваться как часть «большой» политологии.

Разумеется, этот вывод предполагает согласие с плюралистическим пониманием науки о политическом. А это, в свою

очередь, требует согласия как минимум со следующими тезисами:

- Концепт политологии как единой, непрерывно развивающейся дисциплины, предмет которой одинаково трактуется всеми учеными-политологами, является несостоятельным. «Существует столько же различных историй политической науки, сколько различных взглядов на ее предмет, и определяются они различными подходами к дисциплине в целом, причем сближения между ними не происходит, поскольку общая научная почва для этого отсутствует»¹.

- Нет одной политической науки, но есть совокупность «политических наук» с разной степенью самостоятельности по отношению к традиционным объектам и предмету политологического знания, причем понятие «традиционного» тоже оказывается со временем относительным.

- Эти науки образуют семью политологических субдисциплин, единство которой в тенденции будет описываться не общностью предмета и метода, но логикой «семейных сходств».

Авторы данного учебного пособия не ставили перед собой цель обосновать эти тезисы; соглашаться с ними или нет – пусть решает каждый, кто погружается сегодня в политическую науку. Цель данного учебного пособия более скромная – охарактеризовать, хотя бы в первом приближении, ряд основных субдисциплин современной политологии. Естественно, мы не претендуем на исчерпывающий перечень таких дисциплин, тем более что и сам этот перечень – вещь среди политологов спорная. Вместе с тем дать общие характеристики хотя бы большей части субдисциплин политической науки мы считаем полезным для любого, кто обращается сегодня к изучению политики. Помимо прочего, это позволяет в общих чертах оценить растущие масштабы научного знания о политике.

¹ Алмонд Г. А. Указ. соч. С. 106.

Глава 1. КЛАССИЧЕСКИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Политическая экономия

Политическая экономия (от греч. politikos – государственный, общественный и oikonomia – управление домашним хозяйством (oikos – дом, домашнее хозяйство + nomos – закон)) в качестве самостоятельной науки сложилась в период становления капиталистического способа производства.

В парадигме системного подхода к осмыслению хозяйственной или экономической деятельности людей происходит взаимодействие двух достаточно самостоятельных процессов. Первый представляет собой экономико-технологическую деятельность людей, воспроизводство которой может быть более или менее эффективным. По сути дела, эта деятельность носит объективный характер, а люди включаются в нее в качестве «субъективного» фактора. Чем ближе «субъективный» фактор к «объективным» потребностям данной экономической системы, тем она эффективнее.

Второй процесс противоположен первому: общество и экономика выступают средой для реализации жизненных потребностей человека. Чем выше уровень соразмерности человеческих потребностей и технологических параметров экономической системы, тем эффективнее реализация человеческой ценности, потребностей и личностного развития. Экономическая подсистема, доминантой которой является технологическая составляющая, исследуется в форме «экономикс», или «экономики», а подсистема с человеческой доминантой – как «политэкономия», или «политическая экономия (экономика)».

Политическая экономия как наука о человеческой деятельности в условиях определенных производственных

отношений является классовой наукой. Классовый характер ее будет сохраняться до тех пор, пока будет существовать разделение труда, основанное на существовании наемной рабочей силы, богатства и бедности. Представители всегда выражали интересы и идеологию определенного класса, теоретически обосновывали экономическую политику, соответствующую его положению в системе разделения труда.

В индустриальном обществе господство рыночных отношений и либеральной идеологии позволяет рассматривать экономическую жизнь как свободный обмен человеческой деятельностью, товарами и услугами.

В этом случае политическая экономия принимает видимость объективной внеклассовой науки, в пространстве которой люди действуют добровольно на основании равноправия.

Первой систематической попыткой осмыслить экономические явления рыночного общества и обосновать экономическую политику государства был меркантилизм, выражающий интересы буржуазии, прежде всего торговой. Представители меркантилизма сделали попытку увеличения эффективности национального рынка за счет создания рыночным акторам преимуществ в процессе обращения.

Перенесение анализа из сферы обращения в сферу производства было осуществлено в рамках трудовой теории стоимости классической буржуазной политической экономии. У. Петти, Ф. Кенэ, А. Смит и Д. Рикардо исследовали экономическое воспроизводство с позиций стоимости. Основатель школы физиократов Ф. Кенэ впервые предпринял попытку изобразить процесс общественного воспроизводства в виде целостной системы пропорционального обмена деятельностью.

Классическая политическая экономия дополняется компромиссной формой вульгарной буржуазной политической экономии. Ее представители (Мальтус, Сэй, Бастиа, Сис-

монди, Прудон) пытались разрешить противоречия эксплуатации за счет гармонизации классовых интересов, создав теоретическую основу для идеологии социалистов.

Принципиальную радикализацию классового характера политической экономии осуществил К. Маркс в середине XIX в. Он создал теорию прибавочной стоимости, в соответствии с которой наемные работники промышленного общества являются носителями рабочей силы в товарной форме и выступают продавцами своей способности к труду на рынке. Покупателями рабочей силы выступают обладатели ресурсов, которые при помощи труда преобразуют их, создавая прибавочную стоимость и прибыль. По поводу прибавочной стоимости в сознании профессионалов и дилетантов существует серьезная путаница, приводящая к непониманию и извращению общественных отношений. Поэтому остановимся на этом узловом вопросе более подробно.

В парадигме классовой интерпретации общества Маркса (и особенно его вульгарных последователей) наемные работники считают нанимателей эксплуататорами. В свою очередь, работодатели, обладающие ресурсами и дающие работу носителям рабочей силы, недоуменно реагируют на эту позицию пролетариев, поскольку фактически они обеспечивают их ресурсами для потребления и жизни (воспроизводство рабочей силы). Проблема справедливости этих отношений и позиций очень сложна, поэтому упростим ее и перейдем в пространство системной парадигмы, в которой можно обойтись констатацией реальных отношений на уровне их понимания.

В индустриальном обществе основная масса людей выступает обладателями ресурсов. Меньшая часть (капиталисты) обладает ресурсами, объем которых значительно больше, чем их потребность в потреблении для обеспечения жизни. Остальная часть общества обладает ресурсами в виде рабочей силы, которая реализуется в товарной форме – продается

и покупается (пролетарии). Носители рабочей силы, по идее, не имеют источников существования, кроме наемного труда, поскольку эффективность производства в индустриальном обществе очень высока за счет наукоемких технологий, и личная деятельность по этой причине в товарном отношении непродуктивна.

В целом в индустриальном обществе господствует преобразование ресурсов для обеспечения общесистемной жизнедеятельности на основе реализаций наукоемких технологий. Любые ресурсообладатели тем или иным образом включаются в систему этого технологического воспроизводства и, действуя по его законам, участвуют в воспроизводстве макросистемы (корпорации, страны или части глобального пространства).

Экономическая задача ресурсодателей заключается в том, чтобы получать прибыль. Задача носителей наемной рабочей силы – создавать прибавочную стоимость. Что такое прибавочная стоимость? Наемная рабочая сила, реализуя высокопроизводительные технологии, создает стоимость товаров, в несколько раз превышающую расходы на ее содержание (условия найма или заработная плата). Разница в стоимости произведенного продукта и стоимости рабочей силы называется прибавочной стоимостью. По законам товарного рынка данные отношения являются естественными и пропорциональными. В технологическую задачу работодателя входит обеспечение высокопродуктивной деятельности наемных работников. В процессе реализации рабочей силы воспроизводятся, причем неукоснительно, наукоемкие технологии.

Капиталисты присваивают прибавочную стоимость, создаваемую пролетариями, извлекая прибыль из процесса преобразования капитала. Маркс обосновал теорию прибавочной стоимости, утверждая, что процесс присвоения прибавочной стоимости, которую создают пролетарии, капиталистами

является несправедливым. Он называет это присвоение прибавочной стоимости эксплуатацией и утверждает, что преодолеть эксплуатацию можно только за счет превращения частной собственности на средства производства в общественную собственность. Маркс утверждал, что обобществление ресурсов должно сопровождаться одновременной нейтрализацией жесткого разделения труда, в первую очередь в сфере управления и конкретных форм занятости. В подобном обществе никто не должен иметь возможности перекладывать на других свои обязанности по общественно-экономической деятельности. Все члены общества должны участвовать в производстве продуктов потребления или обслуживании потребностей населения. Экономически капиталист присваивает прибавочную стоимость, обеспечивая наемному работнику доход.

Достаточно очевидно, что данный паттерн, или образ, содержит целый ряд противоречий и страдает когнитивной неопределенностью. Так, проблематично количественно установить пределы стоимости рабочей силы, содержание ее необходимого воспроизводства, пропорции превращения прибавочной стоимости в прибыль и т. д. В развитом индустриальном обществе возникают институты развитого, высокодифференцированного рынка, конкуренции, политической демократии, либеральных ценностей, потребности в легитимности, гражданских отношениях и др. Есть надежда, что в такой социальной системе труд и капитал воспроизводят общество соразмерным образом. Несмотря на конфликты и массу деструкций, в подобном обществе поддерживается форма бытия, удовлетворяющая многих и позволяющая нейтрализовывать кризисы.

В то же время серьезной проблемой современности является понимание влияния развитых постиндустриальных стран на остальной мир. Преимущества высокоразвитых

экономических систем, совмещенные с политической агрессивностью самых развитых стран и транснациональных корпораций глобального пространства, создают препятствия для развития глобальной периферии. Осмыслить это противоречие научным образом в настоящее время не представляется возможным. Поэтому стихийное развитие глобализации воспроизводит крайне напряженную ситуацию в отношении формата мира настоящего и будущего.

Что же касается стран, в которых постиндустриальные отношения не развиты или развиты фрагментарно, то в их пространстве принципиально не может быть соразмерных стоимостных отношений из-за дефицитности ресурсов. В пространстве подобных экономических систем происходит стоимостное перераспределение, направленное на обеспечение макровоспроизводства страны или корпорации за счет экономии ресурсов самых различных subsystems в пространстве макросистемы. Эти нарушения соразмерности экономики и социальной системы в целом позволяют сохранить государственный суверенитет, но отрицательно влияют на содержательное воспроизводство жизни населения.

Данные нарушения политэкономических пропорций приводят к следующим последствиям:

- дефицит рабочих мест и высокий уровень безработицы;
- дешевая рабочая сила, низкий уровень жизни;
- деградация рабочей силы и ее развитое теневое довоспроизводство;
- сырьевой характер экономики;
- высокие цены на товары и услуги;
- низкое качество обслуживания населения;
- высокий уровень коррупции;
- неравномерный и в целом низкий научный потенциал технологий и их нарушение;
- авторитарный и тоталитарный политические режимы;

- преобладание импорта над экспортом;
- низкий научный потенциал;
- архаизация армейских технологий и высокий уровень военных расходов в структуре ВВП;
- низкий уровень рождаемости, продолжительности жизни и здоровья населения.

В России начала прошлого века капитализм не получил зрелого развития. Стоимостные отношения и рынок не могли стать господствующими, а социалистическая революция не могла изменить ситуацию в лучшую сторону. Это привело к тому, что политическая экономия Маркса была вульгаризирована. В. И. Ленин в экономической теории марксизма и политической экономии социализма допустил ряд искажений, связанных с потребностью идеологической интерпретации реального социализма в нашей стране. Совершенно неоправданно эксплуатация была связана только с капитализмом и искусственно скрыта в отношении социализма. В постсоветской России до сих пор нарушаются политико-экономические пропорции индустриального общества. По этой причине нет ясности в отношении этих явлений в теории политической экономии, в политике и идеологии.

Маркс выявил двойственный характер наемного труда. Труд в его теории одновременно является конкретным и абстрактным. В процессе конкретного труда происходит создание товара как определенной формы потребления. В индустриальном обществе используются развитые наукоемкие технологии, рыночная конкуренция вынуждает постоянно обновлять производство и снижать цену продукции. Производительность труда в результате является самой высокой по сравнению со всеми иными формами экономики.

Абстрактный труд представляет собой процесс потребления товара «рабочая сила», который характеризуется

расходом человеческих ресурсов. Потребление человеческих ресурсов физического, интеллектуального, психологического плана требует их восполнения, поэтому необходимо осуществлять соразмерное воспроизводство рабочей силы. В индустриальном обществе рабочая сила воспроизводится за счет дохода, который получает наемный работник в основном в виде заработной платы.

Человек и его качество быть носителем рабочей силы тождественны, поскольку абстрактный труд осуществляет целостный человек, а не его способность или часть. Это противоречие у Маркса разрешается через различие в оплате труда, определяемое местом в разделении труда. Это противоречие в теоретической политической экономии социализма было завуалировано под предлогом преодоления эксплуатации, связанного с уничтожением буржуазной собственности и буржуазии как класса. В результате воспроизводство рабочей силы было сведено к удовлетворению минимальных потребностей, а дифференциация оплаты труда различных уровней разделения труда была минимизирована.

Уровень и способ воспроизводства рабочей силы предполагают удовлетворение всех необходимых аспектов потребления, включая жилье, питание, оздоровление, отдых, содержание семьи, поддержание комплекса жизненных потребностей, ряд увлечений и реализацию других потребностей на уровне традиций страны и места в разделении труда. В принципе образ жизни рабочей силы должен быть соразмерен общесистемному воспроизводству. Появление диспропорций в воспроизводстве рабочей силы в мерных пропорциях неминуемо приведет к макросистемным последствиям.

В процессе использования рабочей силы эти две противоположности – абстрактная и конкретная – существуют

как аспекты целого. При использовании рабочей силы в ходе реализации высокопроизводительных наукоемких технологий на уровне конкурентоспособности развитого рынка результат осуществления конкретного труда во много раз превышает затраты на оплату рабочей силы. Разница между ценой произведенного товара и ценой рабочей силы создается как прибавочная стоимость. Снижение уровня оплаты труда приводит к нарушению технологий, уменьшению его производительности и снижению качества, что уменьшает объем прибавочной стоимости. В результате попытка минимизировать эксплуатацию за счет перераспределения продуктов потребления и экономии на оплате труда приводит к обратному результату. Конфигурация таких отношений превращается в свою противоположность: эксплуатация превращается в сверхэксплуатацию, а эффективность использования рабочей силы резко снижается, принимая дотоварную форму. Как видим, экономический, идеологический и этический способы понимания термина «эксплуатация» очень сильно отличаются.

В пропорциональном индустриальном обществе существует многочисленный средний класс, в который входят носители товарной рабочей силы. Все граждане посредством демократических процедур правового государства добиваются закрепления своего институционального содержания в правовых нормах. Этим содержанием является эффективная рыночная деятельность, в том числе эксплуатация – обеспечение наемных работников доходом, позволяющим соразмерно воспроизводить рабочую силу.

В странах с непропорциональным индустриальным развитием, как в России, эффективность использования наемной рабочей силы гораздо ниже, чем в развитых странах. Это обстоятельство через действие множества противоречий экономического и политического характера приводит к резкому

снижению оплаты труда в отношении индустриальных потребностей воспроизводства рабочей силы. Она деградирует: происходит снижение качества труда, развиваются элементы тоталитаризма в политике и коррупция. В целом форма общества меняется – возникает смесь индустриальных и феодальных отношений. Категория эксплуатации используется в вульгарной форме, носящей спекулятивное содержание, используемой популистски в различных лозунгах и идеологемах.

В политэкономии XX в. продолжалось исследование высокодифференцированного рынка. Дж. Кейнс теоретически обосновал роль государства в ограничении рыночной конкуренции посредством регулирования инвестиций. Он доказал, что эффективное экономическое воспроизводство возможно только при использовании доходов населения в качестве совокупного капитала.

В рамках неоклассического направления (Ж.-Б. Сэй, А. Маршалл, Ф. Хайек, Л. Мизес, М. Фридмен) исследовались способы повышения эффективности рынка. Вслед за Маршаллом рынок интерпретируется как пространство взаимодействия спроса и предложения.

Социально-институциональное направление акцентирует свое внимание на роли социальных институтов в экономике. В рамках этого направления получили развитие теории: прав собственности (Р. Коуз, А. Алчиан); общественного выбора (К. Эрроу, Дж. Бьюкенен); теория агентов, транзакционная теория организаций.

В современной политической экономике осуществляется поиск рыночно-интегративных форм организации общества в концепциях «трансформации капитализма», в том числе в теориях «стадии экономического роста» (У. Ростоу), «единого индустриального общества» (Р. Арон), «нового индустриального общества» (Дж. Гэлбрейт), «постиндустриального общества» (Д. Белл).

Главной тенденцией дальнейшего развития политической экономии как науки является интеграция ее направлений. Системные исследования позволяют преодолеть односторонность подходов и создают возможность интерпретировать рынок высокой степени дифференциации, в пространстве которого развиваются пострыночные информационные технологии.

Тестовые задания для самоконтроля (Образец)

1. Политэкономия изучает:
 - а) экономическую эффективность производства;
 - б) экономическую систему общества, включая человека как ее элемент;
 - в) опасность рисков и преодоление кризисов.
2. Теорию трудовой стоимости создали:
 - а) К. Маркс и Ф. Энгельс;
 - б) А. Смит и Д. Рикардо;
 - в) А. Маршалл и Й. Шумпетер.
3. Базовой категорией теории Маркса следует считать:
 - а) цену;
 - б) прибавочную стоимость;
 - в) прибыль.
4. Политэкономия является:
 - а) законченной классической наукой;
 - б) идеологией наемных работников;
 - в) открытой наукой, соответствующей конкретным условиям социальности.
5. Капитализм – это:
 - а) общество эксплуатации;
 - б) общество процветания;
 - в) общество рыночного взаимодействия ресурсообладателей.

6. Основой коммунизма Маркс считал:
- а) неограниченное потребление;
 - б) отсутствие буржуазии;
 - в) отсутствие классового разделения труда.
7. Эксплуатация преодолена в:
- а) постиндустриальном обществе;
 - б) информационном обществе;
 - в) процветает до сих пор.

Рекомендуемая литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
2. *Коротец И. Д.* Россия в ожидании. Ростов н/Д, 1993.
3. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1960. Т. 23.
4. *Масуда Й.* Информационное общество как постиндустриальное общество. М.: Академия, 1997.
5. *Фридман М.* Капитализм и свобода. М.: Новое изд-во, 2006.
6. *Хайек Ф. А. фон.* Дорога к рабству. М.: Новое изд-во, 2005.
7. *Хайек Ф. А. фон.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.
8. Экономическая теория: политэкономия: учебник / под ред. В. Д. Базилевича. М.: Рыбари, 2009.

1.2. Политическая психология

Политическая психология, будучи одной из сравнительно молодых политологических дисциплин, есть в то же время и одна из самых популярных. Большой интерес проблематика политической психологии вызывает у студентов, стремящихся определиться с выбором направления своих научных исследований и тематикой выпускных квалификационных работ. В чем же популярность и привлекательность политической психологии?

Подобно психологии в целом, называемой наукой о душе, политическая психология стремится понять душу современного «homo politicus», народов и стран, человечества в целом. Перефразируя Лебона, можно сказать, что невидимая в своей сущности, эта душа очень видима в своих проявлениях, так как в действительности она управляет всей эволюцией народов. Стремление изучить эту «коллективную душу», понять роль и место в ней отдельной личности и определяет специфику политической психологии.

Большую часть того, что с нами происходит, что лежит в основе наших действий и поступков, сложно объяснить рационально и однозначно. Также сложно бывает подчас объяснить и политику, являющуюся и «наукой», и искусством одновременно. Политическая психология приоткрывает тайну власти; вскрывает механизмы взаимоотношений человека и стихийной, пугающей силы – толпы; объясняет наши мысли, идеалы, стремления. Она анализирует комплексы личности и стереотипы масс; затрагивает сферу как внутренней, так и внешней политики; объясняет психологию политики и политиков. Наибольшее значение изучение политической психологии приобретает в условиях обострившейся геополитической ситуации, в новых реалиях мировой политики,

эпохи «цветных революций», информационной войны и манипуляции общественным сознанием.

Особый интерес и актуальность проблемы политической психологии имеют в нашей стране, которую не случайно называют страной массовой психологии. Как верно уловил Ф. Тютчев, «умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» Историки, философы, психологи, классики литературы отмечали алогизм, иррациональность, широту «русской души», пытались понять и сформулировать «русскую идею», позволяющую народу сплотиться и проявлять чудеса героизма.

Что же изучает политическая психология, каков предмет ее исследования? Определить это однозначно непросто. Сам термин «политическая психология» понимается одновременно и как форма политического сознания, отражающая эмоции, чувственное восприятие и представление людей о политике, политических процессах и явлениях, и как политическая наука, т. е. специфическая отрасль знаний. Как наука политическая, психология изучает «психологические компоненты политической жизни общества» («Краткий психологический словарь»), «психические процессы, состояния и свойства человека, модифицирующиеся в процессе взаимодействия с властью» (А. И. Юрьев), взаимосвязи между «психической жизнью человека и его социальным и историческим бытием – социальными отношениями, историческим развитием, общественно-политическими процессами и явлениями... отношения макро-социального (социетального уровня)...» (Г. Г. Дилигенский), «массовые формы политического поведения, политико-психологические аспекты массовых чувств, потребностей, настроений, мотивов, процессы становления личности как участника политических процессов» (Е. Б. Шестопад).

Как отмечает А. Л. Андреев, предмет политической психологии – мысли и чувства человека, вовлеченного

в политические процессы. То есть политическая психология интересуется тем, как люди оценивают те или иные политические явления, на что они обращают внимание, а что не замечают или игнорируют, что определяет силу политических устремлений и их субъективную направленность, как в нашей душе рождаются политические страсти и, наоборот, почему в некоторых случаях мы остаемся равнодушными к весьма серьезным политическим событиям¹.

Сложились два подхода к рассмотрению предмета политической психологии: психология политики, с одной стороны, и политическая психология – с другой. Два «пути» определения предмета исследований – от политики к психологии и от психологии к политике: каким образом политика меняет психологию людей и как, в свою очередь, психология общества влияет на политику? С точки зрения психологии политики предмет политической психологии – это политика как особый вид человеческой деятельности. Политическая психология изучает механизмы воздействия эмоций и страстей различных социальных групп и целых народов на ход исторического развития, место и роль общественного мнения в политической жизни общества, политические настроения масс и т. п.

В учебной литературе по политической психологии выделяются различные уровни, сферы и проблемы политико-психологических исследований².

Уровни политико-психологического анализа:

- Личность в политике.
- Малые группы.
- Большие социальные группы.

¹ Андреев А. Л. Политическая психология. М.: Весь мир, 2002.

² Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

- Массы.

Основные сферы исследований политической психологии:

- Внутренняя политика.
- Внешняя политика.
- Военно-политическая сфера.
- Массовая коммуникация.

Основные группы проблем политической психологии:

- Вопросы методологии, методов и фундаментальных принципов науки.

- Исследование психологических механизмов массовых форм политического поведения.

- Изучение психологии малых групп в качестве элемента политических процессов и явлений.

- Исследование процессов становления личности как участника политических процессов: психологических закономерностей вовлечения человека в политику, механизмов политической социализации, ее этапов и факторов.

- Психологические проблемы международных отношений, взаимоотношений на межнациональном уровне, психологические аспекты межрегиональных и глобальных проблем.

Неоднозначно определяется и место политической психологии в структуре наук. Одни авторы считают ее самостоятельной наукой, другие рассматривают политическую психологию как составную часть единой, комплексной науки о политике. Это отражает междисциплинарный характер политической психологии и обусловлено ее возникновением на стыке наук: социологии, психологии, социальной психологии и политологии. Это влияет и на использование разных категории и методов данных дисциплин. Социология определила специфику изучения групп, психология – индивидов и межличностных отношений, политология – политики как особого вида деятельности.

Макроасоциальный уровень исследуемых проблем, анализ массовой психологии рассматривается в качестве главной специфической черты политической психологии. К примеру, Г. Г. Дилигенский, говоря о такой дисциплине, как социально-политическая психология, подчеркивает, что ее специфика состоит в изучении макроасоциального (социэтального) уровня психологических отношений и процессов как особой сферы психической жизни людей, обладающей своим собственным системным единством и своими специфическими механизмами и закономерностями, в познании психической жизни людей – одновременно как продукта и движущей силы функционирования и развития общества¹.

Что касается истории политической психологии, то, как справедливо замечено, «пока еще не написана подробная история политической психологии от Платона до наших дней: эта история пока довольно коротка»². Многие идеи и теории, предопределившие современный политико-психологический анализ, можно найти еще у классиков социально-политической мысли. Тем не менее собственно этапом формирования политической психологии называют вторую половину XIX в. Именно в это время «на сцену истории» выходит новая сила – народные массы. Это стихийная политическая реальность, которой боятся и которую не понимают. В появлении «массы» видят угрозу индивидуальности, неуправляемость, агрессивность, иррациональность. Возникает потребность поиска новых методов исследования социально-политического поведения. Политику, политические явления и процессы, которые начинают восприниматься в эмоционально-чувственной форме, пытаются объяснять психологическими факторами.

¹ Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Новая школа, 1996.

² Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 37.

Одни из первых работ на эту тему: «Психология народов и масс», «Психология толпы» и «Психология социализма» Г. Лебона; «Преступная толпа» С. Сигеле; «Социальная логика» Г. Тарда; «Герои и толпа» Н. К. Михайловского и др.

Первым признанным теоретиком масс в конце XIX в. стал Г. Лебон.

Рубеж XIX–XX вв. Лебон считал критическим, переходным моментом развития западной цивилизации, предопределившим рост влияния масс. Толпа, рассматриваемая Лебоном как психологический феномен, возникает при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от их социального положения, национальности, профессии и повода, вызвавшего образование данной толпы. Лебон всесторонне «препарировал» толпу, вскрыв ее свойства и механизмы образования¹. В то время была распространена поговорка: «Масса есть Бог, а Гюстав Лебон – пророк ее».

Вступление народных классов на арену политической жизни, их постепенное превращение в руководящие классы влечет замену сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы и, согласно Лебону, служит главной характерной чертой эпохи. Лебон подчеркивал, что просто многочисленного скопления индивидов недостаточно для образования толпы. Толпа носит по-своему одухотворенный характер. «Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление»².

Толпа в интеллектуальном отношении стоит ниже отдельного индивида, но с точки зрения чувств и поступков может быть лучше или хуже его, смотря по обстоятельствам. Все зависит от того, какому внушению повинуется толпа.

¹ Лебон Г. Психология толпы // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН: КСП+, 1998.

² Там же. С. 131–132.

Лебон, отождествляя «толпу» и «массу», подчеркивал присущие толпе обезличенность, снижение интеллекта, повышенную эмоциональность, внушаемость, нетерпимость и консервативность. Последствия деятельности толпы могут иметь как деструктивный, так и созидательный характер (например, при защите отечества). Особое внимание Лебон уделял характеристикам вожаков толпы. Основные способы их воздействия: утверждение, повторение, заражение.

Основания системы психологии толп Лебона:

- Массы представляют собой социальный феномен.
- Индивиды растворяются в массе под влиянием внушения.
- Гипноз (гипнотическое внушение) – модель поведения вождя масс.

В XX столетии специфику развития западной политической психологии в большой степени определил бихевиоризм (от англ. «behavior» – поведение), у истоков которого стояли представители Чикагской школы Ч. Мерриам и Г. Лассуэлл. Их классические работы: «Психопатология и политика», «Политика: кто получает что, когда и как» Г. Лассуэлла (1936), «Голосование» Б. Берелсона, П. Лазарсфельда и У. Макфи (1954), «Выбор народа» П. Лазарсфельда (1969), «Гражданская культура» Г. Алмонда и С. Вербы (1963).

Значимым и распространенным стало замечание, с которого начинается книга Г. Лассуэлла «Психопатология и политика»: политология без биографии подобна науке о набивании чулел. Главная задача, которую ставил бихевиоризм, – изучение влияния внешних условий на внутреннюю мотивацию и внутренних побудительных сил, через поведение, на внешние условия. Придерживаясь принципа, что наука должна изучать непосредственно наблюдаемое, бихевиористы постулировали необходимость перехода от анализа сознания к анализу поведения людей. Первоочередным выступило изучение политического

поведения. Главный акцент они делали на анализе власти и процесса ее осуществления. Бихевиоризм в политической науке предопределил анализ политических явлений путем наблюдения за поведением индивидов и состоящих из них групп. Исследование политического поведения по сути означает исследование политической жизни общества путем анализа поведения индивидов. Метод наблюдения предполагает получение информации как непосредственным путем (например, исследование толпы), так и косвенным (использование документальных свидетельств поведения индивидов). Главный вклад бихевиоризма в развитие политической психологии – это акцентирование на психологическом аспекте политики, что до этого вообще не принимали во внимание, а также выявление психологической составляющей политического поведения индивидов. Как полагал Ч. Мерриам, в основе политической реальности лежит индивидуальная человеческая воля и страсти, прежде всего жажда власти. Классическая формула бихевиоризма, объясняющая непосредственное влияние среды на поведение конкретного человека: «S – R» («стимул – реакция»).

Другим источником формирования западной политической психологии стал психоанализ. З. Фрейд, занимаясь изучением центральной нервной системы и лечением больных с психическими расстройствами, от анализа сознания перешел к анализу скрытых, глубинных слоев психической активности личности. Предметом психологии до Фрейда эти слои не выступали. Причиной их изучения стало применение гипноза. Внушая под гипнозом человеку какое-либо задание, после его пробуждения психоаналитики наблюдают, как этот человек совершает заданное действие в полном сознании, не зная и не понимая истинной причины своего поведения, пытаясь найти для него мотивы и оправдания. Поведением управляют скрытые от сознания истинные причины. С помощью

различных методик толкования психических проявлений (сновидения, ассоциативный поток мыслей, оговорки и др.) была разработана система понятий, позволяющая анализировать скрытые глубинные процессы психики. Сексуальная энергия влечения («либидо») начала рассматриваться как определяющая среди этих процессов. Претерпевая различные трансформации, процесс подавления и вытеснения, преодолевая «цензуру» сознания, она проявляется в конкретных симптомах, вплоть до патологических. Была изменена прежняя трактовка сознания. Фрейд открыл «психодинамику» и «психоэнергетику» поведенческих мотивов личности, скрытых «за кулисами» сознания. Психоанализ выдвинул тезис о том, что человек и окружающий социальный мир находятся в состоянии тайной вражды.

Структура и динамика личности (Фрейд):

- Сверх-Я (супер-эго – уровень моральных норм и запретов).
- Я (эго).
- Оно (ид – слепые иррациональные влечения).

Из-за давления на «Я» слепых влечений, с одной стороны, и моральных запретов, с другой, человек оказывается под давлением напряжения, от которого стремится избавиться с помощью таких защитных механизмов, как вытеснение, т. е. «устранение» мыслей и чувств в область бессознательного, и сублимация, например «переключение» сексуальной энергии на творчество. В политическую психологию психоанализ привнес постулат, что в своем поведении человек в большей степени руководствуется инстинктивными импульсами. Так, стремление к власти психоанализ объясняет иррациональными, инстинктивными феноменами.

Одной из наиболее значимых для анализа психологических аспектов политики выступила концепция аналитической психологии К. Г. Юнга. Юнг выделяет личное

сознание и бессознательное и коллективное сознание и бессознательное¹:

• Личное сознание – непосредственное сознательное переживание внешних и внутренних раздражителей, а также следов прежних раздражителей, поддающихся непосредственному восстановлению в сознании.

• Коллективное сознание – господствующее мировоззрение или дух времени, складывающийся из общепринятых верований, предубеждений, установок и принципов данного общества или группы.

• Личное бессознательное – личный опыт, который был забыт или вытеснен; следы внешних и внутренних раздражителей и комбинаций представлений, которые никогда не достигали сознания – либо по причине их слабости и неотчетливости, либо потому, что были вытеснены; все психические содержания, которые несовместимы с сознательной установкой и оказываются морально, эстетически или интеллектуально недопустимыми; потенциальные функции данной конкретной души или личности, которые не получили сознательного развития.

• Коллективное бессознательное – унаследованные инстинкты и формы восприятия или понимания, которые никогда не признавались индивидом и не требовались ему на протяжении жизни, но которые являются характерной чертой для целой группы – будь то семья, нация, раса или все человечество.

Коллективное бессознательное Юнг разделяет на «групповое» и «универсальное». Между личным и коллективным бессознательным граница может становиться почти неуловимой. Характер и специфические способности наследуются индивидом от ближайших предков, являясь частью

¹ *Одайник В.* Психология политики. СПб.: Ювента, 1996. С. 25–43.

и его личного (поскольку несомненно принадлежат ему), и его коллективного бессознательного (поскольку унаследованы и не обязаны своим существованием личному опыту). Постепенное распространение из поколения в поколение специфических черт формирует особое содержание коллективного бессознательного семьи, племени, расы. Как отдельный индивид, так и общество в целом обычно не осознают влияния коллективного бессознательного на свои установки и поведение.

Важным для политико-психологического анализа является введенное Юнгом понятие архетипа.

Архетипы «входят» в сознание косвенно, через образы и символы, сообщая определенную форму коллективно наследуемому психическому содержанию. Архетипические образы и мотивы объединяют первоначальные особенности психики и «постоянно повторяющегося опыта человечества». Ситуации, повторяясь за разом раз, вызывают интенсивную эмоциональную реакцию и превращаются в источник возникновения архетипических мотивов. Однажды отпечатавшись, архетип оказывает на человека мощное воздействие. Архетипических символов множество, они отражены в мифологии, религии, сновидениях, искусстве, литературе. Зачастую любая влиятельная научная, философская или социологическая идея восходит к символическому источнику.

Бессознательное существует в двух аспектах – личном и коллективном, поэтому в результате сознательной ассимиляции человеком содержаний бессознательного личность как бы выходит за пределы, свойственные индивиду. Такая личность открывает в себе элементы не только личного, но и коллективного бессознательного, что придает силу и уверенность в себе. Человек расширяет свою личность за индивидуальные границы и «заполняет пространство, которое он в нормальном состоянии не может заполнить». Вследствие

такого расширения своей личности индивид начинает воспринимать себя как «сверхчеловека» или «подобного богу». Юнг определяет это явление как психическую инфляцию. Индивид, усвоивший и подчинивший себе архетипический образ, становится «мана-личностью» (харизматической личностью). К идеям Юнга часто обращаются при анализе политического лидерства, феномена вождизма, психологии диктатуры.

В основе отечественной психологии лежит деятельностный подход, берущий начало от И. М. Сеченова и разработанный в советское время школой Л. С. Выготского. Данный подход рассматривает психику как момент деятельности. Посредством предметной деятельности реализуется связь человека с миром.

Теорию деятельности как новое направление в психологической науке выдвинул А. Н. Леонтьев. В русле данной теории получили развитие различные отрасли психологии.

Политика с точки зрения данного подхода рассматривается как специфический вид деятельности людей с определенными мотивами, целями и результатами.

Помимо деятельностного подхода развитие отечественной политической психологии обусловили работы П. А. Сорокина, Н. К. Михайловского, П. Н. Милюкова и др. Это, в частности, анализ развития российской политической культуры, особенностей русского менталитета и политического сознания. Русский психиатр П. И. Ковалевский в книге «Психиатрические этюды из истории» рассматривает психобиографии политических деятелей начиная от царя Давида. Психологические портреты русских императоров анализирует Г. И. Чулков.

Вопрос о значении внушения (суггестии) в отечественной литературе впервые был поставлен в работе В. М. Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни» (1903).

В. М. Бехтерев, выдающийся русский физиолог, психиатр, психолог, создатель оригинальной естественнонаучной теории поведения – рефлексологии, внесшей значительный вклад в развитие наук о человеке, в своей книге анализирует сущность внушения как психического феномена, механизмы возникновения психических эпидемий, роль различных видов внушения, их зарождение и распространение во время кризисных ситуаций в обществе. При анализе внушения как специфического средства воздействия рассматривается вопрос о соотношении внушения и заражения.

В советскую эпоху политико-психологическая проблематика практически не рассматривалась. Подобные исследования велись в русле научного коммунизма и социальной психологии. В учебной литературе выделяется несколько этапов появления работ, в которых затрагивается проблематика политико-психологических исследований. Первый этап относят к началу – середине 1960-х гг. Б. Ф. Поршнев, Ю. Н. Давыдов, Б. Д. Парыгин, Ю. Ф. Замошкин и другие психологи, социологи, историки начали рассматривать «проблематику политической деятельности в ее человеческом измерении». Политологи-страноведы анализировали такие проблемы, как политическое сознание и поведение, политическая культура, политическое участие и др. А. А. Галкин, Ф. М. Бурлацкий, А. А. Федосеев, А. В. Дмитриев, Э. Л. Кузьмин и др. заложили, как считают, основу современной политологии и политической психологии.

Второй период «всплеска» интереса к психологическим аспектам политики начался в середине 1980-х гг. в связи с началом процесса демократизации и гласности, «перестройки». А. Г. Асмолов, Э. Я. Баталов, Г. Г. Дилигенский, Е. В. Егорова-Гантман, И. С. Кон, Д. В. Ольшанский, А. В. Петровский, С. К. Рощин, Ю. А. Шерковин и др. одними

из первых откликнулись на запрос реальной политической практики.

В 1990-х гг. начинается новый этап развития политической психологии, обусловленный изменением политической системы и развитием новых политических институтов. Начинают проводиться исследования электорального поведения, восприятия образов власти и политиков, лидерства, психологических факторов становления многопартийности, политической социализации и др.¹ Автор одного из первых российских учебных пособий по политической психологии – Е. Б. Шестопал.

В целом в истории политической психологии выделяют следующие рубежи:

– 70-е г. XX в. – происходит институционализация политической психологии;

– 1968 г. – организовано отделение политической психологии при Американской ассоциации политических наук;

– 1978 г. – создано Международное общество политических психологов (ISPP), начинают выходить специализированные журналы «Political Psychology», «Political Behavior»;

– 1993 г. – создана Российская ассоциация политических психологов;

– конец 1990-х гг. – курс политической психологии начинает читаться в российских вузах.

Политическая психология в современном мире является неотъемлемой составляющей политической науки и практики. Деятельностный подход к пониманию политики предопределяет выделение двух блоков политико-психологического анализа: с одной стороны, политическое сознание; с другой – политическое поведение.

¹ Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Указ. соч.

Психологический анализ политического сознания затрагивает индивидуальный, групповой и массовый уровни и рассматривает два блока. К первому относятся мотивационные компоненты – такие категории, как потребности, ценности, установки, чувства, эмоции. Второй блок составляют когнитивные компоненты – знания, мнения, суждения, убеждения, интерес и др. Одним из наиболее значимых при анализе мотивационных компонентов сознания является понятие установки. Этот термин ввел Д. Н. Узнадзе, определявший установку как психическое состояние субъекта, предшествующее тем или иным действиям. Установка – это предрасположенность действовать определенным образом, «настрой» на действие. Основная функция установки – обеспечивать человека способностью реагировать на ситуацию и внешние объекты на основе прошлого опыта. Установка может формироваться на основе пережитой в прошлом ситуации, а также фиксировать предмет потребностей. Установки усваиваются в готовом виде из социального опыта, сознания, культуры. Но остается нерешенной проблема, как именно из социально-политических отношений возникают установки, что является определяющим моментом и как они влияют на особенности психологии личности. Что лежит в основе политических ориентаций и политического выбора?

Отдельное место сегодня занимают исследования массового сознания, под которым понимают обыденную разновидность общественного сознания, объединяющую представителей разных классических групп общими переживаниями (Д. В. Ольшанский), массовых настроений, общественного мнения, стереотипов, а также политического/национального менталитета.

Изучение политического поведения начинается с анализа внешней среды, потребностей, мотивов.

Виды мотивов политического участия (Д. В. Ольшанский):

- Мотив интереса и привлекательности политики как сферы деятельности. Политика интересна как сфера занятий.

- Познавательные мотивы. Политическая система дает человеку устойчивую картину мира.

- Мотив власти над людьми.

- Идеологические мотивы. Устойчивые мотивы, основанные на совпадении собственных ценностей человека, его идейных позиций с идеологическими ценностями политической системы.

- Мотивы преобразования мира. Мотивы, связанные с пониманием несовершенства существующего мира и настойчивым стремлением улучшить, преобразовать его. Политика и есть инструмент преобразования мира.

- Традиционные мотивы. Часто люди участвуют в политике потому, что так просто принято в их местности, среди родственников, друзей и знакомых.

- Меркантильные мотивы. Политика, как и иная сфера деятельности, представляет собой оплачиваемый труд, занятия политикой – способ заработать.

- Ложные псевдомотивы, квазимотивы, которые активно формирует пропаганда любой политической системы, – начиная от «За Родину, за Сталина!» до требований «отстоять ценности истинной демократии».

Особый интерес вызывает анализ политического поведения групп: конформизма, психологии толпы, психологии масс, этнопсихологии и др.

Учебный курс «Политическая психология» нацелен на развитие у студентов навыков анализа психологических феноменов политики с использованием специальных политико-психологических методов; овладение понятийно-категориальным аппаратом науки; знание истории развития политической психологии, современных школ и течений;

выработку навыков анализа современных проблем политики: психологии власти и лидерства, имиджмейкерства, массовой психологии, психологических составляющих политических процессов, происходящих как в России, так и в мире, но главное – на умение разбираться в процессах, происходящих в личной и «коллективной» душе.

Вопросы для самоконтроля

1. Определите предмет политической психологии.
2. Назовите основные проблемы исследований в политической психологии.
3. Дайте определение понятий «политическое сознание», «политический менталитет», «коллективное бессознательное».
4. Дайте определение понятий «установка», «архетип», «личное бессознательное».
5. Приведите примеры установок на объект, на ситуацию в политической сфере.
6. Назовите уровни исследований в политической психологии.
7. Дайте определение понятий «мотив», «стереотип», «политическая ориентация».
8. Приведите примеры архетипов в политике.
9. Какие средства предупреждения и ликвидации массовой паники вы можете указать? (По возможности иллюстрируйте сказанное самостоятельными примерами.)

Тестовые задания для самоконтроля (Образец)

1. На развитие политической психологии оказали особое влияние:

- а) бихевиоризм;
- б) диалектика;
- в) социальная психология;
- г) политическая философия.

2. Становление политической психологии как самостоятельной отрасли знания:

- а) XVIII в.;
- б) XX в.;
- в) XXI в.

3. Создание Международного общества политических психологов:

- а) вторая половина XIX в.;
- б) первая половина XX в.;
- в) конец XVIII в.;
- г) вторая половина XX в.

4. создание Российской ассоциации политических психологов:

- а) 70-е гг. XX в.;
- б) начало XXI в.;
- в) 90-е гг. XX в.

5. бихевиористский подход отличают:

а) верификация, проверка истинности обобщений и теорий;

- б) приемы изыскания и интерпретации данных;
- в) качественные методы исследования;
- г) количественные методы исследования.

6. виды мотивов:

- а) агрессия;

б) голод;

в) власть.

7. Виды установок:

а) на ситуацию;

б) на объект потребностей;

в) на прошлый опыт.

8. В модели личности З. Фрейд выделил следующие основные компоненты:

а) «Оно»;

б) «Я»;

в) «Они»;

г) «Сверх-Я».

9. Автором концепции психического развития, в которой основой индивидуального и личностного развития являются врожденные влечения и инстинкты, где единственным источником психической энергии признаются биологические влечения, является:

а) К. Юнг;

б) З. Фрейд;

в) Г. Лебон.

10. Автором культурно-исторической концепции развития личности является:

а) З. Фрейд;

б) А. Н. Леонтьев;

в) Л. С. Выготский.

11. Политическое поведение строится на основе:

а) установок;

б) желаний;

в) стремлений;

г) ситуации.

12. Мотивационные компоненты политического сознания:

а) политические потребности;

б) ценности;

- в) мнения;
- г) суждения;
- д) эмоции.

13. Познавательные компоненты политического сознания:

- а) знания;
- б) установки;
- в) чувства;
- г) общая информированность;
- д) интерес к политике;
- е) убеждения.

14. В основе важнейших теоретико-методологических положений отечественной политической психологии лежит подход:

- а) диалектический;
- б) структурно-функционалистский;
- в) деятельностный.

15. _____ состоит из унаследованных инстинктов и форм восприятия или понимания, которые никогда не сознавались индивидом и не требовались ему на протяжении жизни, но которые являются характерной чертой для целой группы – будь то семья, нация, раса или все человечество.

16. _____ – «самовосприятие инстинктов», «наиболее древние и наиболее универсальные мыслеформы человечества».

17. Установите соответствие понятия и его характеристик;

1. Личное сознание	А. Непосредственное сознательное переживание внешних и внутренних раздражителей
2. Личное бессознательное	Б. Все психические содержания, несовместимые с сознательной установкой
	В. Личный опыт, который был забыт или вытеснен

	Г. Верования, предубеждения, установки данного общества или группы
--	--

18. Установите соответствие понятия и его характеристик:

1. Коллективное бессознательное	А. Общность общих эмоциональных переживаний
2. Массовое сознание	Б. Унаследованные инстинкты и формы восприятия и понимания
	В. Общественное мнение
	Г. Архетипы

Рекомендуемая литература

1. Андреев А. Л. Политическая психология. М.: Весь мир, 2002.
2. Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
3. Гуревич П. С. Психология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012.
4. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Новая школа, 1996.
5. Конфисахор А. Г. Психология власти. СПб.: Питер, 2004.
6. Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. СПб.: Питер, 2004.
7. Одайник В. Психология политики. СПб.: Ювента, 1996.
8. Ольшанский Д. В. Политическая психология. СПб.: Питер, 2002.
9. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001.
10. Основные методы сбора данных в психологии: учеб. пособие / под ред. С. А. Капустина. М.: Аспект Пресс, 2012.

11. Политическая психология: учеб. пособие для вузов / под ред. А. А. Деркача. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

12. *Пугачев В. П., Соловьев А. И.* Введение в политологию: учебник для студ. вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2008.

13. *Райгородский Д. Я.* Психология и психоанализ власти: хрестоматия: в 2 т. Самара: БАХРАХ, 1999.

14. *Соловьев А. И.* Политология: политическая теория, политические технологии: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014.

15. *Шестопал Е. Б.* Политическая психология: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2012.

1.3. Политическая социология

Политическая социология имеет статус субдисциплины политической науки, что, на первый взгляд, изначально снижает ее научную значимость и отводит второстепенную роль среди наук об обществе. Так ли это на самом деле, можно понять, ответив на вопрос, в чем заключается ее уникальность, и определив ее вклад в изучение проблем развития общества.

Профессор Парижского института политических наук Доминик Кола, специалист по проблемам гражданского общества, считает, что политическая социология под именем «политической науки» появилась в Греции в античный период и развивалась с перерывами, определяемыми изменениями предмета исследования и характером социальных проблем. Даже когда институционализируется политология, – а произошло это в конце XIX в. в результате создания Свободной школы политических наук, на основе которой появились Национальный фонд политических наук и Институт политических исследований, – политические науки понимались как социальные науки о власти. Морис Дюверже также не делал различия между политической наукой и политической социологией, и такой подход сохраняется до настоящего времени в европейской научной традиции, в отличие от американской, использующей термин «политическая наука».

Институционализация политической социологии как самостоятельной науки происходила по мере того, как формировалось ее предметное поле в процессе становления основных классов индустриального общества, появления политических прав и свобод у граждан, складывания парламентских систем и институтов представительства

интересов граждан. Проблемы, подлежащие изучению, касались характера взаимоотношений общества и государства, личности и власти, и их спектр был достаточно широк, он включал взаимодействие политических и социальных институтов, социологический анализ политической и партийной системы, проблемы легитимности власти, политической социализации личности, социального партнерства, социальных конфликтов.

Теоретическая база у политической науки и у политической социологии общая, так как научное знание об обществе с древнейших времен накапливалось в рамках социальной философии, исследующей социальную природу явлений. Однако можно выделить особые предпосылки, подготовившие становление политической социологии как самостоятельного научного направления, – это комплекс теорий, появившихся после того, как Никколо Макиавелли впервые отделил понятия «государство» и «общество», отступив от античной традиции. Т. Гоббс ввел в научный оборот понятие «гражданское общество», тем самым создавая условия для появления теорий гражданского общества Дж. Локка, Ш. Монтескье, И. Канта, Г. Гегеля, Ж.-Ж. Руссо, исследующих новую область социально-политических отношений между властью и гражданами с позиций интересов общества.

Социоцентристская парадигма, сложившаяся еще в эпоху Античности, признает общественную природу политики и рассматривает политику как форму социальной организации жизни человека. Социальный взгляд на политику нашел отражение в теориях, определяющих политику через другие социальные сферы жизни общества: через мораль (Платон), производственные отношения (К. Маркс), право (Дж. Локк), государство (К. Шмитт). Проблему взаимодействия государства и общества в разное время решали Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо,

Сен-Симон, Прудон, Гегель. Классовые конфликты как источник саморазвития общества описывает марксистская теория (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, Г. Плеханов). М. Вебер одним из первых провел социальный анализ политической власти, которую рассматривал как способ обеспечения господства определенных социальных групп.

Методологической базой исследования проблем политической социологии во второй половине XX в. становятся институциональный (Дж. Брайс, А. Бентли), бихевиористский (Г. Лассуэлл, Ч. Мерриам, Д. Вальдо, К. Боулдинг), системный (Д. Истон, Г. Алмонд, К. Дойч), структурно-функциональный (Т. Парсонс) подходы, а также социологический подход к политическим институтам и процессам (М. Дюверже). По-прежнему широко применяется в качестве методологического основания исследования социально-политических процессов теория социального действия М. Вебера, даже можно отметить актуализацию его концепции бюрократии в странах, начавших переход от авторитаризма к демократии в пост-советский период своего развития в 90-х гг. XX в.

Если рассматривать политическую социологию как одну из гибридных наук, соединяющую категориальный аппарат социологии и политологии, то нужно отметить существование в ее теоретическом арсенале таких понятий, как «политическая социализация», «роль», «статус», «социальная группа», «политическая ориентация», «социальная система».

Эмпирические методы исследования социально-политических процессов, заимствованные политической социологией из инструментария прикладной социологии, начинают активно использоваться и в политической науке по мере распространения методологии бихевиоризма в 1950-х гг., еще больше стирая грань между субдисциплиной и ее «прародителями» – социологией и политологией.

Теоретические основания политической социологии в России были заложены в конце XIX – начале XX в. посредством адаптации концепций западной социологической мысли к российским реалиям. А. Н. Медушевский в статье «История русской социологии» исследовал истоки политической социологии в России и выявил ее особенности. Существенный вклад в постановку проблемы соотношения общества и государства, либерализма и консерватизма внесла государственная (юридическая) школа (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский). М. М. Ковалевский в работах «Социология» и «Современные социологи» проводит сравнительные исследования права и политических институтов разных стран. Политическими исследованиями занимались С. А. Муромцев, В. И. Сергеевич, Н. М. Коркунов, представители социологической школы права. Политическая социология становится одним из ведущих направлений социологии этого периода, и первым, кто начал изучать проблемы политической социологии как самостоятельный предмет научного исследования, опираясь на обширный эмпирический материал, был М. Я. Острогорский. Итогом его работы стало издание фундаментального труда «Демократия и политические партии» (1930).

Политическая социология как самостоятельная дисциплина существует с сентября 1959 г., когда на IV международном конгрессе социологов в Стрезе (Италия) был создан комитет по политической социологии, а его председателем стал американский социолог и политолог Сеймур Мартин Липсет. Последующее десятилетие назовут «золотым веком» политической социологии, более поздний период станет испытанием на прочность для исследовательской парадигмы молодой науки, а конец XX в. многие назовут для нее кризисным. Ключевым вопросом при определении места политической социологии как субдисциплины на начальном

этапе ее институционализации стал следующий: политическая социология – это часть политологии или часть социологии? По мнению С. Липсета, и политическая социология, и политология изучают сферу взаимодействия государства и общества, только с разных сторон: политическая социология исследует влияние общества на государство, а политология – государства на общество. Политической социологии интересны в большей мере поведенческие, а политологии – институциональные аспекты политики.

Рейнхард Бендикс и Сеймур Липсет в работе «Сфера политической социологии» (1966), делая обзор теоретического развития политической социологии в XIX и XX вв., в качестве основных направлений исследования называют классовый конфликт, согласие, олигархию и бюрократию, рассматривая их как парные понятия.

Основателями политической социологии Липсет считает К. Маркса, А. Токвиля, М. Вебера и Р. Михельса. В рамках предмета политической социологии К. Маркс и А. Токвиль исследовали проблему конфликта в обществе, в том числе и демократическом, а М. Вебер и Р. Михельс занимались проблемой соотношения бюрократии и демократии. Сам Липсет становится современным классиком политической социологии, внесшим значительный вклад в развитие таких направлений исследования социально-политических процессов, как модернизация, демократизация, формирование идеологий и общественного мнения. Основными его работами, отражающими вышеназванные направления, являются «Социальная мобильность в индустриальном обществе» (1959), «Политический человек» (1960), «Класс, статус и власть в сравнительной перспективе» (1965).

К этому списку имен можно добавить еще ряд авторов, исследовавших проблемы политической социологии посредством своих теорий и концепций: Г. Моска и В. Парето

(отношения элиты и не-элиты), А. Бентли (группы давления и власть), Г. Лассуэлл (массовая коммуникация), Т. Парсонс (социальная система), Р. Мертон (бюрократия и аномия), Р. Миллс (элита), П. Лазарсфельд (формирование общественного мнения).

Наибольший вклад в развитие политической социологии во второй половине XX в. внесли Н. Луман (социальная система), П. Бурдьё (социология политики, поле политики), С. Липсет (сравнительный анализ политических систем), Э. Гидденс (структурация), Ч. Тили (история и политика), Р. Дарендорф (социальный конфликт), Ш. Айзенштадт (модернизация).

На рубеже XX и XXI вв. отмечается становление национальных школ политической социологии в таких странах, как Россия, Индия, Канада, Италия, государствах Восточной Европы, Латинской Америки, многие из которых осуществляли транзитные переходы к демократическим политическим режимам и пытались использовать научный потенциал социальных теорий для совершенствования социальной политики и анализа перспектив развития общества.

В России возрождение прерванной дореволюционной традиции социально-политических исследований происходит лишь в 90-х гг. XX в., в советский период российской истории в силу идеологических причин изучение проблем взаимодействия личности, общества и власти велось исключительно в рамках исторического материализма и тем самым ограничивалось в возможностях выбора методов и объектов исследования. Однако следует признать, что изучение отдельных социально-политических проблем с 1950-х гг. было достаточно интенсивным, но происходило в сугубо социологической интерпретации и не касалось политических институтов или отношения к ним граждан.

В этот период сложились научные школы, подготовившие впоследствии институционализацию политической социологии в современной России: «международная» (А. В. Дмитриев, Н. М. Кейзеров, В. А. Федосеев), занимавшаяся анализом теоретических разработок ученых Западной Европы и Америки, и «уральская» (Ю. Е. Волков, В. Г. Мордкович, Я. М. Коган), исследовавшая формы общественно-политической активности граждан, главным образом занятых на предприятиях, связанные с участием в деятельности партии и получением политической информации.

На рубеже 1970-х и 1980-х гг. расширяется круг проблем политической направленности, касающихся власти, политических отношений, правовых институтов (В. Т. Афанасьев, В. С. Шевцов, Ю. Л. Тихомиров, В. Н. Кудрявцев, Г. А. Сатаров, С. В. Станкевич). В этот же период предпринимается попытка обобщить накопленный теоретический потенциал и эмпирический опыт в единую концепцию политического анализа социальных отношений в советском обществе, объясняющую политическую деятельность социальных групп, характер их социальных интересов, механизмы функционирования политических институтов, тенденции развития общественно-политических движений, формирование политических установок и предпочтений граждан¹.

В середине 1980-х гг. количество исследований по социально-политической тематике значительно увеличивается за счет дифференциации понятия «политика», рассматриваемого в новом качестве: «политический курс», «отраслевая политика», «социальная политика», «национальная политика» (С. С. Шаталин, Е. А. Ануфриев, А. Г. Здравомыслов, Э. Н. Ожиганов).

¹ Волков Ю. Е. Социология политики как отрасль социологической науки // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 42–50.

1980-е годы открыли широкие возможности в проведении эмпирических исследований по самому широкому кругу политических проблем и изучению общественного мнения, что было обусловлено курсом власти на демократизацию политической системы и напрямую связано с политикой «перестройки» (Т. И. Заславская, Б. А. Грушин, В. С. Комаровский, Э. А. Паин, А. И. Кравченко).

В начале 1990-х гг. отечественная политическая социология становится самостоятельным научным направлением в России, одной из главных причин ее востребованности стало формирование гражданского общества и возникновение потребности его изучения. Российские ученые получили возможность использовать западные исследовательские технологии без оглядки на идеологический контроль и политическую цензуру со стороны власти. Эйфория от открывающихся новых перспектив исследования в области общественных наук через десятилетие сменится разочарованием и пониманием ограниченности возможностей западных практик, объясняющихся особенностями социально-политических процессов в России, обусловленными ее историческим традициями и ментальностью, влиянием недавнего советского прошлого.

Следует отметить одну общую черту, характерную для исследователей всего спектра общественных наук в период демократических реформ в России, – это большое желание помочь становлению демократии и продвижению страны по пути социально-политических преобразований. Абсолютное большинство публикаций имело актуальный характер, являлось реакцией на реальные острые проблемы, волновавшие общество, содержало рекомендации по улучшению социального устройства страны или являлось рефлексией на происходящие события. Так, перестройке были посвящены работы Т. И. Заславской, А. И. Демидова, В. С. Комаровского;

межнациональным конфликтам и вопросам национального суверенитета – работы И. С. Ахматова, В. Н. Иванова, В. А. Михайлова, М. В. Дьячкова; проблемам российского демократического движения – работы Э. В. Клопова, В. Н. Кабапиной; политическому терроризму – работы И. В. Дементьева, А. Я. Лазарева.

В современной России темами, относящимися к объекту исследования политической социологии, занимались А. Г. Здравомыслов, А. В. Дмитриев, Б. А. Грушин, Д. П. Гавра, Г. В. Голосов, В. Я. Гельман, А. В. Ключев, В. В. Смирнов, В. Д. Виноградов, К. Г. Холодковский, Е. Б. Шестопад, В. П. Горяинов, Н. И. Лапин, И. М. Клямкин. Российские авторы развивали различные направления политической социологии, применяя и теоретические, и эмпирические методы, ими проводились исследования политических конфликтов, политического элитизма и лидерства, общественного мнения, политического участия, политических партий и общественных движений, политической культуры и ценностей.

Обобщая эволюционный путь развития теорий и понятий политической социологии, можно сделать следующий вывод. В середине XX в. утрачивает приоритет парадигма разделения властей, долгое время определявшая суть отношений между государством и гражданским обществом. Г. Алмонд в докладе на собрании национальной ассоциации политических наук в 1956 г. провозглашает переход к парадигме политических систем, определявшей разделение функций между всеми политическими институтами – как государственными, так и общественными. В теории политических систем Д. Истона гражданское общество уже рассматривается как посредник между властью и социальной средой, выполняющий функцию адаптации системы к окружающей среде с целью ее сохранения. Теории модернизации стали рассматриваться в качестве инструмента

преобразования закрытых систем в открытые, а ответом на вызовы периодического проявления напряженности между системой и средой становится разработка Р. Дарендорфом современной теории социального конфликта в противовес господствовавшей на рубеже XIX и XX вв. теории классовой борьбы К. Маркса.

В чем же уникальность политической социологии? Сегодня общепризнано, что это – единственная наука, которая претендует на то, чтобы называться наукой о гражданском обществе. Именно такое определение политической социологии впервые дал французский социолог и политолог Доминик Кола. Обобщенно можно так определить предмет политической социологии: политическая социология изучает закономерности участия граждан в политической жизни общества, взаимодействия всех социальных подсистем с политической системой.

Политическая социология использует те же категории и базовые понятия, что и политология: власть, легитимность, конфликт, но рассматривает их через призму социального, а категории социологии – через призму политического, что нашло отражение в трактовке базового понятия «политика».

Можно выделить несколько наиболее распространенных определений понятия политики, отражающих ее социальные основы: политика – сфера общественной жизни, выполняющая функции согласования общих и частных интересов, властвования, поддержания социального порядка, достижения общих целей, управления; политика – совокупность социально активного поведения людей; политика – тип социальных отношений между индивидами, социальными группами, система взаимодействий и коммуникаций людей. Социальная значимость политики определяется теми функциями, которые она выполняет в обществе: поддержание целостности общества как социальной системы; выражение

и реализация политических интересов социальных групп; распределение и перераспределение социальных благ; управление общественными процессами; предотвращение и регулирование социальных конфликтов; социализация личности; обеспечение коммуникации.

Социологический подход предполагает определение политической власти как формы социальных отношений, характеризующихся способностью социальных субъектов (индивидов, социальных групп, общностей) подчинять своей воле деятельность других социальных субъектов с помощью государственно-правовых и иных ресурсов, а политический режим рассматривает как совокупность способов и средств осуществления властных отношений во всех сферах общественной жизни, в процессе взаимодействия государства и общества. Социологический подход требует в качестве субъектов политического процесса рассматривать и административные органы власти, и социальные силы, влияющие на принятие политических решений.

Политическая социология, накапливая теоретическое знание в своей области, вместе с тем остается тесно связанной с практической деятельностью. Ее рекомендации, основанные на эмпирических исследованиях, позволяют выстраивать оптимальную модель взаимодействия общества и власти. Интенсивно развивается социология выборов, или электоральная социология, как отрасль политической социологии, изучающая поведение населения в избирательной кампании. Она исследует электоральные ориентации, факторы, влияющие на участие в выборах и голосовании, мотивы участия, структуру электората, особенности восприятия им предвыборных мероприятий, партий и личностей кандидатов. Сверх того электоральная социология дает оценку эффективности деятельности средств массовой информации и уровней их воздействия на электоральные предпочтения

избирателей, проводит анализ предвыборной ситуации и прогнозирует итоги выборов.

Проблемы определения предмета и объекта исследования в самой науке, до сих пор дискутирующиеся в научном сообществе, отразились на содержании политической социологии как учебной дисциплины, которая преподается на Западе с 60-х гг., а в России – с 90-х гг. XX в. О. В. Попова в статье «Зарубежная политическая социология (1995–2011)» отмечает постоянный интерес к проблеме объекта и предмета политической социологии, с одной стороны; а с другой – отсутствия общего мнения по этому вопросу.

Можно привести в качестве примера дискуссию, проводившуюся в Германии, в которой проблема теоретического статуса политической социологии активно обсуждалась научным сообществом в конце XX в. В Германии изучением проблем политической социологии в разное время занимались О. Штаммер («Политическая социология» (1955)), И. Горовиц («Принципы политической социологии» (1975)), О. Массинг («Политическая социология» (1976)), К. Ленк («Политическая социология. Структуры и формы интеграции общества» (1982)), Р. Ебигхаузен («Политическая социология» (1981)). Следует также отметить значительный вклад в исследование различных тем социально-политической проблематики таких авторов, как У. Алеманн, У. Ойхнер, Р. Хеберле, Х. Кербер, А. Шмидер, Х. Литцман, П. Лудц, О. Минтцель, Б. Недельман, Ф. Паппи, К. Ролшаузен. Можно утверждать, что в оценке субдисциплинарного статуса политической социологии консенсус достигнут, но открытым остается вопрос о ее дисциплинарной принадлежности: социологической или политологической. Ульрих Алеманн образно назвал политическую социологию «теоретическим хамелеоном» за изменчивость определения ее предмета и подвижность трактовок проблемного поля и даже счел возможным

охарактеризовать саму науку через определение, взятое из словаря Брокгауза: «Хамелеоны безвредные, крайне вялые и флегматичные животные». Он относится к сторонникам точки зрения, которые призывают рассматривать политическую социологию как часть социологии, таким как Клаус Ролшаузен и американский социолог и конфликтолог Л. Козер, давший широко используемое определение: политическая социология – отрасль социологии, которая занимается исследованием социальных причин и последствий распределения власти в обществе, сопровождающегося социальными и политическими конфликтами. Не менее уверены в своей позиции немецкие ученые И. Рашке и Г. Робертс, считающие, что политическая социология – часть политологии. Представлена в научном дискурсе и компромиссная точка зрения, например Ф. Паппи и О. Штаммера, отводящая политической социологии роль «моста» между двумя науками, объединяющего и социологические, и политологические исследования.

В современной России также есть существенные разногласия относительно фундаментальных вопросов политической социологии на уровне научной парадигмы, определяющих ее научный статус и уникальные дисциплинарные особенности. Так, по мнению социолога Ж. Т. Тощенко, объектом политической социологии является политическая жизнь гражданского общества, отношение общества к государству. В. В. Желтов и М. В. Желтов объектом политической социологии называют социально-политические отношения: отношения между классами, социальными группами, этносами, государствами, поколениями, профессиональными структурами. Распространенной является и точка зрения, определяющая объектом изучения политической социологии политическое сознание и политическое поведение индивидов и социальных групп.

Нет четкого разделения в предметах исследования у политической социологии и смежной с ней социологии политики у современных российских исследователей эмпирических социально-политических проблем общества. По мнению А. А. Ослона, генерального директора фонда «Общественное мнение», «политическая социология – часть политики, социология политики – часть социологии». Социология политики рассматривает политику как объект социологического анализа, исследует политику через социологические теории и концепции. Политическая социология – это часть политики, это социология, решающая задачи политических субъектов, например, в области проведения избирательных кампаний, анализа работы парламента. Противоречия сохраняются в разграничении предмета общей социологии и политической социологии. Е. В. Золотарева предлагает рассматривать политическую социологию как одну из отраслей общей социологии, использующую социологические категории при исследовании своего объекта, политической жизни, такие понятия, как социальная группа, социальный статус и социальная роль, социальное действие, социальный институт. С социологией политическую социологию сближает использование эмпирических и социологических методов исследования предмета: анкетирование, интервьюирование, включенное и не включенное наблюдение, проведение фокус-групп, эксперимент.

Что же ожидает политическую социологию как учебную дисциплину в будущем? Ответ на этот вопрос дан Х.-Д. Клингеманном в работе «Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе», где он анализирует состояние, дискурс и тенденции развития современной политологии в сфере ее преподавания и направления научных исследований. Отвечая на вызовы Болонского

процесса, европейские политологи, входящие в такие профессиональные сообщества, как Европейская ассоциация преподавателей политологии (epsNet), Европейский консорциум политических исследований (ЕСРР), предложили включить в качестве обязательных для подготовки политологов-бакалавров следующие семь направлений: политическая теория, история политических идей; методология (включая статистику); политическая система собственной страны и Европейского союза; сравнительная политология; международные отношения; государственное управление и политический анализ; политическая экономия и политическая социология. Таким образом, в профессиональном сообществе политическая социология получает полное признание своей исключительной значимости для развития политического знания и полноправно занимает достойное место среди основных дисциплин политической направленности.

Особое значение приобретает изучение и научное развитие политической социологии в современной России, где исторически велика роль государства в социальной жизни, а гражданское общество находится в процессе формирования и еще не достигло уровня зрелости. Его становление требует теоретического изучения, выявления основных закономерностей и постоянного мониторинга проблем социальной политики, реализуемой властью.

Вопросы для самоконтроля

1. Что является объектом и предметом изучения политической социологии?
2. Предметное поле политической социологии.
3. Каково место политической социологии среди смежных дисциплин: политологии, социологии, социологии политики?

4. Что составляет теоретическую и методологическую базу политической социологии?

5. Когда политическая социология институционализировалась как самостоятельная наука?

6. Кого С. Липсет считает основателями политической социологии как науки?

7. В чем заключается социологический подход к изучению политики?

8. Какие эмпирические исследовательские методы использует политическая социология?

9. В чем значимость политической социологии для изучения современной реальной политики в России?

10. Каковы перспективы развития политической социологии как научной дисциплины?

Темы рефератов и проектных заданий

1. История становления западной политической социологии.

2. Политическая социология в России: история становления и современное состояние.

3. Проанализируйте роль политической социологии в решении проблем гражданского общества в современной России.

Рекомендуемая литература

1. Бойков В. Э. Генезис идей политической социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 95–100.

2. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

3. Желтов В. В., Желтов М. В. Политическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2009.

4. *Задорин И. В.* Эмпирическая политическая социология в России выросла из электоральных исследований // Политическая наука. Современная политическая социология. 2011. № 3. С. 140–159.

5. *Золотарева Е. В.* Политическая социология в системе социальных наук: эволюция методологических принципов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2003. № 4–5. С. 138–147.

6. *Клингеманн Х.* Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе // Политические исследования. 2008. № 3. С. 97.

7. *Кола Д.* Политическая социология. М.: Весь мир, 2001.

8. *Липсет С.* Политический человек. Социальные основы политики // Политическая наука. Современная политическая социология. 2011. № 3. С. 195–245.

9. *Медушевский А. Н.* История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.

10. *Ослон А. А.* Политическая социология – часть политики, социология политики – часть социологии // Политическая наука. Современная политическая социология. 2011. № 3. С. 160–178.

11. *Плотичкина Н. В.* Политическая социология повседневности: концепт практик versus концепт фреймов // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 2. С. 227–240.

12. Политическая социология / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Юрайт, 2012.

13. *Попова О. В.* Зарубежная политическая социология (1995–2011) // Политическая наука. Современная политическая социология. 2011. № 3. С. 8–33.

14. *Соколова М. Е., Арчер Р.* Сеймур Мартин Липсет и политическая социология // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. Социология. 2012. № 3. С. 15–20.

15. *Bendix R., Lipset S.* The field of political sociology // Political sociology: Selected essays / Ed. by L. Coser. N. Y.: Harper and Row, 1966. P. 26–47.

16. Political Sociology. Selected Essays / Ed. by L. A. Coser. N. Y.: Herper and Row, 1966.

1.4. Политическая риторика

Политическая риторика может быть определена как наука и учебная дисциплина, изучающая закономерности эффективного речевого воздействия в политическом пространстве, и как само искусство воздействия, красноречие (Г. Г. Хазагеров).

Политическое общение можно считать одним из основных коммуникативных потоков современного общества. Оно осуществляется на разнообразные темы: формирование власти, война и мир, борьба с терроризмом, экономическое развитие, содержание права, свобода и многие другие. Особо можно выделить общение на электоральные темы, посвященные проблемам избрания власти в условиях демократических выборов. В процессе общения осуществляется воздействие говорящих на слушающих.

Со времен Античности в предметную область риторики входило умение и искусство написания и произнесения речи (логографы, софисты). Публичный оратор должен уметь правильно рассуждать и убеждать в правильности своей позиции слушателей (Сократ, Платон). Уже в Древней Греции произошло разделение риторического содержания, или аргументации, на истину и умение воздействовать на слушателей. В зависимости от соотношения этих моментов в публичной речи и науке о ней формируются направления красноречия и умения воздействовать на слушателей истинной аргументацией.

Так, софисты стремились к убеждению слушателей в значимости любой позиции. Речевой стиль, получивший название диалектики (Платон), был основан на диалоге участников общения. В процессе диалога они стремились к поиску истины и в конечном итоге к принятию решений,

соответствующих потребностям сообщества. Содержательные итоги античной публичной риторики зафиксировал Аристотель в работе «Риторика», в которой интегрировал достижения дедуктивной логики, речевого искусства и этики, а также потребности в истине.

В Римской империи риторика превращается в базовый инструмент публичного общения. Для возможности заниматься правовой и управленческой деятельностью член римского общества должен был пройти курс обучения этой дисциплине (Квинтиллиан), который длился около восьми лет. За это время необходимо было научиться технологиям изобретения, оформления и произнесения публичной речи. В университетах средневековой Европы риторика, наряду с грамматикой и диалектикой, входила в качестве науки о слове в обязательный перечень «семи свободных наук».

В Новое время интерес к риторике ослабевает. Причиной этого явилось развитие религиозного и светского воспитания и образования, повышение культурно-технологического уровня населения в целом. Риторика становится предметом занятий узкого круга профессионалов и элиты, нуждающейся в умении воздействовать при помощи речи (вербально) на массы людей. Например, в лицее, где учился А. С. Пушкин, работали высокообразованные преподаватели (В. Малиновский, Н. Кошанский), которые оказали влияние на его литературную, гражданскую и риторическую позицию.

В эпоху революционных потрясений XIX–XXI вв. риторика политизируется. Господствующей формой общения становятся пропаганда и агитация. Пропаганда представляет собой форму воздействия на членов общества с целью ознакомления, распространения и принятия слушателями конкретной идеологии, например, марксистско-ленинской. Пропаганда ориентирована на теоретические аспекты

идеологии или стратегию радикальных или консервативных преобразований общества. Агитация направляет свои усилия на непосредственные и тактические проблемы политической активности.

В этом процессе воздействия на слушателей создается определенный мировоззренчески-идеологический фон общих представлений и ориентаций – формируется политическая культура при помощи ресурсов пропаганды. В зависимости от потребностей позиционирования этот дискурс/нарратив фокусируется, концентрируется в соответствующий агитационный образ, создающий основу для восприятия и интеграции конкретной политической позиции. В этом процессе осуществления коммуникативного воздействия акторы позиционирования пытаются доказать, что они представляют собой носителей не только партийного, частичного, но и общественного или даже всеобщего интереса. Представители элиты доказывают, что их политические позиции выражают интересы всех сторонников данного партийного процесса. Представители оппозиции доказывают, что позиция официальной власти несостоятельна, и предлагают альтернативные подходы. Сторонники тех или иных партий утверждают, что их позиции содержательны и соответствуют потребностям большинства или как минимум актуального меньшинства. Политическая риторика в форме пропаганды и агитации обедняет процесс общения, поскольку она выделяет тот или иной частный аспект целостности и стремится ограничить содержание коммуникаций набором абстракций, выдавая их за целостный образ.

Поскольку в сфере политического общения происходит решение важнейших общественно-политических проблем, оно носит, как правило, ответственный, гражданский характер. Для политического общения выделяется время на радио и телевидении, отводятся лучшие вместительные залы; по

поводу содержания и формы этого взаимодействия осуществляется пропаганда, агитация и реклама, в нем участвует большое количество людей. С другой стороны, существует распространенное мнение во многих странах мира, что политическое общение бессодержательно, имеет массу фальсификаций, осуществляется ради манипуляции населением и предметная ценность его невелика. Очевидно, что в содержании политического общения есть аспекты как положительного, так и отрицательного характера. В то же время в пространстве политической риторики обсуждаются и принимаются организационно-политические решения, которые определяют формат социально-политической системы.

Политическая риторика, в отличие от многих других форм коммуникации, непосредственно основана на частных, партийных интересах. Поэтому она непосредственно связана с идеологией. Идеология в общении представляет собой распространение частного интереса на большое количество слушателей. Элита всегда заинтересована в сохранении и укреплении своей власти, а представители оппозиции – в ее ограничении. Культурный уровень населения благодаря распространению информационных технологий в настоящее время значительно возрос, поэтому политическое общение может быть позитивным только в том случае, если частные интересы власти или оппозиции в процессе коммуникаций будут представлены как общие, интегрированы в контекст корпоративных интересов. По этой причине современная власть стремится к легитимности, к одобрительному восприятию речевых позиций слушателями.

Главная задача любого оратора, в особенности политика, заключается в том, чтобы добиться присоединения слушателей к своей позиции. Позиция политических акторов и населения в целом выступает предпосылкой политической деятельности. Позитивная политическая организация,

характеризующаяся совпадением осмысления проблемности общества и содержанием коммуникативных и деятельностных позиций, обладает высокой управленческой эффективностью. Рассогласование этих аспектов политической системы приводит к ослаблению способности государства результативно управлять обществом. В этом случае увеличивается разрыв между риторическими позициями, обещаниями политиков и результатами их деятельности – состоянием общества и уровнем жизни населения.

Для повышения риторической эффективности политик, обладающий низким управленческим потенциалом, вынужден прибегать к манипуляциям в отношении своей позиции. Суть манипуляции коммуникативным позиционированием заключается в стремлении политического речедеятеля скрыть отсутствие или содержательную слабость своей позиции. Причем в современной России носители властных полномочий скрывают содержательную слабость своих позиций, а представители оппозиции – их отсутствие. В результате в коммуникативном пространстве политики общение в нашей стране основано на псевдосемантике, позволяющей формировать квазипозиции, не имеющие под собой реального основания.

Указанные противоречия связаны с тем, что политическое управление не может осуществляться без риторической подготовки в форме пропаганды и агитации, которые являются основными формами речевого воздействия на слушателей. Речевое воздействие позволяет добиваться присоединения слушателей к позиции ораторов. В политической сфере совокупное господство определенного коммуникативного позиционирования определяет формирование политических установок и создает основу для деятельности населения в процессе воспроизводства социально-политической системы (Н. Крупская).

В середине прошлого века возникает неориторика (Х. Перельман). Этот поворот в развитии теории коммуникаций интерпретировать достаточно сложно. Данная сложность заключается в том, что неориторический дискурс имеет выходы на самые разные когнитивные и социополитические аспекты современного мира. К ним относятся развитие свободы и демократии, становление сетевого сообщества, глобализация, информационные технологии, мировоззрение постмодерна и многие другие.

Принципиальным отличием риторики и неориторики можно считать различие способов ориентации человека в мире. Риторика основана на противопоставлении речедеятеля и слушателей, объекта речи и ее создателя/реализатора. Базой аргументации риторики выступает последовательность формализованных рассуждений. Субъектная сторона общения в ней является лишь внешним, дополнительным аспектом, не влияющим на объективное содержание позиции. В пространстве неориторики за счет ресурсов интерактивности происходит создание содержания позиционирования. Формальные рассуждения дополняются открытым синтезом различных дискурсов, носителями которых выступают как речедеятель, так и слушатели. Причем это разделение становится условным и при определенных условиях исчезает совсем. Структурой выработки позиции в результате общения становится не воздействие оратора на слушателей, а их взаимодействие, сотрудничество.

В современном коммуникативном процессе России следует выделить два базовых формата риторического позиционирования: гражданский и подданнический. Гражданский стиль получил развитие на восходящих потоках становления демократической политической системы. Основа этого позиционирования заключается в коммуникативном взаимодействии, позволяющем вырабатывать актуальные истинные

решения для корпорации в процессе политической конкуренции. Гражданский диалог имеет диалектическую форму, основывается на нормативном обсуждении содержательных позиций, обладает статусом высокой ответственности. Решения и позиции, созданные в пространстве гражданского диалога, зачастую становятся укорененными политическими символами и образами.

Подданнический стиль противоположен по содержанию гражданскому, но часто воспроизводит его форму. В современном обществе подданнический стиль обслуживает интересы политической элиты недемократических режимов. Его задача – создать видимость демократической, гражданской формы принятия ораторской позиции, в которой заинтересована политическая элита. Обычно формат диалога подданнического общения носит эристический характер: обсуждение позиций осуществляется не ради создания общеприемлемого варианта (синтеза дискурсов), а ради победы одной из сторон.

При этом форма диалога, как правило, несимметрична. Аргументативная конвенция создается элитой, устойчивый политический режим превращает ее в ритуал общения, носящий общепринятый характер. Сторона элиты общается по эристическим законам, вынуждая оппонентов осуществлять диалог в соответствии с конформистскими, толерантными стереотипами. Режиссура и организация общения, доступ к информационным технологиями в формате подданничества также обслуживают интересы элиты. Ресурсы элиты создаются профессионалами и являются более мощными, нежели ресурсы оппозиции. Подданнический стиль имеет набор стереотипов, которые уменьшают возможности всех участников обсуждения прояснять свои позиции, осуществлять демократическое или консенсусное обсуждение позиций и их принятие.

В современном обществе даже развитая демократическая власть дистанцирована от народа и часто преследует

узкокорпоративные, по сравнению с потребностями населения, интересы. Поскольку политический процесс приобрел глобальную форму, ущемляющую интересы миллиардов людей населения Земли, политическое общение приобрело высокий уровень конфликтности. Односторонний характер принимаемых решений при осуществлении политических коммуникаций порождает массу конфликтов, войн и распространение терроризма.

Важными элементами борьбы за господство позиций в политической речи, как было сказано, являются пропаганда, агитация, политическая реклама, связи с общественностью и другие технологии. Использование этих ресурсов в значительной мере определяет функциональную эффективность политической организации.

В процессе воспитания и образования в человеке закладываются определенные социальные стереотипы, которые позволяют его организовать так, чтобы он усваивал и воспроизводил определенную форму культуры, в том числе конкретные политические позиции. Усвоение, модификация политических позиций в реальном времени, их актуализация и превращение в энергию мотивации осуществляются посредством пропаганды и агитации.

Пропаганда позволяет осмыслить установки инновационных по отношению к стереотипам интерпретаций и технологий. Агитация нацелена на создание мотивации, достаточной для преобразования прежних, консервативных форм деятельности. В подданническом общении агитационную речь строят на политико-сакральном или политико-символическом основании. В гражданском обществе – на основе рекламы. Агитационная речь обращена к каждому слушателю в отдельности или к корпорации в целом. Реклама основана на безадресном, абстрактном обращении, которое якобы должно приобрести завершение на основе персонального выбора.

Основная цель агитационной речи заключается в том, чтобы побудить слушателей к определенной форме деятельности. Агитационная речь опирается на информационно-эмоциональную форму общения. Информация речи подвергается оценке и доказательству того, что слушатель не может не отождествиться с данным содержанием. Агитационная речь в определенной мере напоминает неориторический дискурс. Это сходство связано с высоким эмоциональным напряжением, создаваемым эффективной агитацией. По форме она сходна с сотворчеством. Однако в дискурсе неориторики источником интерактивности становится не отраженная энергия речедеятеля, а совместная энергия участников общения, возникнуть которой помог оратор, в данном случае – инициатор общения.

Для обеспечения эффективности речи, позволяющей присоединить слушателей к позиции оратора, необходимо реализовать следующие правила:

– введение речи нуждается в акцентации, поскольку с самого начала выступления речь должна быть четкой, ясной и определенной. Структура введения включает вступительную информацию, изложение цели оратора, название темы, пояснение, краткий обзор содержания;

– эффективная речь требует тщательного учета конкретных особенностей слушателей (этос): состав аудитории, ее ресурсы, настроение, эмоциональное состояние, отношение к предмету речи и оратору – все эти условия общения влияют на решение проблемы присоединения слушателей к позиции оратора;

– убеждающее общение нуждается в элементах диалога. Для политической речи подходит в большей мере диалог-театр. Реплики слушателей позволяют оратору создавать устойчивую обратную связь и состояние эмоционального единства;

– для эффективного взаимодействия со слушателями необходимо в начальной стадии выступления создать ситуацию взаимопонимания для того, чтобы обеспечить положительную реакцию на содержание и тезисы речи;

– для установления контакта используют: создание благожелательного отношения к содержанию, обращение к опыту оратора и слушателей, создание примирительного отношения к речи и оратору в случае агрессивного отношения слушателей к речи, создание желания к сотрудничеству. Лучшее средство для реализации данной цели – компетентность и юмор;

– использование насмешливых замечаний слушателей требует внимания к их соразмерности, оратор обязан строго контролировать уместность тех или иных аффектирующих реплик;

– отрицательный аспект информации необходимо дозировать, в случае необходимости ее использования следует усилить контроль за восприятием и состоянием слушателей;

– кульминация речи должна опираться на единство оратора и слушателей. В качестве доминанты кульминации следует использовать воззвание – обращение к слушателям с призывом к присоединению к позиции оратора, способное вызвать ее эмоциональное одобрение.

Основными элементами образа политического оратора, способного обеспечивать присоединение слушателей к своей позиции, являются: убежденность в своей правоте, искренность, личная готовность к действию, четкость и решительность, а также способность обеспечения дозированной закрытости коммуникативной ситуации. В максимальной мере подобные качества коммуникатора в политической среде реализуются в форме харизмы. Харизма представляет собой способность политических лидеров сверхъестественным образом влиять на слушателей

и организовывать массовую аудиторию в качестве действующей силы. Чаще всего харизмой обладают политические лидеры восходящих потоков реформации общества и диктаторы. Носители харизмы обладают высоким уровнем персональной энергии, способны аккумулировать энергию массы и направлять ее, структурируя пространство общения. В подобных ситуациях каждый слушатель включается в общение непосредственным образом и подчиняется резонансной энергии. В настоящее время такой эффект могут обеспечивать коммуникации в формате ток-шоу, который основан на включении слушателей в процесс общения и подчинении их воле оратора.

Политическая риторическая школа не может обеспечить формирование харизмы у конкретной персоны лидера, поскольку в ее арсенал не входит создание энергетических ресурсов. Более высокий уровень неориторики позволяет решать подобные задачи. В пространстве неориторического политического общения основой становится активизация слушателей, которые превращаются в речедеятели. Интерактивный формат позволяет как значительно расширить горизонты содержательного позиционирования, так и повысить энергетический потенциал общения.

Можно предположить, что следующим этапом развития политической риторики станет викириторика, исследующая сетевое общение неограниченного числа коммуникативных акторов, которые на добровольной основе будут создавать позиции, позволяющие разрешать проблемы, актуальные для конкретного сообщества.

Тестовые задания для самоконтроля (Образец)

1. Риторика – это:
 - а) наука о культурной и нормативной речи;
 - б) наука о речи и умение вербального воздействия на слушателей;
 - в) искусство речевого воздействия.
2. Современное коммуникативное пространство – это:
 - а) среда обмена информацией;
 - б) сообщество речедеятелей и слушателей;
 - в) социальный институт разрешения актуальных проблем общества.
3. Создателями европейской риторики следует считать:
 - а) софистов;
 - б) логографов;
 - в) философов классической школы (Сократ, Платон, Аристотель).
4. Создателем школы риторической подготовки администраторов и юристов Римской империи следует считать:
 - а) Аристотеля;
 - б) Цицерона;
 - в) Квинтилиана.
5. Основной задачей политического оратора является:
 - а) убеждение слушателей в своей правоте;
 - б) стремление к осмыслению ситуации;
 - в) присоединение слушателей к своей позиции.
6. Пафос в политической риторике – это:
 - а) стремление оратора продемонстрировать патриотизм;
 - б) стремление оратора развить патриотизм слушателей;
 - в) намерение оратора оказать определенное воздействие на слушателей.

7. Этос в политической риторике – это:
- а) свойство слушателей понимать оратора;
 - б) свойство слушателей оценивать оратора;
 - в) свойство слушателей продуктивно взаимодействовать с оратором.
8. Создателем неориторики является:
- а) Н. Макиавелли;
 - б) В. Ленин;
 - в) Х. Перельман.

Рекомендуемая литература

1. *Атанесян А.* Публичная политика и технологии современной политической риторики. URL: www.noravank.am/file/article/65_ru.pdf.
2. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов// Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 58–65.
3. *Коротец И. Д.* Риторика: экспресс справочник для студентов вузов. М.: Март, 2008.
4. Политическое красноречие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Санкт-Петербург, 1890-1907). URL: http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Политическое_красноречие.
5. Речи известных русских юристов: сб. М.: Изд-во юрид. лит-ры, 1985.
6. *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002.
7. Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.

Глава 2. НОВЫЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.1. Политическая антропология

Политическая антропология – это наука, изучающая политическую власть как родовую черту человека, представленную во всех ее культурно-исторических проявлениях.

Такой подход к политической власти так же стар, как и сама наука о политике. Мы находим его уже в «Государстве» Платона – произведении, с которого, по обоснованному мнению Г. А. Алмонда¹, начинается политическая наука. Здесь Платон описывает типы человека, формирующиеся в соответствии с определенным государственным строем. Аристотель позднее развивает аналогичный взгляд на политику. Он четко очерчивает предметное поле политической антропологии, определяя человека как «существо политическое» (ζῷον πολιτικόν). Для Аристотеля законы, основанные на обычае, имеют приоритет перед писаными законами и решениями государственных лиц. В Новое время эту антропологическую линию в трактовке политики продолжили французские философы, прежде всего Ш. Монтескье в своем классическом труде «О духе законов». Родовые универсалии реального политического опыта осмысливали и другие представители французского Просвещения. У Ж.-Ж. Руссо, к примеру, это выражается в парадоксально-позитивной оценке примитивности «естественного состояния», которому французский философ (в своем труде «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми») противопоставляет аморализм современного классового общества. Аналогичным образом Д. Дидро в «Добавлении

¹ Алмонд Г. А. Указ. соч. С. 72.

к путешествию Бугенвилля» подвергает сомнению антитезу цивилизации и варварства, отмечая нравственное превосходство «варварского состояния» людей по отношению к «цивилизации». Важной вехой предыстории политической антропологии стала идея прагматической антропологии, высказанная поздним И. Кантом. Эта антропология призвана заниматься систематическим изложением характера народов, как они существуют в настоящее время. И. Кант действительно попытался дать такую характеристику в своей работе «Антропология с прагматической точки зрения».

Сам термин «политическая антропология» возник в традиции европейского расизма¹, что объясняется колоссальным влиянием дарвинизма на социогуманитарную мысль рубежа XIX и XX вв. Именно в эту эпоху набирает популярность такое интеллектуальное течение, как «социальный дарвинизм», или «политическая антропология». В отличие от своей расистской «тезки», современная политическая антропология формировалась в русле этнографии и социальной антропологии. Тонкими описаниями властных институтов в «доисторических» обществах, а также первыми теоретическими обобщениями в этой сфере мы обязаны выдающимся классикам социальной антропологии – американцу Льюису Генри Моргану и британцу сэру Генри Мейну. Не случайно книга Моргана «Древнее общество» (1877) была восторженно встречена К. Марксом как автором «исторического материализма», и на основании Марксова конспекта этой книги Ф. Энгельс написал позднее свою известную работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

¹ Так называлась книга немецкого философа-расиста Л. Вольтмана, вышедшая в свет в 1903 г. См. русское издание: *Вольтман Л. Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов.* М.: Белые альвы, 2000.

Существенный вклад в становление политической антропологии как отдельной научной дисциплины внесли социальные (культурные) антропологи, которые уже в первой четверти XX столетия обобщили (в аспекте институтов политического управления) многочисленные данные этнографических наблюдений в традиционных неевропейских обществах (У. Маклеод, Р. Лоуи, А. А. Гольденвейзер, Дж. Фрезер и др.).

Решающую роль в становлении политической антропологии как самостоятельной дисциплины, отличной от смежных с нею наук (социальной антропологии, социологии, истории, этнографии), сыграли политические обстоятельства, а именно потребность европейских держав в стабильном управлении колониями, прежде всего в Африке. В особенности это нашло выражение у британцев, в рамках их политики так называемого «непрямого управления» (*indirect rule*), предполагавшего использование местных (туземных) институтов власти для нужд колониальной администрации. Не случайно именно в Британской Африке политико-антропологические исследования получили в этот период быстрое развитие, что вылилось в 1940 г. в публикации сразу трех солидных сочинений: двух работ Э. Эванса-Причарда, посвященных исследованию политической жизни нилотских народов (нуэров¹ и ануаков²), а также коллективного труда «Африканские политические системы» (под редакцией Э. Эванса-Причарда и М. Фортеса)³. С этих произведений, проникнутых пафосом строго эмпирического, неспекулятивного анализа политических отношений, принято

¹ *Эванс-Причард Э.* Нуэры: Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М.: Наука, 1985.

² *Evans-Pritchard E. E.* The Political System of the Anuak of the Anglo-Egyptian Sudan. London: London School of the Economics, 1940.

³ *African Political Systems / Ed. by M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard.* London: Oxford University Press, 1940.

начинать официальный отсчет политической антропологии как научной дисциплины.

У нас в стране существенный вклад в становление политической антропологии внесли такие видные этнографы и антропологи, как В. Г. Богораз, В. Я. Штернберг, Н. Н. Миклухо-Маклай, Н. М. Пржевальский и др. Причем, как отмечает В. В. Бочаров, если на Западе прикладные и теоретические исследования антропологов финансировались государствами в рамках их колониальной политики, то «в России крупнейшие этнографы (антропологи) зачастую сами являлись политическими оппонентами правящей власти»¹. Впрочем, с этой позицией согласны не все отечественные антропологи, что, видимо, отражает двусмысленное положение, в котором оказывались все антропологи, изучавшие «туземное население» в эпоху колониальных империй. С одной стороны, ученые входили в доверие к людям другой культуры и как бы служили их естественными адвокатами в отношениях с европейскими властями. С другой же стороны, именно эти власти финансировали научную работу антропологов, дабы использовать их исследовательский труд для обеспечения долгосрочной эксплуатации колоний.

К началу 60-х гг. прошлого века политическая антропология стала уже вполне «оперившейся» научной дисциплиной. Сам термин для обозначения новой дисциплины предложил Дэвид Истон в 1959 г.², а чуть позже он получил еще более солидную легитимацию в сборнике статей «Политическая антропология», изданных под редакцией известных амери-

¹ Бочаров В. В. Политическая антропология и общественная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 134.

² Easton D. Political anthropology // Biennial Review of Anthropology / Ed. by B. J. Siegel. Stanford: Stanford University Press, 1959. P. 210–246.

канских ученых Виктора Тёрнера (Victor Turner), Марка Шварца (Marc Swartz) и Артура Тьюдена (Arthur Tuden)¹. 1970-е годы стали временем бурного роста интереса к антропологическим исследованиям. Вскоре стал выходить один из первых журналов, непосредственно посвященных политико-антропологической тематике, – «Political and Legal Anthropology». В 1967 г. выходит «Политическая антропология» француза Жоржа Баландые, которую можно считать первым учебником по политической антропологии как специальной науке.

Хотя институционализация политической антропологии произошла в русле африканистики, изначально политико-антропологические исследования касались не только политического управления в архаических обществах, полностью или частично изолированных от мировых социально-экономических связей, но и политической культуры тех традиционных обществ, которые были уже сравнительно давно втянуты в интернациональную систему отношений и подвержены процессу модернизации. В этом смысле предметом политической антропологии в момент ее возникновения выступали политические институты во всех традиционных обществах, переживающих процесс модернизации: исламских, конфуцианских, православных и т. д. Именно так определяют предмет политической антропологии и многие современные ученые. К примеру, для Н. Н. Крадина предмет данной науки составляет «совокупность институтов контроля и власти в доиндустриальных обществах: структура данных институтов и их сравнительная типология, анализ причин и факторов преобразования одних форм в другие, проблема адаптации, инкорпорации и трансформации

¹ Political Anthropology. Introduction / Ed. by M. Swartz, V. Turner, A. Tuden. Chicago: Aldine, 1966.

традиционных механизмов контроля в современных политических институтах»¹.

Сходное определение предмета политической антропологии дают и многие другие авторы. Это определение содержит два ключевых момента: 1) указание характера социальных институтов, которые исследуются; 2) тип обществ, в которых эти институты представлены.

Что касается первого момента, то под ним подразумеваются «традиционные отношения власти и властвования» (Л. Е. Куббель); «властное отношение в элементарных структурах, которые обеспечивают ему его первый фундамент» (Ж. Баландье), «системы властно-управленческих отношений» (В. В. Бочаров).

Что касается типа обществ, который изначально интересует политических антропологов, то их обозначают как «традиционные», «архаические», «доиндустриальные», «докапиталистические», «доклассовые» или «раннеклассовые» общества.

Акцент на традиционализме (архаизме) объектов политической антропологии дает повод относить ее к исторической науке, но это не совсем корректно. В отличие от истории, политическая антропология интересуется не историческими событиями как таковыми, а базисными политическими институтами в их историческом и культурном разнообразии. Если делать акцент на исторической динамике этих институтов, то можно, вслед за французским историком Ж. Ле Гоффом, говорить о «политической исторической антропологии», но не более.

Хотя политическая антропология зарождалась в русле этнографических исследований, она по своему предмету к ним не сводится. Ведь политическую антропологию интересуют не

¹ Крадин Н. Н. Политическая антропология: учеб. пособие. М.: Ладомир, 2000. С. 10.

сами по себе культурно-бытовые особенности ныне живущих народов, а властно-политические механизмы социальной организации любых народов, в том числе древних, причем механизмы, реализующие в своей частности общие, родовые характеристики человека как «политического животного».

Гораздо ближе по своим методам, чем этнография, к политической антропологии стоит этнополитология, но она уже по предмету, сосредоточена на этнических (в крайнем случае, этнонациональных) феноменах.

Наиболее близко, помимо этнографии и этнологии, политическая антропология подходит к социальной (культурной) антропологии и социологии. Однако в отличие от них политическая антропология акцентирует свое внимание на институтах политической власти. Это дает основание рассматривать политическую антропологию именно как субдисциплину политической науки, отличную от других политологических субдисциплин своими методами.

Анализ политических систем неевропейских, в особенности архаических обществ оказал обратное революционизирующее воздействие на западноевропейскую политическую науку, существенным образом «антропологизировав» ее предмет и метод. С другой стороны, объектом политической антропологии становятся не только традиционные неевропейские общества, но и современные западные политии. Такое расширение объектного поля политической антропологии ведет к уточнению ее предметной специфики. В. В. Бочаров справедливо замечает, что выбор современных обществ в качестве объектов политической антропологии не меняет предмета политической науки как «прикладной науки, направленной на оптимизацию принимаемых в процессе управленческой деятельности решений в условиях, когда в качестве управляемых выступают полиэтничные субъекты,

политическая культура которых густо замешана на традиционном субстрате»¹.

Изучение современных властно-политических отношений в методологической традиции З. Фрейда, К. Леви-Стросса, Э. Канетти, М. Фуко и др. существенно конкретизировало – уже к 60–70-м гг. прошлого века – не только методологию, но и сам предмет политической антропологии, обратив внимание на те аспекты политического, которые проявляются в любых, в том числе и современных западных обществах, но роль которых традиционно недооценивалась политологами: это всякого рода неформальные, ситуативные формы политики, ее символические, игровые формы, которые важны не только на макро-, но и на микроуровне общества, внутри отдельных групп и коллективов. Российский политический антрополог В. А. Тишков указывает также на такие новые направления политико-антропологических исследований, как вопросы «социальной истории повседневности» и «массовых информационных воздействий», включая информационные войны, а также – вслед за Фуко – на феномен «власти-знания».

Тем самым предмет политической антропологии и для самой этой науки освободился от жесткой связи с институтами политического управления и контроля в традиционных обществах (как это казалось в первой половине прошлого века) и предстал как «проект очень старый, но всегда актуальный» (Ж. Баландье).

Поскольку на завершающей своей фазе конституирование политической антропологии как специальной научной дисциплины происходило главным образом на базе этнографических исследований в Британской Африке, постольку именно британская «классическая» школа политической антропологии изначально считалась самой

¹ Бочаров В. В. Указ. соч. С. 138.

влиятельной. Она была представлена такими именами, как Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун, Э. Эванс-Причард, М. Фортес, М. Смит, Дж. Барнс, Л. Мэйр, М. Глакмэн и др. В основном английская школа политантропологии работала на африканском материале, однако позднее британские антропологи расширили географический ареал своих интересов на другие части света (Э. Лич, Ф. Бейли, Э. Геллнер, Э. Саутхолл, Л. Фоллерс, И. Шапера и др.).

Британская школа политической антропологии отмечена четким методологическим своеобразием: функциональным подходом. По словам Н. Н. Крадина, этот подход был представлен в двух вариантах: как классический (Б. Малиновский) и как структурный функционализм (А. Рэдклифф-Браун, Э. Эванс-Причард). При функционалистском подходе общество трактуется как стабильная совокупность институтов с определенными функциями. От вопросов исторической эволюции и динамики институтов, а также их дисфункциях, сопряженных с конфликтами, функционалисты отвлекаются. Именно так анализировались раннегосударственные и безгосударственные общества в «Африканских политических системах».

Британские ученые сыграли важную роль в формировании американской политико-антропологической школы. Однако если методологической «маркой» британской школы был функционализм, то американские политантропологи делали акцент на процессах и среде. Отчасти это объясняется тем, что сильное влияние на американскую политико-антропологическую традицию оказали такие науки, как социология, политология и политическая экономия (в особенности марксистская). Процессуальный подход был представлен в американской политической антропологии несколькими направлениями. Одна группа ученых (Д. Истон, А. Коэн, М. Шварц, В. Тернер, А. Тьюден и др.) занималась иссле-

дованием феноменов власти в индустриальных обществах, развивая более гибкую, чем в британском функционализме, методологию анализа современных политических феноменов; в связи с этим ими были предложены такие понятия, как «политическое поле», «социальная сеть», «квазигруппы» и т. д. Другое направление было представлено неозволюционизмом, сосредоточенным вокруг проблемы происхождения государства (Р. Карнейро, Р. Коэн, Р. Нэррол, М. Оранс, Э. Сервис, М. Фрид, М. Харрис). Еще одна разновидность процессуального подхода в американской политической антропологии была представлена работами, посвященными роли субъектов (agents) в политике, в частности, в период крушения европейской колониальной системы (Ф. Бейли, Ф. Барт и др.).

Французская политическая антропология развивалась под влиянием трех основных интеллектуальных традиций – марксизма, структурализма (в духе К. Леви-Стросса) и школы «Анналов». В рамках марксистского направления (М. Годелье, П. Бонт, Ж.-П. Дигар, К. Мейесу, Ш. Парэн, Ж. Сюре-Каналь, Ж. Шено и др.) разрабатывалась теория способов производства (включая вопрос об «азиатском способе производства»). Важное место в работах французских политантропологов занимала проблематика формирования государственных институтов в постколониальных странах (Ж.-Ф. Байяр, Ж. Макэ, Ж. Ломбар и др.). Интерес к сакрально-символическим аспектам политической власти (М. Блок, М. Абеле и др.) обнаруживал влияние «Анналов».

Дискуссия об «азиатском способе производства» составляет важный эпизод становления отечественной традиции политико-антропологических исследований. Особо важным был здесь акцент на «личностном» характере до- и раннекапиталистических обществ (А. Я. Гуревич, М. А. Виткин, М. А. Чешков, В. В. Крылов и др.). В русле этой идеи позднее сформировалось новое направление исследований – «полити-

ческая антропология феодализма» во главе с А. Я. Гуревичем и не без влияния со стороны школы «Анналов». В эпоху «перестройки» на советскую дискуссию о способах производства сильное влияние оказала западная социология, в частности идеи М. Вебера и Т. Парсонса. Истматовская догматическая схема пяти общественно-экономических формаций сменилась целым набором альтернативных концепций культурно-исторической эволюции (Л. С. Васильев, Г. С. Киселев, Н. А. Иванов, Л. А. Седов, А. И. Фурсов и др.). Существенный вклад в становление отечественной политической антропологии внесли советские этнографы, в частности африканисты В. Р. Арсеньев, А. С. Балезин, В. В. Бочаров, К. П. Калиновская, Ю. М. Кобищанов, Н. Б. Кочакова, Э. Е. Лебедева, Э. С. Львова, Д. Б. Малышева, Д. А. Ольдерогге, В. А. Попов, И. В. Следзевский, О. С. Томановская и др.

Первой российской монографией, специально посвященной политической антропологии, стала опубликованная уже на исходе советской эры книга Л. Е. Куббеля¹. Правда, вместо «политической антропологии» Куббель использует выражение «потестарно-политическая этнография» (от лат. *potestas* – мощь, сила, господство, власть). Для этого были прежде всего идеологические причины. С одной стороны, термин «политическая антропология» ассоциировался с «политической антропологией» европейского расизма, а с другой – не соответствовал догматическому утверждению официального марксизма о том, что политики до и вне государства быть не может.

На сегодняшний день можно говорить как минимум о трех направлениях политико-антропологических исследований в России, которые в равной мере задействуют этнографические

¹ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988.

данные, но с разными акцентами. Во-первых, это социобиологическое направление, которое пытается осмыслить природно-биологические предпосылки возникновения и эволюции политической власти (лидерства) в сравнении с феноменом доминирования в социумах животных (М. Л. Бутовская, Л. Е. Гринин, В. В. Дольник, Д. А. Жуков, А. В. Коротаев, А. В. Марков и др.). Во-вторых, это историографическое направление, сосредоточенное на путях генезиса государств, их типологии, а также различных путях политической эволюции обществ (С. А. Арутюнов, Ю. Е. Березкин, Д. М. Бондаренко, Ю. В. Бромлей, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, Л. Е. Куббель, А. И. Першиц, В. А. Попов, Ю. И. Семенов, Т. Д. Скрынникова и др.). И наконец, это – собственно политологическое направление, напрямую связанное с актуальными политическими процессами в России как сложном (комплексном) обществе: трайбализм, клиентелизм, феномены лидерства и соперничества, консенсусная демократия, авторитаризм, этнорелигиозные факторы модернизационных процессов, конфликты этнических элит и т. д. Сюда подключаются, помимо политологов и социологов, прежде всего этнологи (В. В. Бочаров, Н. М. Гиренко, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, В. А. Тишков, С. В. Чешко, В. А. Шнирельман и др.). В последние годы это направление политической антропологии активно развивается.

Среди отечественной научной периодики, регулярно публикующей материалы по политической антропологии, следует назвать прежде всего журнал «Восток (Oriens)», основанный в 1955 г., но до 1991 г. выходивший под разными названиями: «Советское востоковедение», «Проблемы востоковедения», «Народы Азии и Африки»). В 2002 г. у российских политантропологов появился свой международный журнал «Social Evolution & History» (гл. ред.: Д. М. Бондаренко, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев).

Примерно с 70-х гг. прошлого века границы между национальными школами политической антропологии становятся все более текучими. Это объясняется изменением в объектах антропологических исследований: исчезают «заповедные» безгосударственные общества, рушатся колониальные империи европейских стран, нарастают глобализационные процессы, а вместе с ними начинается новое «великое переселение народов». На первый план антропологических исследований выходят «сложносоставные (complex)» социальные среды, в которых взаимодействуют различные культуры, религии, цивилизации, глобальные и локальные процессы. При этом приходит понимание того, что современные европейские общества суть не менее интересный объект политико-антропологического анализа, чем традиционные (архаические) и незападные общества.

Переход к изучению современных сложносоставных обществ сделал политическую антропологию еще более «политологической» дисциплиной. При этом изучаются не только политические феномены, располагающиеся вне государственных институтов (патронажно-клиентельные отношения, микрополитика коллективов и т. п.), но само современное государство. «Антропология государства», в особенности «антропология пограничья» (*anthropology of borders*), является сегодня одним из бурно развивающихся научных направлений (М. Абеле, Х. Доннан, Т. Вильсон, Б. Томассен, П. Верени и др.). Отдельно исследуются «функционеры» как культурная группа, действующая в любых, не обязательно национально-государственных структурах (М. Восленский, С. Райт, И. Белье, М. Макдональд и др.).

Еще одно быстроразвивающееся направление политико-антропологических исследований касается феноменов этничности, наций и национализма, а также проблем формирования (модификации, гибридизации и т. п.) соответ-

ствующих идентичностей (Э. Геллнер, Б. Андерсен, Э. Хобсбаум, М. Грох, Э. Смит, С. Вердери и др.). Отдельно сформировалось исследовательское направление, занимающееся политическими агентами (не только государственными органами, но также НПО, международными организациями, ТНК и т. д.), реально определяющими политику (anthropology of policy making), далеко выходящую за рамки формальных (национально-государственных) институтов власти. Особенно ярко это выразилось в рамках так называемой «антропологии развития» (anthropology of development), обнаруживающей критический подход к анализу реалий стран, которые ранее было принято называть «развивающимися» (К. Шор, С. Райт, Д. Фергюсон, А. Эскобар и др.).

Своеобразие политической антропологии как науки, возникшей из систематического обобщения большого массива полевых исследований, заключается, помимо прочего, в равной значимости для нее как теоретических, так и эмпирических методов исследования.

Первейший эмпирический метод политических антропологов – это наблюдение. Как и в других науках, здесь проводят как кратковременное, так и лонгитюдное наблюдение; как общее наблюдение (за целой группой), так и выборочное (за отдельными индивидами). Далее, полит-антрополог может практиковать как пассивное наблюдение, так и включенное. Сверх того, политические антропологи широко используют такой известный метод исследований, как опрос, который может проводиться в форме неформальной беседы (свободного интервью) либо посредством анкетирования с последующей статистической обработкой результатов.

К теоретическим методам политической антропологии следует отнести прежде всего структурно-функциональный подход. Важный вклад в его развитие внесли такие видные антропологи, как А. Рэдклиф-Браун, К. Леви-Стросс,

Х. Классен, П. Скальник и др. К сильным сторонам этого метода следует отнести четко структурированное и связанное описание обществ, в какой-то мере уподобляющее их живым организмам либо механизмам. Способность объяснить, из каких институтов состоит общество, а сами институты – из каких состоят элементов, представляет собой важную предпосылку их научного анализа. Такое исследование может подсказать, как следует модифицировать структуру институтов и набор их функций, чтобы они отвечали целям конкретного политического управления. Однако социальные организмы гораздо более нестабильны, динамичны и гетерогенны, чем биологические или механические системы, и без учета исторического аспекта описание человеческих сообществ не может быть адекватным. Стремление дать логически четкое и непротиворечивое описание обществ оборачивается в структурно-функциональном подходе пренебрежением ко всему, что нарушает эту методологическую гармонию: несуразностям, противоречиям, кризисам, конфликтам и т. п. – как внутри социальных структур (институтов), так и между ними.

Напротив, динамический подход кладет этот отброшенный функционализмом камень во главу угла своей трактовки социально-политических феноменов. Начатки этого подхода содержатся в рамках британской антропологической школы, особенно в работах М. Глакмана «Обычай и конфликт в Африке» (1955) и «Порядок и протест в родоплеменной Африке» (1963). Частью процессуального подхода является метод «анализа социальной сети» (Д. Куртц), предполагающий изучение узлов активности в рамках «квазигрупп» – неформальных и нестабильных сообществ, имеющих, однако, большой потенциал политического влияния. Этот метод может дать ценные результаты для понимания эволюции политических институтов. Сама

эта эволюция понимается (в частности, в рамках упомянутого выше «американского неэволюционизма») более дифференцированно и сложно, чем в классическом эволюционизме эпохи О. Конта и Г. Спенсера.

Естественным дополнением процессуального подхода выступает в политической антропологии сравнительно-исторический метод. Он позволяет выстроить научные классификации и типологии различных обществ. Для более строгого исторического описания политических организмов сравнительный подход нередко дополняется историко-генетическим методом, или методом исследования «исторических пережитков» (реконструкцией исчезнувших явлений по их следам в современных обществах).

В западных странах политическая антропология давно составляет необходимый компонент в учебных программах не только этнографов и антропологов, но также политологов и социологов. При этом рост общего числа ученых, относящих себя к сфере антропологических исследований, впечатляет; по данным, приводимым В. А. Тишковым, число членов только Американской антропологической ассоциации увеличилось с 2260 человек в 1950 г. до 10 500 человек в 1992 г.¹ В России сообщество политических антропологов на сегодняшний день немногочисленно, хотя площадки для профессионального общения (периодические научные издания, конференции, конгрессы) имеются.

Дисциплина «Политическая антропология» была включена в стандарты первого образовательного поколения для политологов, а в ряде вузов ее преподают и социальным антропологам. Многие политико-антропологические темы включены также в образовательный процесс у этнографов,

¹ *Тишков В. А.* Советская этнография: преодоление кризиса // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 1. С. 10.

историков и культурологов. По политической антропологии у нас в стране имеется федеральный учебник, выдержавший три издания¹, двухтомная хрестоматия², а также ряд солидных монографий.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие ключевые идеи и события из истории становления (предыстории) политической антропологии вы считаете наиболее важными?

2. Каков предмет политической антропологии?

3. Как соотносится предмет политической антропологии с предметной спецификой историографии, этнографии (этнологии)?

4. В чем единство и отличие политической антропологии и антропологии социальной (культурной)?

5. Как эволюционировали за последние десятилетия предмет и объектная сфера политической антропологии?

6. Какие основные национальные школы политической антропологии вы знаете? В чем их специфика?

7. Какие основные направления исследований можно выделить в отечественной политической антропологии?

8. Какие новейшие исследовательские направления появились в мировой политической антропологии за последние два десятилетия?

9. Каковы основные эмпирические методы, применяемые политическими антропологами?

10. Охарактеризуйте основные теоретические методы политической антропологии, их сильные и слабые стороны.

¹ Крадин Н. Н. Политическая антропология. 3-е изд. М.: Логос, 2010.

² Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / отв. ред. В. В. Бочаров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

Рекомендуемая литература

1. *Абеле М.* Политическая антропология: новые задачи, новые цели // *Международный журнал социальных наук.* 1998. Т. 6, № 20. С. 27–44.

2. *Альтернативные пути к цивилизации /* отв. ред. Н. Н. Крадин [и др.]. М.: Логос, 2000.

3. *Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. /* отв. ред. В. В. Бочаров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

4. *Баландье Ж.* Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001.

5. *Бочаров В. В.* Власть. Традиции. Управление (попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). М.: Наука, 1992.

6. *Бочаров В. В.* Политическая антропология и общественная практика // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 1998. Т. 1, № 2. С. 131–145.

7. *Бутовская М. Л.* Биосоциальные предпосылки социально-политической альтернативности // *Цивилизационные модели политогенеза /* под ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаева. М.: ЦЦРИ РАН, 2002. С. 35–57.

8. *Васильев Л. С.* История Востока: в 2 т. М.: Высшая школа, 2001. Т. 1.

9. *Восленский М. С.* Номенклатура. М.: Советская Россия, 1991.

10. *Коротаев А. В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003.

11. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология: учеб. пособие. М.: Ладомир, 2000.

12. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988.

13. Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель, 2006.

14. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука, 1995.

15. Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции / отв. ред. В. А. Попов. М.: Вост. лит-ра, 1993.

16. Сакрализация власти в истории цивилизаций / отв. ред. Л. А. Андреева, А. В. Коротаев. М.: ЦЦРИ РАН, 2005.

17. Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб.: МАЭ РАН, 1996.

18. *Тишков В. А.* Новая политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 4. С. 68–74.

19. *Тишков В. А.* Политическая антропология. Lewiston etc.: Edwin Mellen Press, 2000.

20. *Тишков В. А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–19.

21. *Тишков В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001.

22. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983.

23. *Щепанская Т. Б.* Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004.

24. *Anthropology of Policy: Critical Perspectives on Governance and Power / Ed. by C. Shore, S. Wright. London: Routledge, 1997.*

25. *Boissevain J., Friedl J.* Beyond the Community: Social Process in Europe. The Hague: University of Amsterdam, 1975.

26. *Claessen H. J. M.* Structural Change. Evolution and evolutionism in cultural anthropology. Leiden: Research School CNWS, Leiden University, 2000.

27. *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

28. *Lewellen T.* Political anthropology: an introduction / Foreword to the first edition by Victor Turner. 3rd ed. Westport, CT: Praeger, 2003.

29. *Spencer J.* Anthropology, Politics, and the State. Democracy and Violence in South Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

30. *Thomassen B.* Border Studies in Europe: Symbolic and Political Boundaries, Anthropological Perspectives // *Europaea. Journal of the Europeanists.* 1996. № 2 (1). P. 37–48.

31. *Thomassen B.* What Kind of Political Anthropology? // *International Political Anthropology.* 2008. Vol. 1, № 2. P. 263–274.

32. *Yoffee N.* Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

2.2. Этнополитология

Этнополитология – это субдисциплина политической науки, изучающая деятельность этносов и этнических групп, вовлеченных в политический процесс, а также взаимодействие политической власти с этносами и этническими группами.

Становление этнополитологии как научной дисциплины произошло не так давно, поэтому строгого определения ее предмет еще не обрел. В учебном пособии «Этнополитология» Ю. П. Шабаева и А. П. Садохина авторы определяют этнополитологию как некую специфическую сферу политической науки, «где пересекаются политика и этничность», и утверждают, что ее объект и предмет «не могут существенно отличаться от предметной области политической науки в целом»¹.

В своей монографии «Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России» Э. А. Паин намечает два подхода к определению предмета этнополитологии: первый заключается в движении рассуждений «от этничности к политике» («исследование этнокультурных особенностей политической активности разных этнических групп, например своеобразие восприятия тех или иных политических стратегий представителями разных этнических культур»), второй – «от политики к этничности» (исследование роли влияния «политических явлений и процессов на этническое развитие и межэтнические отношения»)².

¹ Шабаев Ю. П., Садохин А. П. Этнополитология. М.: ЮНИТИ, 2005. С. 21.

² Паин Э. А. Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 15.

В учебнике В. А. Ачкасова этнополитология рассматривается «как субдисциплина в рамках политической науки, изучающая политическую обусловленность этнических явлений и процессов»¹.

В широком смысле предметом этнополитологии предстает этничность как субъект и объект политического процесса, ее политические функции. В более узком смысле к предмету этнополитологии можно отнести источники, основания, мотивы, генезис и систему формирования этнонациональной политики, способы ее воспроизведения, идеологические основания этнополитических объединений, движений и организаций, этнополитические установки и ориентации в обществе и разнообразие их выражения.

Также в более обширном понимании этнополитология фокусирует свой взгляд на этнополитике. Этнополитика – это выражение этнического фактора в политическом процессе, деятельность этнических групп, вовлеченных в государственные дела; с другой стороны, это и роль политики, а также государственных институтов в этнических делах, государственное регулирование в многоэтничных государственных образованиях, разрешение и предупреждение межэтнических конфликтов.

Если говорить о месте этнополитологии как дисциплины в эпистемическом поле, то она предстает предметной областью этнологии и политологии, связанной с рассмотрением государственной политики в сфере обеспечения личных и коллективных прав и интересов представителей этнических сообществ в определенной стране.

Сверх того данная субдисциплина политической науки изучает влияние этничности на политические процессы на региональном, федеральном и международном уровнях,

¹ Ачкасов В. А. Этнополитология: учебник. СПб.: Юрайт, 2005. С. 6.

которое выражается в воззрениях и действиях граждан, обусловленных этническим фактором, в деятельности этнонациональных партий, общественных организаций и учреждений, отдельных политиков и политических групп, международных организаций и информационно-сетевых сообществ.

Становление этнополитологии как самостоятельной научной дисциплины происходит вследствие возрастания роли этнического фактора в политическом процессе, вызвавшего особое внимание исследователей к изучению конкретных ситуаций, связанных с этническими вопросами.

Возникновение этнополитологии соотносится с развитием геополитики – дисциплины, увязывающей политику с географическим пространством и территориями, населенными разными народами. Еще в XIX в. географическое пространство и политика были объединены в работе немецкого географа Ф. Ратцеля «Политическая география». Связь земли и народа, трудность фиксации границ рас и племен, несовпадение государственных границ с этническими территориями – эти вопросы были рассмотрены К. Хаусхофером (1869–1946).

Тем не менее достаточное внимание изучению этнического фактора в политике стран и регионов не уделялось ни в рамках геополитики, ни в отечественной этнографии, ни в политических науках. К этнополитическому вопросу интерес общественных наук обратился лишь в 1970-х гг.

Американские исследователи Н. Глейзер и Д. Мойнихен первыми указали на неактуальность концепции «плавильного котла», т. е. полной ассимиляции, в качестве образа современного американского общества и обратили внимание на необходимость нового взгляда на этнический феномен в социальных и политических процессах.

Соотношение этнического и политического факторов заинтересовало начиная с 1970-х гг. не только этнологов, но также исследователей из сферы социологических, исторических, психологических наук, да и самих политических деятелей. Первым трудом, в котором была предпринята попытка систематизировать представление об этнополитических процессах и изложить принципы новой дисциплины, стала книга американского ученого Дж. Ротшильда «Этнополитика», опубликованная в 1981 г. В ней было обосновано преимущество этнонационалистических позиций и стратегий перед другими политическими позициями и стратегиями.

Не меньшая заслуга в становлении этнополитологии принадлежит Фредрику Томасу Барту, Энтони Дугласу Смиту, Пьеру ван ден Берге, Эрику Джону Хобсбауму, Эрнесту Геллнеру и другим ученым, обратившим внимание на этнический фактор в современных политических процессах и акцентировавшим внимание на феномене устойчивости этнических групп и возрастании политической роли этничности.

Ф. Т. Барт выдвинул тезис том, что между этносами перманентно происходит «пересмотр границ». Он опроверг распространенную антропологическую трактовку этносов как общностей, культурно изолированных друг от друга, принадлежность к которым якобы обусловлена примордиальными (изначальными) узлами.

П. ван ден Берге подошел к этнополитическому вопросу с точки зрения социобиологического метода, который предусматривает изучение поведения групп на культурном, экологическом и генетическом уровнях. Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и Э. Смит в своих работах занимались проблематикой наций и национализма. Они выделили три типа современного национализма: этнический, гражданский и субгосударственный.

Значительный вклад в развитие субдисциплины «Этнополитология» внесла монография основоположника этнополитической конфликтологии Дональда Горовица «Этнические группы в состоянии конфликта» (1995). В монографии демонстрируется отличие этнических конфликтов от социально-классовых, а также влияние материальных и духовных, иррациональных факторов на их возникновение.

К 90-м гг. прошлого века в западной политической науке прояснились общие границы новой субдисциплины: это вовлеченность этносов в политический процесс, национализм и этничность, этнополитические конфликты, государственное политическое регулирование в отношении этносов и этнических групп, становление этнополитического сознания. Англоязычные ученые для обозначения этой научной области пользуются терминами «этнополитика» («ethnopolitics») и «этнические исследования» («ethnic studies»). Специалисты по этнополитике и этническим исследованиям из американских и европейских университетов, занимающиеся исследованием этнополитических процессов, объединены в профессиональную международную научную организацию – «Ассоциация по изучению национальностей» (Association for the Study of Nationalities), которая является организатором ежегодных конвентов в Колумбийском университете (США). Дважды в месяц Ассоциация выпускает журнал «Nationalities Papers», освещающий проблемы национализма, этничности, этнополитических конфликтов и национальной идентичности. Среди международных журналов, занимающихся этнополитической проблематикой, можно выделить также «Ethnopolitics», «Studies in Ethnicity and Nationalism» и др.

Становление русской этнологической школы связано с учреждением в 1846 г. Русского этнографического общества. Интерес к изучению этносов связан во многом с присо-

единением новых территорий, на которых обитали различные народности.

Одним из первых исследователей в области теории этносов и этнических процессов в данном направлении был С. М. Широкогоров. Ю. В. Бромлей – еще один ученый, стоявший у истоков российской этнополитологии; в своих работах, касающихся теории этноса, он подчеркивал роль социально-экономических факторов в формировании и развитии этнических сообществ. Другую точку зрения разделял Л. Н. Гумилев, рассматривавший этнос как «феномен биосферы» Земли.

Важной вехой в истории становления этнополитической дисциплины в России стало учреждение Института этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая, позже переименованного в Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН). С 1989 г. институт возглавляет В. А. Тишков, автор таких знаковых работ, как «Очерки теории и политики этничности в России», «Этнология и политика» и др. Тишков является сторонником конструктивистского подхода к пониманию этноса и определяет его как социальный конструкт.

В 1980–1990-х гг. развитие этнополитологии особенно сильно затрагивает российское научное сообщество, появляются работы российских авторов по вопросам государственного строительства в обществах со сложным составом населения, которым свойственны проблемы идентичности и самоопределения, а также прослеживается повышенный уровень национализма, миграции, конфликтов. Особенно можно выделить труды следующих авторов: Ю. В. Арутюняна, В. А. Авксентьева, А. В. Дмитриева, Л. М. Дробижевой, М. В. Горшкова, А. Г. Здравомыслова, М. Н. Губогло, А. В. Малашенко, Э. А. Паина, В. Ю. Зорина, В. А. Шнирельмана, В. А. Михайлова, а также А. В. Миллера, А. Г. Петипды, С. В. Соколовского, В. В. Степанова и др.

За последние 10–15 лет были переведены на русский язык самые основные работы зарубежных авторов в области этнополитологии. Сегодня этнополитическая тематика занимает ведущее положение на всероссийских съездах этнографов и антропологов.

Этнополитология использует различные методы и методики для изучения своего предметного поля. Разнообразие методов связано с тем, что этнополитология находится на пересечении предметных полей таких наук, как этнология, социальная и политическая антропология, политическая социология, политическая психология и демография. Этим обусловлено использование этнологических, этнографических, социологических, политологических, психологических и других методов.

Этнологические и этнографические методы прежде всего используются при изучении традиционных обществ, их структуры, мифологии и т. д.

Социологические методы используются для изучения воздействия социальных факторов на решение различных этнонациональных проблем и на сферу политической активности этнических групп.

Политологические методы используются для изучения поведения этнических акторов при распределении властных полномочий и ресурсов.

Как и в политологии, психологический метод является значимым в этнополитологии. Причем для этнополитологии данный метод оказывается тем более важным, что главным этнодифференцирующим фактором на сегодня этнологами признается этническое самосознание, ибо во многих случаях особенности быта, хозяйства и ряд других факторов потеряли свою (прежде значимую) роль отличительных признаков этнической группы или сообщества.

Важным для этнополитологии является компаративный анализ, позволяющий установить систему принципов, которая

может не просто констатировать «сходство» отдельных явлений, но выявлять логические соответствия между ними. Этот метод описывает и объясняет как сходства, так и различия социальных и политических единиц; дает интерпретацию их специфическому опыту и траектории развития по отношению к другим единицам.

Этнополитология – эмпирическая дисциплина, для которой характерны следующие практические методики: полевые исследования, экспериментальные методы, соц-опросы, интервью и контент-анализ.

Полевые исследования – это качественная методика, которая включает в себя не только наблюдение за социально-политическими явлениями или процессами в естественном окружении, но и обработку, анализ данных. Наблюдение может быть включенным и внешним.

Эксперимент должен проводиться в контролируемой обстановке и устанавливать взаимосвязь между независимой и зависимой переменными. Для проверки этой связи следует сформировать две группы (контрольную и экспериментальную), которые заполняют вопросник. Далее экспериментальной группе, например, демонстрируется фильм, а затем обе группы еще раз заполняют вопросник. Позднее, после оценки результатов, можно сделать вывод о влиянии независимой переменной (фильма) на зависимую (экспериментальную группу).

Соцопрос и интервью – методы, позволяющие собрать статистические данные. Обычно они сфокусированы на разных группах/слоях населения и отражают в своих результатах позиции респондентов, касающиеся определенного вопроса/вопросов. Отличие социологического опроса от полевых исследований и эксперимента в том, что социологический опрос позволяет охватывать широкие слои и устанавливать взаимосвязь между большим количеством

переменных. Эксперимент и соцопрос являются количественными методиками.

Контент-анализ – методика, которая позволяет «перевести» явное, вербальное и качественное содержание текста в объективные, систематические и количественные данные для последующего анализа количественной закономерности. Этот исследовательский инструмент становится особенно полезным, когда, например, нужно оценить, отражает ли речь политика недовольство положением этнических меньшинств.

Еще одной эффективной методикой изучения этнополитических проблем является мониторинг – систематический и/или непрерывный сбор информации о характеристиках этнополитического объекта (активность этнополитических организаций, состояние этнополитического конфликта и др.) для определения тенденций его изменения. Систематический сбор и обработку информации можно использовать для оптимизации процесса принятия политических решений, информирования общественности, а также для оценки политики, проводимой государством.

Как и любая дисциплина или субдисциплина, этнополитология имеет набор определенных научных категорий, на которые она опирается и которые структурируют ее как дисциплину. В случае этнополитологии это философские, общесоциологические, интегральные и собственно этнополитологические категории. К ним относятся: этнос, нация как государство, нация как этнос, этнические процессы, этнонациональные институты, этнократия, этнонациональная политика, полиэтничность, национальные меньшинства и национальное самоопределение.

Принципиальное значение имеют различия в теоретических подходах к анализу этничности. Здесь исследователи не приходят к единству, но множество теорий сводится к трем

большим подходам – примордиализму, конструктивизму и инструментализму.

Примордиализм (эссенциализм, субстанционализм) – это подход, согласно которому с древних времен существуют коллективные общности под названием «этнос», а этническая принадлежность человека является объективным фактором. В коллективе, формировавшемся длительное время и сохранявшем при этом некую устойчивость, возникает определенный генофонд, носители которого единым фронтом сражаются с другими человеческими сообществами в борьбе за выживание. В примордиализме (особенно в его социобиологической версии) этнос понимается прежде всего как популяция.

Нужно обратить внимание, что в примордиалистских теориях существуют следующие направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Сторонники социобиологического направления рассматривают этничность как объективную характеристику человека. Этот феномен они объясняют с помощью эволюционных идей как явление, детерминированное биологическими и географическими факторами.

Наиболее последовательным сторонником этого подхода среди ученых был американец Пьер ван ден Берге. Из отечественных исследований этничности наиболее явно социобиологический подход был представлен в трудах Л. Н. Гумилева.

Теоретики второго, эволюционно-исторического направления понимают этносы как социальные, а не биологические сообщества, которые связаны с социально-историческим контекстом. Это реальные группы с присущими им чертами – культурой, языком, идентичностью.

К этому направлению можно отнести идеи, изложенные в ранних работах американского антрополога Клиффорда Гиртца и социолога Эдварда Шилза.

Сюда же можно отнести и советскую теорию этноса, основные положения которой представлены в трудах академика Ю. В. Бромлея. Согласно Бромлею, этнос есть исторически сложившаяся на определенной территории, устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры и психики, имеющих коллективную идентичность и осознающих свое отличие от других этносов.

Еще один большой подход к этничности – это конструктивизм. Представители этого подхода (Ф. Барт, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.) выступают против примордиализма в теории этноса. По их мнению, такие признаки этноса, как культура, язык, этническое самосознание, не имеют исключительно этнической принадлежности, но находятся в зависимости от социально-экономической и политической ситуации.

В конструктивизме этнос – это общность людей, формирование которой происходит на основе самоопределения по отношению к другим общностям, с которыми она связана. В таком понимании этничность – это процесс социального конструирования воображаемых сообществ, который основывается на вере в то, что они объединены единой культурой, историей, идеей или мифом об общности происхождения.

Представителями этого подхода в России являются В. Тишков, Д. Драгунский и др.

Инструментализм – еще один крупный подход в трактовке этнических вопросов. В середине 1970-х гг. в западной политологии получил распространение инструментальный подход, согласно которому этничность рассматривается как инструмент, используемый в борьбе за власть, статус и благосостояние.

Сторонники этого подхода исходили из того, что различия между группами людей в обществе могут служить причиной

формирования этнической идентичности, определяющей характер межгрупповых отношений и мобилизующей этнические группы на политическую деятельность.

Основываясь на функционализме и прагматизме, приверженцы инструментализма считают этничность продуктом этнических мифов, используемых для достижения определенной выгоды и получения власти. Здесь этничность понимают как идеологию, формируемую элитой для мобилизации масс на борьбу за власть.

Некоторые представители инструментализма ограничиваются анализом того, как этническая солидарность усиливает социальные обстоятельства, которые они называют «структурными условиями» (Д. Горовиц, Дж. Ротшильд, Дж. Нейджел и др.). Другие идут дальше и анализируют, каким образом различные социальные обстоятельства ведут к рациональному выбору этнической идентичности для достижения желаемых политических, экономических и других целей, усиливающих групповую солидарность. В частности, политологический подход опирается на теорию рационального выбора. Одним из сторонников этой теории, используемой при анализе этнических проблем, является Дэвид Лэйтин. Он обращает внимание на то, что люди живут и действуют одновременно в разных группах, исполняя разные социальные роли. Следовательно, в каждом человеке присутствует множество идентичностей – семейные, гендерные, этнические, классовые и т. д. Поэтому человек выбирает ту идентичность, которая больше соответствует потребностям момента или жизненной цели.

Этнополитология как учебная дисциплина возникла в США из движения за гражданские права в 1960–1970-х гг., чему способствовало растущее самосознание и радикализации афроамериканцев, американцев азиатского происхождения, латиноамериканцев, а также коренных народов Америки.

Первая забастовка с требованием создания факультета этнических исследований произошла в 1968 г. в Университете Сан-Франциско. Эта была самая долгая забастовка в истории страны, в результате которой был создан факультет (а позже и отдельный колледж) этнических исследований.

Похожая забастовка (вторая по длительности, но более ожесточенная) произошла в Университете Калифорнии в Беркли, благодаря которой 7 марта 1969 г. был учрежден факультет этнических исследований.

В настоящее время существуют сотни факультетов, где изучаются этнические группы, а также небольшое количество факультетов, где проводятся сравнительные этнические исследования.

Не меньший интерес этнополитология вызывает и в России. Необходимость обобщения опыта решения различных этнополитических проблем, особенно актуализация проблемы этнополитического просвещения, привела к тому, что российские исследователи еще в 1990-х гг. предложили различные варианты курса «Этнополитология». Сейчас этнополитология преподается на большинстве политологических факультетов и кафедр в РФ.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение этнополитологии как субдисциплины политической науки.
2. В чем суть и основное содержание дискуссии о предмете этнополитологии?
3. Назовите специфические методы этнополитологии.
4. В чем заключаются основные идеи и принципы примордиализма?
5. Каковы основные идеи и принципы конструктивизма?
6. Каковы основные идеи и принципы инструментализма?
7. Определите суть современных этнополитологических концепций и дискуссий.
8. Какова взаимосвязь этноса и политики?
9. Назовите основные вехи становления этнополитологии в западной и отечественной политической мысли.
10. Каких современных теоретиков-этнополитологов вы знаете? Назовите их работы.

Рекомендуемая литература

1. Ачкасов В. А. Этнополитология: учебник. М.: Юрайт, 2014.
2. Паин Э. А. Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004.
3. Рябцев В. Н. Конфликтологическая работа на Кавказе в аспекте этнонациональных отношений: проблемы и перспективы. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.
4. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.

5. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1789 года. СПб.: Алетейя, 1998.

6. *Шабает Ю. П., Садохин А. П.* Этнополитология. М.: ЮНИТИ, 2005.

7. Этнополитология: учеб. пособие-хрестоматия / сост. В. А. Тураев. М.: Наука, 2003.

8. Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000.

2.3. Сравнительная политология

Сравнительная политология, будучи важной отраслью политической науки, изучает политическую реальность, стремится объединить эмпирический и теоретический уровни анализа, качественные и количественные методы и сформулировать общезначимые суждения об общих взаимосвязях политического мира¹.

Политическая наука как система знания о современной политической реальности не может не быть компаративной дисциплиной, т. е. той, которая занимается сравнительными исследованиями (от англ. compare – сравнение, сличение).

Мы рассмотрим здесь прежде всего следующие вопросы:

1. Метод сравнительного анализа в политологии.
2. Принципы использования компаративистского метода.

Компаративистика изучает по возможности большое число политических объектов для того, чтобы обнаружить закономерности и установить типологии. Немаловажной стороной сравнительных исследований является изучение возможности использования опыта других стран в политической практике своей страны. Тем самым сравнительный анализ актуализируется и становится центральным в политологии, в том числе и в отечественной.

Современная ситуация трансформационных преобразований в России с необходимостью вызывает интерес к зарубежному опыту функционирования политических институтов, а следовательно, и к его сопоставлению.

Сравнительный анализ предостерегает от скоропалительного отождествления понятий и концептов,

¹ Сморгун Л. В. Сравнительная политология: учебник для вузов (стандарт третьего поколения). СПб.: Питер, 2012. С. 9.

отражающих и осмысливающих политический мир развитого западного общества и Российского государства, в котором пробивает себе дорогу тенденция к демократизации.

Вместе с тем в российской политической практике мы обнаруживаем явления, которые вполне поддаются описанию в терминах сравнительной политологии. Речь идет не о сложившейся модели демократических институтов политической системы, а о типе, еще не обретшем своих зрелых, завершенных форм.

Сопоставление опыта России и зарубежных стран способно показать реальную роль этнических и других различий как источника конфликтов в обществе. Таким образом, компаративистика не стоит в стороне от главного вызова в сегодняшнем мире – вопроса о том, как совместить демократию с глубокими внутренними различиями в обществе.

В области государственного управления сравнительный анализ дает оценку политическому опыту, институтам, поведению и процессам с точки зрения каузальных (причинно-следственных) связей; позитивности и негативности; дает возможность прогнозировать события, тенденции, последствия и т. д. Говоря о роли и месте сравнительного анализа в структуре политологического познания, отметим, что он может быть правильно понят только в том случае, если рассматривать сравнительный анализ как часть, органическую сторону общенаучного сравнительно-исторического метода.

Метод сравнительного анализа не тождественен сравнительной политологии как составной части общей политологии.

Обратимся к сравнительному анализу как методу исследования. В философском энциклопедическом словаре под сравнительно-историческим методом понимается

«научный метод, с помощью которого путем сравнения выделяется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений»¹. Метод сравнительного анализа позволяет изучать политические явления и процессы как в тесной связи с исторической обстановкой, в которой они возникли и действуют, так и в их качественном изменении на различных этапах развития. Повторяющиеся с определенным временным интервалом явления указывают на функционирование закономерных связей.

С помощью данного метода становится возможным выяснить действие политического механизма, различных систем и институтов, когда они в наибольшей степени развертывают свое содержание на различных этапах и в различных странах (к примеру, гражданское общество и правовое государство). Сравнительный анализ предполагает исследование по меньшей мере двух «классов» объектов, процессов, отношений, при этом определяя однотипность и разнородность сравниваемых объектов. При освоении эмпирического материала этот метод также незаменим.

Известные французские компаративисты, авторы «Сравнительной политической социологии» М. Доган и Д. Пеласси, сообщают о некоторых «проницательных» иностранцах. Англичанин Д. Брайс в начале XX столетия в своей книге «Американская федерация» пришел к выводу, согласно которому система отбора кандидатов на пост президента США нередко отторгает талантливых политиков. Американскому политологу Э. Бэнфилду за время короткого пребывания на юге Италии удалось быстрее итальянских коллег сформулировать

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 623.

выводы, касающиеся специфического политического поведения населения. Для французских политологов факт существования у себя в стране 450 тыс. муниципальных советников (т. е. один из 60 граждан – чиновник) продолжает почему-то служить подтверждением недостаточного участия граждан в управлении. Только для иностранного исследователя С. Торроу эта ситуация предстала исключительным явлением, требующим пересмотра ряда стереотипов, обычных для французов. Точно так же об уменьшении значения большинства крупных американских городов впервые просигналили не американцы, а европейцы, и т. д.¹

Чрезвычайно интересны для русского читателя оценки и мнения иностранцев, побывавших в России с различными целями. Вспомним «Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (XVI в.), «Николаевскую Россию» маркиза А. де Кюстина (1839), «Путевые впечатления. В России» А. Дюма (1858–1859) и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сравнение становится эвристическим, своего рода процедурой открытия. Однако процесс сравнения таит в себе и потенциальную опасность для руководства страны, не желающего преобразований в порядке заимствования опыта других стран и придерживающегося логики изоляции от окружающего мира. Но, как пишут М. Доган и Д. Пеласси, главная задача всякого научного сравнения состоит именно в том, чтобы показать важность исконного контекста, активно ассимилирующего привнесенные переменные².

Становление сравнительной политологии как относительно самостоятельного направления политических исследований – достаточно длительный исторический процесс,

¹ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М.: Соц.-полит. журн., 1994. С. 19.

² Там же.

вбирающий ряд этапов, от политической мысли Античности до ее институционализации в 50-х гг. XX столетия.

В политологической литературе очевидным фактом является признание эволюционного характера развития сравнительной (компаративной) политологии. Она отражает изменяющийся мир и развивающиеся международные условия. В западной политологии компаративистике придают статус одной из семи важнейших сфер исследования в системе общей политологии. Так, американский компаративист Г. Виарда (H. Wiarda) имеет в виду исследования «национальной» политической системы, политической теории, «публичной администрации» (Public Administration), международных отношений, публичного права, местного управления и самоуправления.

Всплеск компаративистики пришелся на 1950–1960-е гг., причем американские политологи стали лидерами в теоретических и прикладных исследованиях. Сравнительная политология была представлена именами Г. Алмонда, Д. Аптера, К. Дейча, Т. Экстайна, Д. Истона и многих других. В 1980-х гг. наблюдается доминирование прикладного, прагматического подхода в сравнительных исследованиях.

Сравнительная политология как самостоятельная дисциплина имеет свою собственную сферу приложения, свой предмет исследования, свои методы, содержание и целевое назначение. Г. Виарда предмет политической компаративистики видит в сравнительном изучении наций (стран, народов) и их политических систем. Кстати, уже упоминавшаяся книга признанного лидера сравнительной социологии и политологии Матея Догана (он президент комитета по сравнительной социологии Международной социологической ассоциации) и его соавтора Доминика Пеласси переиздавалась на английском языке под названием «Как сравнивать государства: стратегии в сравнительных политических

исследованиях» (*Now to Compare Nations: Strategies in Comparative Politics*). Жесткой демаркационной линии по ряду параметров между общей и сравнительной политологией нет. Но тем не менее сравнительная политология имеет свою предметную специфику. Это проявляется в первую очередь принадлежностью не к одной и той же нации (стране, народу) и ее политической системе, а к разным нациям (странам, народам) и их политическим системам. И здесь существует принципиально разный уровень анализа, о чем пойдет речь при рассмотрении второго вопроса.

Для компаративиста основной проблемой является увеличение числа относящихся к исследуемому предмету конкретных случаев, ситуаций. Сбор данных требует определения логической структуры, в которой традиционный описательный (дескриптивный) подход уже не работает, поскольку в нем отсутствуют соответствующие аналитические категории. Поэтому, как считают Доган и Пеласси, «цель сравнительной социологии и политологии – в стремлении приобрести объяснительный, нежели описательный (дескриптивный) характер с тем, чтобы включить каждое конкретное исследование (неполное, региональное или секторальное) в более широкий контекст»¹.

Сравнение – орудие приобретения знания. Для компаративиста, как, впрочем, и любого исследователя, осознание конкретного факта означает понимание многих фактов, постижение всеобщих, универсальных представлений. Проведение сравнительного анализа между государствами на межстрановом уровне многократно усиливает возможность объяснения того или иного политического явления или процесса.

Обращение к сравнительному анализу помогает политологу лучше объяснять и предсказывать политические события.

¹ Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. С. 22.

Компаративный подход позволяет оперировать большим массивом данных и в состоянии обеспечить решение таких вопросов, на которые данные одной страны ответа дать не могут.

В сравнительном политическом анализе особенно важную роль играет системный анализ. Это связано с тем, что существуют такие переменные величины, к примеру тип политической системы или тип политической культуры, которые характеризуют государство в целом и которые могут быть изучены только при сравнении между собой двух и более стран. Вспомним типологию политической культуры, предложенную Г. Алмондом и С. Вербой и принятую многими политологами. Анализируя и сопоставляя политические системы «пяти современных демократий» – Англии, Италии, ФРГ, США и Мексики, – они выделили три «чистых» типа политической культуры: патриархальную, подданническую и активистскую. Взаимодействуя между собой, они образуют смешанные формы с доминированием того или иного компонента: патриархально-подданническую, подданническо-активистскую и патриархально-активистскую.

Таким образом, когда исследуются свойства системного уровня, политологи оказываются перед необходимостью провести сравнительный анализ двух и более государств.

Реализация метода сравнительного анализа, т. е. сравнение между государствами, требует выработки четкой концептуальной структуры. «Компаративистам необходим компас, ориентир, который бы позволил им переходить от одного социального контекста к другому, выбирать в каждой из стран отличия и сходные черты, которые затем могут быть объединены в одну общую схему»¹. Для того чтобы сравнительная политология могла делать обобщения системного уровня, выходящие за рамки отдельной культуры,

¹ Доган М., Пеласси Д. Указ. соч. С. 12.

она должна придерживаться определенных, достаточно жестких правил исследования. Приведенные ниже правила взяты из наиболее известной книги американских политологов Дж. Б. Мангейма и Р. К. Рича «Политология. Методы исследования»¹ (раздел книги, относящийся к практике сравнительных исследований, написан Донис Л. Бари).

Первое правило касается концептуализации предполагаемого объекта исследования: необходимо удостовериться, что вопросы, которые мы ставим, реально допускают проведение сравнительного анализа.

Второе правило заключается в операционализации: каждая переменная величина, используемая нами, должна быть эквивалентной мерой понятий, которые соответствуют каждой культуре в нашей выборке. Процесс построения выборки, в свою очередь, приводит нас к третьему правилу: страны для анализа нужно отбирать таким образом, чтобы свести к минимуму влияние культуры, которое может исказить результаты. И наконец, выборка должна удовлетворять еще одному правилу: наблюдения по каждой стране должны быть независимыми.

С точки зрения методики проведения сравнительного исследования оно должно в первую очередь ставить такие вопросы, которые приложимы к разным культурам. Для получения надежных выводов, не зависящих от той или иной культуры, нужно исследовательскую задачу сформулировать таким образом, чтобы извлекаемые обобщения могли носить универсальный характер. Второе правило связано с отысканием эквивалентной меры для всех рассматриваемых стран. Другими словами, «нужна мера, которая бы адекватно отражала одно и то же лежащее за ней понятие, какие бы

¹ Мангейм Д. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. М.: Весь мир, 1997.

страны мы ни включили в нашу выборку». К примеру, для сравнения социального обеспечения в странах разного уровня социально-экономического развития определить однозначную меру представляется не таким очевидным делом. Доля расходов на программы социального обеспечения (пенсия, социальное вспомоществование и пр.) в общем объеме государственных расходов не будет являться такой эквивалентной мерой, поскольку в ряде развивающихся стран отсутствуют официальные социальные программы, а развиты другие формы оказания помощи нуждающимся. Следовательно, перед исследователем стоит задача, с одной стороны, определения адекватности применения к каждой стране конкретной меры, а с другой – использования более сложных эквивалентных мер или показаний. В третьем случае исследователь столкнется с выборкой нескольких стран, отобранных так, чтобы возможных искажений было как можно меньше. Выбирается один из двух возможных вариантов выборки. Первый называется принципом максимального сходства систем. Общие особенности нескольких стран (к примеру, в политической культуре) принимаются как постоянные величины, которыми можно пренебречь при обнаружении расхождений. При выборе второго варианта – принципа максимального различия систем – наоборот, различия между этими странами исключаются из объяснения. Этот принцип обеспечивает лучший контроль над факторами, которые могут исказить результаты, и, по мнению компаративистов, работает на большую надежность результатов.

Последнее правило об отборе независимых наблюдений касается большей или меньшей представительности результатов наблюдения. Представительность различных значений будет тем выше, чем независимее будут результаты каждого наблюдения.

Большой объем выборки (количество стран, другие переменные) сохраняет свои преимущества, если события в какой-то одной стране не находились под влиянием событий в какой-то другой стране. Компаративист может ошибиться, если установит причинно-следственную связь между событиями (переменными) там, где ее нет, поскольку эти события были вызваны не внутренней логикой развития, а влиянием какой-то другой страны.

Отмеченные выше методические правила соответствуют последовательности этапов сравнительного исследования: от концептуализации его объекта до построения выборки. Однако на практике в зависимости от темы, страны, периода времени и др. этапы могут меняться местами.

В политологической литературе встречается и другая последовательность ступеней сравнительного анализа. Рассмотрим этапы (ступени), предложенные Доганом и Пеласси, ставшие классикой компаративистики.

Речь идет о: методе изучения отдельного случая в практике сравнительного анализа; бинарном анализе; сравнении похожих стран; сравнении контрастных стран; придании концептуальной однородности неоднородной области исследования.

Среди перечисленных выше пяти ступеней механизму придания концептуальной однородности отводится первостепенная роль. Концептуальное моделирование считается основным приемом сравнительного исследования. Ведь «однородной» области в сравниваемых объектах не существует. Внутренне единство сравниваемых сфер задается самим компаративистом на основе формулирования какой-то теоретической конструкции. Ф. де Соссюр, известный философ и лингвист, считал, что «точка зрения формирует объект исследования». Компаративисты отчетливо понимают, что конкретные ситуации всегда уникальны, единственные в своем роде, и в силу

этого обстоятельства сравнение будет представлять определенную абстракцию. Провести сравнение между однородными областями означает для исследователя выбор определенных типов или характеризующих их понятий, несмотря на возможные искажения и упрощения уникального и конкретного.

Таким образом, концептуальная структура, как считают авторитетные специалисты в области сравнительного анализа, в большей степени, чем какая-либо другая, помогает теоретическому познанию политических явлений и процессов.

Предпочтение той или иной стратегии определяется соответствующим подходом исследователя. Однако все основные стратегии сравнения на практике пересекаются, взаимно дополняют друг друга. Так, метод изучения отдельного случая направлен на обобщение, он позволяет подчеркнуть важность отдельных переменных.

Бинарный анализ (сравнение двух стран) дополняется сравнительным исследованием конкретных стран, которое позволяет выявить общие закономерности. В свою очередь, стратегия сравнения похожих стран способствует пересмотру типологий и моделей, наработанных сравнительным анализом конкретных государств.

Таким образом, высокий уровень компаративистики во многом определяется двумя моментами: точностью выбранных концептуальных средств и обоснованностью выбора области исследования.

В целях объяснения и систематизации своих результатов компаративистика использует различного рода типологии и модели. Если типологии упорядочивают видение мира, то модель стремится объяснить его. Выше уже отмечалось, что описательный (дескриптивный) подход в меньшей степени отвечает задачам сравнительного исследования.

Рассмотрим механизм моделирования в сравнительном анализе подробнее, поскольку данный способ исследования

является наиболее актуальным для отечественной компаративистики.

Типологии как средству анализа удается классифицировать политические системы – важную составляющую политологического знания. Использование же моделей помогает объяснить различные аспекты развития – либо в прогрессивную, либо в регрессивную сторону. Модель в своей внутренней логике ориентирована на анализ причинно-следственных взаимосвязей, каузального хода развития событий. Модель как динамичный процесс имеет определенную временную протяженность, т. е. стремится показать политическую реальность, развивающуюся во времени. Для исследования разворачивающихся во времени процессов очень важным является метод лонгитюдного анализа. Этим методом, как утверждают Доган и Пеласси, обеспечивается возможность установления порядка и важных фаз развития при изучении квантифицированных (количественных) данных в течение длительного периода времени.

Итак, современный многополюсный мир характеризуется повышенной «кооперативной» коммуникацией, встречей различных типов цивилизации с присущими им различными политическими системами, политическими культурами и др. Глобализация захватывает все без исключения страны. Политическая компаративистика, предлагая свои методы исследования, позволяет глубже, в большем количестве аспектов познать политическую реальность: как в национальном, так и в мировом ее контексте. В этом одна из причин усиленного внимания к проблемам сравнительной политологии. При этом мы должны учитывать, что компаративистский подход является частью общенаучного сравнительно-исторического метода, находящего свое специфическое отражение в политологии. В то же время

сравнительная политология является автономным разделом в общей политологии, и более того, приобрела статус самостоятельной научной и учебной дисциплины.

Осуществление сравнительного анализа требует проработки четкой концептуальной структуры самого исследования. При правильном использовании методологического и методического инструментария процесс сравнения становится эвристическим. Сравнение является средством приобретения знания. Сравнительная политология стремится приобрести (это ее цель) скорее объяснительный, нежели дескриптивный характер.

Компаративистской политологии в большей степени близка идея развития, динамизма, прогресса в целом, поэтому она обращается к соответствующим процедурам исследования.

Вопросы для самоконтроля

1. Каков предмет политической компаративистики?
2. Перечислите основные виды сравнительной политологии.
3. В чем проявился методологический кризис сравнительной политологии?
4. В чем заключается суть сравнительного анализа как метода исследования?
5. Какие методы исследования предлагаются в политической компаративистике?
6. Раскройте значение событийного политического знания в современной сравнительной политологии.
7. Какова роль концептуальной структуры в области сравнительного анализа?

Рекомендуемая литература

1. *Ачкасов В. А.* Сравнительная политология. М.: Аспект-пресс, 2011.
2. *Василенко И. А.* Сравнительная политология. М.: Юрайт: Высшее образование, 2009.
3. *Голосов Г. В.* Сравнительная политология. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2001.
4. *Голубева Л. А., Черноков А. Э.* Сравнительное государственное устройство. СПб.: Знание, 2009.
5. *Дербишайр Дж., Дербишайр Я.* Политические системы мира: в 2 т. М.: Рипол Классик, 2004.
6. *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология. М.: Соц.-полит. журн., 1994.
7. *Желтов В. В.* Сравнительная политология. М.: Академический проект, 2008.
8. *Ильин М. В.* Сравнительная политология. Научная компаративистика в системе политического знания // Политические исследования. 2001. № 4. С. 162–175.
9. *Ильин М. В., Сморгунов Л. В.* Сравнительная политология // Политическая наука. 2001. № 2. С. 112–148.
10. *Мангейм Д. Б., Рич Р. К.* Политология. Методы исследования. М.: Весь мир, 1997.
11. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М.: Вече, 1999.
12. *Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002.
13. *Сморгунов Л. В.* Сравнительная политология: учебник для вузов (стандарт третьего поколения). СПб.: Питер, 2012.
14. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2002.
15. *Чилкот Р.* Теории сравнительной политологии. М.: Весь мир, 2001.

Глава 3. НОВЕЙШИЕ СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

3.1. Политическая регионалистика

Политическая регионалистика – это субдисциплина политологии, изучающая проблемы региональной структуры государства и общества, регионального развития и межрегионального взаимодействия, при этом уделяющая особое внимание пространственным формам политических явлений, динамике политических процессов и институтов в регионах, характеру и расстановке политических сил, своеобразию процессов формирования региональных элит, проблемам взаимодействия центра и периферии, а также обратному воздействию региональной политической среды на государство и общество в целом¹.

В современной науке существует множество понятий, которые обозначают области знания, изучающие пространственные аспекты разнородных явлений, – регионалистика, география, регионоведение, краеведение, региональная наука, географическое государствоведение, геополитика, региональная политология и т. д. Среди этого всего многообразия политическая регионалистика – новое направление политических исследований, возникшее в результате дифференциации политической науки и необходимости более углубленного изучения такого феномена, как региональная политика.

Политическая регионалистика выделилась в самостоятельное научное направление в 90-х гг. XX в., что вполне

¹ *Медведев Н. П.* Политическая регионалистика: учебник. М.: Гардарики, 2002. С. 7.

соответствовало фундаментальному перелому, который произошел в принципах научного познания и ознаменовал собой отказ от теории революционной смены парадигм Томаса Куна. Это было также связано с признанием того, что отныне научные теории, концепции и подходы не стоит рассматривать как взаимоисключающие альтернативы, по мере развития науки сменяющие друг друга, а следует представлять их в качестве взаимодополняющих способов познания или конструирования действительности.

Возникновение политической регионалистики исследователи связывают прежде всего с двумя дисциплинами – политологией и регионалистикой (регионоведением), история становления которых в качестве наук имеет свою специфику.

Становление политологии в качестве современной науки связывают с открытием в 1857 г. первой кафедры политической науки в Колумбийском университете США, а также с последующим развитием политической науки в других ведущих университетах США и Европы, созданием национальных и международных ассоциаций политических наук и изданием журналов, посвященных ключевым проблемам политической науки.

Наука о регионах имеет не столь длительную историю. Одним из первых исследований, посвященных региональным процессам, можно назвать труд И. Г. Тюнена «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике», изданный в 1836 г. На начальном этапе (конец XIX – начало XX в.) развитие регионоведческой науки было связано главным образом с исторической географией, в рамках которой она носила название «краеведение» или «страноведение». При этом роль исторической географии в системе социально-экономических наук была весьма незначительной и сводилась к описанию географии населения, хозяйства, миграционных процессов и т. п.

Достаточно активно в тот период развивалась отечественная наука о регионах. Весомый вклад в становление краеведения внесли русские ученые П. И. Мельников-Печерский и А. С. Гациский, систематизировавшие исследования в области истории и этнографии Нижегородского региона, а также губернские ученые архивные комиссии, подготавливавшие материалы по состоянию хозяйственной, демографической и этнической структуры периферии Российского государства. На протяжении XIX в. активно развивались такие исследовательские направления, как региональная археология, региональная антропология, региональная этнография, региональная лингвистика. Каждая отрасль знания оперировала собственными исследовательскими методами и ставила собственные научные задачи и цели.

В конце XIX в. регионалистика начинает рассматриваться как своего рода макродисциплина, которая оперирует обобщенными, итоговыми результатами специализированных исследований, выполненных в рамках отраслевых гуманитарных дисциплин. На данном этапе происходит обобщение предшествующих достижений, имеет место попытка выработать многофакторные подходы для объяснения процессов регионального развития. К этому же периоду относится систематизация обширных знаний в области регионального развития, полученных отдельными научными дисциплинами, включение в региональную проблематику экономических и политико-правовых исследований, а также становление собственно региональной науки.

В процессе развития политической и регионоведческой наук были заложены основания для появления нового научного междисциплинарного направления – политической регионалистики.

Термин «regional studies» (региональная наука) был введен в научный оборот американским экономистом

У. Изардом, автором книги «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах» (Нью-Йорк, 1960), посвященной социально-экономической проблематике (на русский язык работа была переведена в 1966 г.). В этой работе подробно излагаются методы сбора и анализа региональной социально-экономической информации, но концептуальные рамки и ориентиры собственно региональной науки остаются не обозначенными. В то же время сам автор в заключении отмечает: «...обширную область этой науки нельзя ограничивать разработкой методов анализа, даже если эти методы дополнены обильными, хорошо продуманными и организованными исследованиями географов и других ученых»¹. В настоящее время вместе с данным понятием в западной науке получил также распространение термин «area studies».

На основании междисциплинарных исследований, посвященных анализу разнообразной региональной проблематики, как правило, исследователи выделяют три основные группы подходов, в наибольшей степени оказавших влияние на формирование теоретико-методологических основ политической регионалистики: политико-географические и геополитические, политико-исторические и социально-политические подходы.

Для того чтобы разобраться со специфическим объектом и методами политической регионалистики, необходимо обратиться к происхождению самого понятия «регионалистика», которое этимологически очень близко к понятию «региональная наука». Понятие «регионалистика» является результатом словообразования, произошедшего в русском языке, и не имеет прямого перевода на английский и другие

¹ Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. С. 656.

языки, наиболее распространенные в мировой науке. В сущности, единственным адекватным вариантом перевода понятия «регионалистика» на английский язык является как раз «региональная наука».

Под политической регионалистикой понимается совокупность исследований как макрополитических институтов и процессов на региональном и местном уровнях (изучение элит, выборов), так и специфических аспектов регионального и местного управления, связанных с процессами общенационального масштаба (исследование отношений между центром и регионами).

Если исходить из того, что «политика» – многообразный мир отношений, деятельности, поведения, ориентации, взглядов и коммуникационных связей между людьми по поводу власти и управления обществом, а «регион» – это территория страны, нескольких соседних стран, часть территории одной или нескольких соседних стран с более или менее однородными природными, экономическими, социально-политическим и культурными условиями, то политическая регионалистика – одно из направлений как политологии, так и регионоведения, изучающее политическую жизнь регионов разного типа. Если объектом изучения общей регионалистики, как определено в «Политической энциклопедии», является «регион как самостоятельная пространственно-географическая, административно-территориальная, институционально-политическая, экономическая, социальная, историко-культурная, этническая и демографическая величина», то объектом изучения политической регионалистики является политическая сфера региональных общностей разного порядка. При этом политическая регионалистика, формируя свой предмет, рассматривает политические процессы и отношения на нескольких структурных уровнях – на уровне региона, состоящего: 1) из территорий нескольких государств; 2) из

территории одного государства; 3) из территории части одного или нескольких государств; 4) из территории одного или нескольких муниципальных образований. В зависимости от уровня политическая регионалистика меняет количественные и качественные характеристики, а также параметры своего предмета изучения.

Можно сказать, что предметом политической регионалистики являются закономерности политического воспроизводства, функционирования и развития регионов (исследование взаимодействия государства и его регионов, исследование региональных политических культур и идеологий и т. д.). Современные исследователи обычно выделяют вертикальное (политические отношения между центром и регионами) и горизонтальное (политические процессы и явления в самих регионах) измерения политической регионалистики.

Анализируя структуру политической регионалистики, следует сказать, что она включает в себя как одушевленные субъекты (участников региональной политики), так и неодушевленные элементы (региональную политическую власть, политические отношения, политическое сознание, политическую культуру и т. д.), поэтому функции политической регионалистики находятся в прямой зависимости от субъектов и других составляющих ее структуру элементов.

Основные функции, которые выполняет политическая регионалистика, проявляются, когда субъекты региональной политики вступают в политические отношения (т. е. отношения по поводу распределения и использования государственной власти в регионе на основе политических интересов, целей, установок, ценностных ориентаций, верований, идеалов, которыми субъекты региональной политики руководствуются в своей деятельности).

Сегодня выделяют следующие функции политической регионалистики:

– теоретико-познавательная функция, состоящая в формировании знаний и представлений о региональной политике (в частности, о государственной региональной политике), а также о той роли, которую эта политика играет в политическом процессе, с одной стороны, и в жизни общества – с другой;

– мировоззренческая функция, позволяющая выработать определенное целостное видение политического процесса, политической действительности, в разрезе как регионов, так и государства (общества) в целом;

– регулятивная функция, которая выражается во влиянии политических знаний на политические действия и политические решения;

– аксиологическая функция, состоящая в оценке событий как в отдельно взятом регионе, так и во всех регионах государства;

– прогностическая, позволяющая анализировать тенденции и направления развития региональной политики и политического процесса в целом через грамотно составленный прогноз.

Бесспорно, все функции политической регионалистики неразрывно связаны между собой. По мере ее развития и усовершенствования инструментария могут проявляться и новые функции политической регионалистики – в зависимости от целей и задач исследователей, требований и условий ситуации.

Если говорить о методах политической регионалистики, то они состоят во взаимосвязи с конкретными способами и средствами приобретения знаний о политической жизни регионов. При этом можно провести аналогию с методами теоретического и эмпирического познания общей политологии.

Что касается методов теоретического познания, то в политической регионалистике широко используются диалектический, системный, институциональный, неоинсти-

туциональный, бихевиористский, исторический, структурно-функциональный методы познания, а также метод формализации. Эти методы дают возможность рассматривать региональные политические процессы во всей их противоречивости, а также с учетом взаимосвязи различных компонентов региональной политической жизни и постоянного качественного изменения всех ее сторон. Упомянутые подходы позволяют также представить региональную политику как целостную, формирующуюся через взаимодействие всех ее частей и находящуюся в многообразных связях с внешней средой (природой, экономикой, социальной, культурной и духовной средой). При этом метод формализации дает возможность сравнивать и сопоставлять региональные политические явления по сходным параметрам их существования с целью выявления их сходств и различий; сверх того он позволяет политической регионалистике выявить все многообразие связей и тенденций региональной политической жизни.

Методы эмпирического познания политической регионалистики используются как средства и способы получения новых знаний о конкретных региональных политических феноменах либо о политических явлениях в отдельном регионе. К таким методам можно отнести различные формы анкетирования (беседы, интервью, опросы), статистические и математические методы, прогнозирование, моделирование, игровые методы, методы case-study и другие принятые в политологии методы познания.

Говоря о развитии политической регионалистики в России, следует сделать акцент на 1994 г., когда проблемы данной дисциплины стали предметом постоянного интереса ряда исследователей и когда политическая регионалистика начинает занимать важное и заметное место в деятельности государственных и негосударственных аналитических цен-

тров. Например, в Аналитическом центре при Президенте России создается направление «Регионалистика», возглавляемое Л. Смирнягиным; под руководством С. Валентея в Институте экономики РАН создается лаборатория социально-экономических проблем федерализма; в 1996 г. начал свою работу Центр регионального анализа и прогнозирования А. Шутова при Российской академии государственной службы, и это было только начало.

Эти (и подобные им) центры начали наращивать сеть своих региональных экспертов и представительств, стали проводиться семинары и конференции по проблемам федеративных отношений, региональной политики и местного самоуправления, в вузах появились учебные курсы по политической регионалистике. Налицо факт, что проблемами политической регионалистики стали интересоваться не только географы и юристы, но и политологи – именно профессиональные политологи, ориентированные на сбор первичных данных и заинтересованные в соответствующем уровне профессионального партнерства. Все чаще политическая регионалистика становится темой публикаций в научных журналах (особое место региональная проблематика начинает занимать в период выборов).

Как уже ранее было сказано, становление отечественной политической регионалистики в качестве самостоятельной научной дисциплины происходит в 90-х гг. XX в. Основу исследований политической регионалистики составили следующие направления: анализ региональных электоральных процессов, изучение региональных элит и исследование федеративных отношений. Эти направления легли в основу появления четырех основных школ политической регионалистики: школа электоральных исследований (Б. В. Овчинников, Р. Ф. Туровский, В. А. Колосов); школа исследования региональных элит (В. П. Махов, Г. К. Ашин,

О. В. Гаман-Голутвина, А. М. Старостин, Н. В. Зубаревич); школа исследования региональных особенностей политических регионов (А. С. Нечаев); школа исследования федеративных отношений (Я. Е. Борисов, В. Я. Гельман, С. И. Рыженков).

Проанализировав тенденции и направления развития политической регионалистики, сегодня можно с уверенностью говорить о том, что основными темами и проблемами исследования этой политологической субдисциплины являются следующие:

- история возникновения и развития политической регионалистики;
- регионы – структурные элементы государства как пространственно-территориальной целостности;
- потенциал внутристрановых регионов;
- типология регионов в государстве;
- центр и периферия в государстве;
- региональные интересы в государстве и их взаимосвязь с интересами общенациональными;
- сила и влияние регионов в государстве и т. д.

По мере развития политической регионалистики, конечно же, будет расширяться и ее понятийный аппарат. За время своего существования политическая регионалистика уже сделала невероятное – из отдельного периферийного направления исследований в политологии и общей регионалистике она превратилась в отдельную самостоятельную научную и учебную дисциплину, сформировав при этом мощнейший терминологический и методологический аппарат. Поэтому сегодня, говоря о перспективах развития политической регионалистики, необходимо признать, что в анализе тенденций регионального развития и способов решения региональных проблем нельзя обойтись без экспертов,

владеющих навыками профессионального регионального политологического анализа.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состоит междисциплинарность политической регионалистики?
2. Охарактеризуйте специфику политической регионалистики и дайте определение понятия «политическая регионалистика».
3. Что такое объект и предмет политической регионалистики?
4. Каковы основные методы, применяемые в политической регионалистике?
5. Каковы основные школы политической регионалистики в России, в чем их специфика?
6. Каковы основные проблемы и этапы становления политической регионалистики в России?
7. Назовите основные понятия и категории политической регионалистики.
8. Каковы перспективы развития политической регионалистики?

Рекомендуемая литература

1. *Абдулатипов Р. Г.* Федералогия. СПб.: Питер, 2004.
2. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.
3. *Баранов А. В., Вартумян А. А.* Политическая регионалистика: курс лекций. М.: Рос. гос. соц. ун-т, 2005. Вып. 1–5.
4. *Бусыгина И. М.* Политическая регионалистика: учебник. М.: МГИМО: РОССПЭН, 2006.

5. *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Основы региональной политики. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1998.

6. *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение. М.: Гардарики, 2000.

7. *Доленко Д. В.* Политика и территория: Основы политического регионоведения. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2000.

8. *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география: учебник. М.: Аспект Пресс, 2001.

9. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

10. *Медведев Н. П.* Политическая регионалистика: учебник. М.: Гардарики, 2002.

11. *Миронюк М. Г.* Современный федерализм: сравнительный анализ: учеб. пособие. М.: РОССПЭН, 2008.

12. *Туровский Р. Ф.* Политическая география: учеб. пособие. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.

13. *Туровский Р. Ф.* Политическая регионалистика: учеб. пособие. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.

14. *Туровский Р. Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.

3.2. Глобалистика и экополитология

Современный многополюсный мир характеризуется повышенной «кооперативной» коммуникацией, встречей различных типов цивилизации. Глобализация захватывает все без исключения страны. Реальный факт глобализации общественного развития означает и нарастание глобальных угроз и проблем, т. е. тех проблем, от решения которых зависит само существование, сохранение и развитие цивилизации.

Рассмотрим в данном параграфе следующие вопросы:

- Чем занимается политическая глобалистика?
- Что такое экополитология?

Глобальные проблемы стали феноменом и объектом междисциплинарных исследований, получивших название глобалистики. Предметом глобалистики являются кризисные явления и противоречия планетарного масштаба. Ключевое значение в концепции кризиса цивилизации имеет осмысление политических аспектов глобальных проблем. Политика оказывает свое влияние на формирование планетарной цивилизации точно так же, как глобальные процессы изменяют саму сферу политики.

В своем развитии политическая глобалистика прошла ряд этапов. Первый этап – 1960–1970-е гг. – был отмечен исследованием проблем, связанных с освоением космоса и охраной окружающей среды. Методологические и научно-теоретические разработки этого периода получили тогда высокий политический резонанс.

Второй этап – вторая половина 1970-х гг. – характеризуется публикациями в области глобального моделирования, затрагивающего в том числе состояние и перспективы мировой политики. Были сформированы две основные

концепции: «технократического оптимизма» и «исторического пессимизма».

Американские политологи Р. Кеохан и Дж. Най в книге «Транснациональные отношения и мировая политика» (1971) утверждали, что международные отношения конца XX в. – это не только борьба за власть между государствами, озабоченными проблемами национальной безопасности, но и мировое поле деятельности, выходящее за рамки только вопросов войны и мира.

С началом футурологического бума сторонники данного направления (Б. Фуллер, Г. Кан, А. Винер, У. Браун, С. Мендловиц и др.) выдвинули и обосновали пять объективных факторов в пользу сближения мирового сообщества:

– возрастание военной уязвимости будет влечь за собой взаимозависимость основных государств-антагонистов;

– развитие технологии приведет к мировому разделению труда, а это, в свою очередь, усилит экономическую взаимозависимость;

– обмены и коммуникации расширяют сферу международного взаимодействия;

– наличие экологической угрозы служит одним из факторов усиления ценности мира;

– необходимость широкого доступа к природным ресурсам направит усилия к достижению общемирового компромисса.

В начале 1970-х гг. оптимистическому направлению бросают вызов представители исторического пессимизма в лице Дж. Форрестера, Дж. Медоуза, членов Римского клуба и др., выступившие со своими мрачными прогнозами.

Римский клуб с самого начала поставил перед собой задачу ответить на главный вопрос: можно ли сохранить здоровое состояние региональной и глобальной природной среды, экономическое равновесие, устойчивость общественного развития и благосостояние людей, базу невозобновляемых

природных ресурсов, если неизбежные изменения в характере использования энергетических и сырьевых материалов, способах производства и потребления в странах индустриальной периферии будут и дальше идти путем наименьшего сопротивления, руководствуясь только узкими экономическими интересами?

Теоретиками данного направления стали Дж. Форрестер, П. Эрлих, Р. Гарриман, Дж. Медоуз, Р. Хейлбронер и др. Большое влияние на развитие теории исторического пессимизма оказала книга «Пределы роста», написанная Дж. Медоузом по заказу Римского клуба. Это исследование подстегнуло дискуссию о будущем мирового сообщества.

На основе построенной модели мира авторы доклада сделали заключение, состоящее из трех пунктов:

1. Если сохраняется постоянный рост населения в мире, рост индустриализации, производства продовольствия и использования природных источников, границы роста на Земле достигнут предела в следующие сто лет; если это произойдет, сократится население и возможности индустриального развития.

2. Можно изменить распределение роста населения и сформировать условия экономической и экологической стабильности, которая сохранилась бы в будущем. Можно определить положения глобального равновесия с тем, чтобы основные материальные потребности каждого региона Земли были удовлетворены и при этом все имели бы равные возможности для реализации своего индивидуального потенциала.

3. Если человечество будет делать усилия в этом направлении, есть надежда на успех.

Будущее представлялось им полем постоянной борьбы и незатихающих конфликтов. Пессимисты выдвинули в споре с представителями технологического оптимизма ряд положений:

1. Ухудшение экономических перспектив. Нехватка природных ресурсов приведет к обострению неравенства, дезинтеграции экономических связей, росту насилия и репрессий внутри национальных организмов и на международной арене.

2. Межгосударственные конфликты из-за границ, по религиозному признаку и т. п. будут происходить вопреки факту взаимозависимости, вполне реальной и ощутимой во многих случаях.

3. Этническая, культурная, религиозная солидарность (панславизм, панарабизм, панафриканизм, латиноамериканская солидарность) не смогла предотвратить конфликты в прошлом, не явится она сдерживающим началом и при возникновении конфликтов в будущем.

4. Гонка вооружений и широкое распространение оружия в мире серьезно угрожают стабильному развитию международных отношений. Происходит не только насыщение мира обычным оружием, но существует также реальная опасность попадания ядерного оружия в руки экстремистских политических сил.

5. Расползающийся международный терроризм, с одной стороны, поддерживается государственными органами, а с другой – представляет собой акции неправительственных движений.

Сторонникам классического направления теории исторического пессимизма нельзя отказать во взвешенном, беспристрастном, «реалистичном» подходе к анализу международных отношений.

Третий этап политической глобалистики берет свое начало в 1980-х гг. Число публикаций, посвященных глобальным проблемам, достигло двух тысяч наименований в год. Четыре темы являются заглавными: 1) оценка перспектив гонки вооружений; 2) проблемы роста населения, ресурсов

и окружающей среды; 3) мировое экономическое развитие; 4) социальные аспекты развития человечества.

Со временем проблемное поле и сфера деятельности Римского клуба значительно расширились. Доклады посвящались интеграционным тенденциям внутри мирового сообщества, изменениям в ценностных ориентациях жителей планеты, вопросам построения целостной прогрессивной цивилизации, в основу которой положен принцип всеобщей солидарности.

Так, авторы доклада «Первая глобальная революция» (1991) призвали к «всемирной солидарности» перед лицом обострившихся глобальных и локальных проблем и увидели сущность этой революции не в сокрушении отжившего общества, а в объединении усилий народов на основе значимых для всех нравственно-этических норм и культурных ценностей.

Далее получили широкое развитие прогнозные программы на 10–15 лет. Примером таких прогнозов могут послужить работы ведущих диагностов тенденций мирового развития Дж. Несбита и О. Тоффлера. В них глобальное понимание перспектив роста и развития человечества раскрывается через призму как непосредственно человека (например, тенденция изменения характера и условий труда, изменение относительной ценности специальностей), так и человечества в целом (изменения политического и экономического баланса различных регионов и др.).

Процессы глобализации общественного развития просматриваются, таким образом, через возрастание значения индивида, личности, что свидетельствует об общей тенденции усиления гуманистического начала в современной политической глобалистике.

В многочисленных публикациях последних лет суммарно глобализация видится как процесс, в ходе которого большая часть социальной активности приобретает мировой характер,

в результате чего географический фактор теряет свою важность или становится незначительным в установлении и поддержании трансграничных экономических, политических или социокультурных отношений.

Исследователи выделяют три основных направления глобальных изменений, через которые и благодаря которым глобализация приобретает институционально развитые формы. К ним относятся экономическое направление, политико-идеологическое и технологическое.

Глобализация стимулируется изменениями в мировой экономике, в рамках которой осуществляется перемещение товаров, капитала, реализуется обмен идеями и людьми. Наиболее продвинутой сферой – финансовая, характеризующаяся возросшей мобильностью капитала, активным развитием финансовых рынков и их интеграцией, техническим прогрессом в области обработки и передачи информации. Так, уже сейчас существует полностью интегрированный общемировой рынок капиталов, открытый 24 часа в сутки, 7 дней в неделю.

Глобализация очевидным образом проявляет себя в политической области. Глобальный характер приобрело распространение либеральных и демократических политических ценностей и институтов. Глобализация выдвинула на авансцену мировой политической жизни таких нетрадиционных участников (акторов), как ТНК, международные, неправительственные организации, различного рода альтернативные движения (экологические, феминистские), СМИ, межгосударственные организации и т. п.

Технологическая глобализация связана с развитием информационных и коммуникационных технологий. Технологическая революция предопределяет качественный скачок в социальном развитии мирового сообщества. Интернет сегодня представляет собой гигантскую и постоянно растущую

сеть сетей. Это фундамент инфомагистралей, через которую уже перекачивается огромные объемы текстовой, графической, звуковой и видеопродукции любому корпоративному или индивидуальному потребителю. Интенсификация связей, их разнообразие, масштабность закладывают основания нового типа организации – сетевого общества, понимание которого имеет ключевое значение для характеристики глобальной общности и самого процесса глобализации.

В «осознании возрастающего значения взаимосвязи социальных событий и отношений по всему миру», т. е. глобализации, существует широкий спектр различных точек зрения. Имеются различные классификации концептуальных подходов к процессу глобализации. Она рассматривается как «линейный процесс»; «мир-системная модель» И. Валлерстайна; модель глобальной культуры; модель глобального общества; модель глобальной системы; концепция «порождающих технологий» (Н.Е. Покровский)¹.

Парадигма линейного процесса видит в глобализации расширение, углубление, увеличение интенсивности мировых интеграционных процессов без революционного изменения их внутреннего содержания и качества. Линейная глобалистика опирается на такие тенденции, как глобализация капитала и производства; радикальная глобализация СМИ; новое мировое разделение труда.

Мир-системная модель И. Валлерстайна исходит из экономического измерения. В мировом разделении труда существует трехполюсная структура, включающая в себя экономическое ядро мировой системы, «полупериферию» и «периферию». Все они образуют существующую мир-систему, которая занимает весь земной шар и является

¹ Глобальное управление / под ред. А. И. Соловьева. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 40–47.

капиталистической мировой экономикой. Мир-системный подход рассматривает современную капиталистическую мир-систему как необходимое условие для перехода к мировому социализму, поскольку международный капитализм, по мнению И. Валлерстайна, обречен на поражение в силу собственных слабостей и противоречий.

В рамках модели глобальной культуры анализируются проблемы самоидентификации личности в условиях формирования всемирной культуры. Многие аналитические сюжеты связаны с проблемой навязывания чьей-либо национальной культуры остальному миру, к примеру американской («американизация» мировой культуры, «макдонализация») или европейской и т. п. Глобальная культура актуализирует наличие важнейшей связи «глобальное – локальное», когда при рассмотрении глобальных процессов исходят из приоритета тех изменений, которые происходят в локальных сообществах.

Теоретики глобального общества видят суть происходящих процессов в сжатии мира, в расширении взаимозависимости как следствии распространения культуры модерности. Пространство сжимается, а время становится глобальным. Р. Робертсон, Э. Гидденс и др. полагают, что процесс глобализации происходит одновременно с модернизацией, включает в себя «процессы экономической систематизации» интернациональных связей между государствами и возникновения глобальной культуры сознания.

Модель глобальной системы предполагает необходимость поставить в центр анализа «транснациональные практики» (Лесли Склэр), характерной чертой которых является деятельность международных (ненациональных) акторов, включая так называемый «транснациональный капиталистический класс».

Концепция «порождающих технологий» берет на вооружение идею существования общества, основанного на знании.

Суть этой концепции заключается в том, что различные научные концепции обладают определенным созидательным потенциалом, который оказывает свое воздействие на социально-политическую и экономическую реальность.

Можно считать успешной попытку дать определение понятия глобализации, предпринятую М. А. Чешковым в его работе «Глобальное видение и новая наука», которая в состоянии резюмировать все вышеперечисленные теории глобализации. «Этот термин, – пишет автор, – обозначает широкую совокупность процессов и структур, которую можно выразить как процессы взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимообусловленности самых различных компонентов мирового сообщества. Иначе говоря, в современном мире создается такое единое целое, где любое локальное событие определяется событиями в других локусах, и наоборот. Эти процессы выступают как “феномены глобальности и глобализации”. Ключевой термин в таком значении обладает множеством различных смыслов – от определенного мировидения или мировосприятия до идеологически ориентированного дискурса, а также – и не в последнюю очередь – как позиция или концепции научного познания современного мира»¹.

Одним из наиболее важных направлений глобалистики, можно сказать, теоретическим продуктом анализа глобальных проблем является экополитология. Эта наука раскрывает политические аспекты глобального взаимодействия общества и природы. Данное формирующееся направление политической науки призвано выявить особенности политического процесса в условиях нарастающего ухудшения состояния окружающей среды.

¹ Чешков М. А. Глобальное видение и новая наука. М.: ИМЭМО РАН, 1998.

Наряду с глобальными проблемами мира и войны приходит озабоченность иным кругом проблем, связанных с разрушением среды обитания, другими формами кризиса цивилизации.

Экологические проблемы нередко сравнивают с термоядерной бомбой замедленного действия по той угрозе, которую они представляют для человека и человеческого рода. Как показал опыт последних нескольких десятилетий, существенное влияние на отношения общества и природы оказывает характер социально-экономических и политических процессов, происходящих в обществе, а также господствующая в нем та или иная идеология, в том числе политическая.

Центральной проблемой является гармонизация отношений общества и природы, поэтому экологическая безопасность рассматривается как одна из приоритетных задач. Серьезным конфликтным потенциалом обладают проблемы истощения жизненно важных ресурсов, достижения пределов возможностей глобальной экосистемы, а также увеличивающееся глобальное неравенство («глобальный апартеид»).

Глобальная проблема кроется и в «завоевательском» отношении к природе. Отходы промышленного производства и применение химии в сельском хозяйстве чрезвычайно загрязнили окружающую среду. За последние 30–40 лет исчезли многие виды растений и животных, кислотные дожди уничтожили до половины лесов в ряде стран Западной Европы и Северной Америки. В России также наблюдаются все эти явления.

Весьма пессимистичны прогнозы ученых относительно возможности необратимых изменений в климате Земли в результате деятельности человека. Защита водных бассейнов и мирового океана является общепланетарной задачей.

Большинство стран третьего мира решают свои экономические проблемы за счет истощения и истребления природных ресурсов. Только африканские страны имеют прибыль в 9 млрд долларов в год, превращая леса и плодородные земли в пустыню. Общий же мировой показатель наживы за счет истребления собственной природы составляет 42 млрд долларов в год. Природные ресурсы этих стран при таких темпах будут исчерпаны уже в обозримом будущем, и мир ожидает экологическая катастрофа. Неслучайным является факт, что ООН предлагает введение международных санкций за порчу не только международной, но и собственной экологической среды.

Поэтому одной из задач экополитологии является анализ деятельности государственно-правовых институтов, способствующих защите окружающей среды. Ее важнейшая цель – не только исследовать политику экологической безопасности, но и разрабатывать саму концепцию экологической безопасности, сделать достоянием государственных задач борьбу за сохранение природных основ жизни.

Бурное развитие экополитологической аналитики пришлось на 60–70-е гг. XX столетия. В эти годы на первый план выдвинулись экологические задачи, отразившие факт широкого осознания особой важности проблемы сохранения природной среды. Экополитология приобретает черты научной дисциплины. Научными подпорками послужили методологические принципы глобального моделирования, т. е. самые современные методы комплексного научного анализа. Активно развернулось движение в защиту окружающей среды. Экополитология, которую нередко называют политической экологией, имеет множество аспектов. Помимо того, что она является относительно самостоятельным научным направлением, это и критическая теория, и анализ современного индустриального общества; теоретическая основа и практика новых альтер-

нативных социальных движений. Практически все альтернативные модели опирались на концепцию политической экологии.

Один из идеологов альтернативного движения, французский политолог А. Горц, назвал политическую экологию средством «самой радикальной критики нынешней цивилизации и нынешнего общества». Альтернативная идея общественного развития – это реакция на традиционные идеологические системы (консерватизм, либерализм, социализм), это попытка осознать в гуманистической плоскости проблемы и конфликты, возникающие на исходе XX в.

Гуманистический потенциал альтернативных теорий как третьего пути развития человечества был отражен в понятии экосоциализма (термин введен немецким социологом О. К. Флехтеймом). Во Франции эту концепцию разрабатывал А. Горц, в ФРГ – К. Траубе, О. Ульрих, И. Флетчер, Р. Баро, К. Оффе, Й. Хубер, в США – Т. Розак, И. Иллич, Дж. Дэвис, Л. Браун, хотя последние и не обращаются к термину «экосоциализм».

Альтернативный ответ на экономические и социально-политические последствия технико-индустриального развития был выражен в мощном экологическом движении, проектах децентрализованного, самоуправляющегося общества, основанного на принципах демократии «прямого участия», в попытках создания некапиталистических промышленных предприятий и сельских ферм, экспериментах с формами и методами образования, многообразных стилях контркультуры и др.

Альтернативные движения представлены сегодня политическими партиями, в том числе экологического направления, которые получили название «зеленых».

В поле зрения экополитологии находится анализ программных установок «зеленых» партий, изучение их

парламентской деятельности, создание коалиций и союзов с другими политическими силами и т. д.

В проблематику экополитологии на рубеже 1980–1990-х гг. активно вторгаются вопросы соотношения экологии, политики, экономики и нравственности. Как соотносятся идеи свободы, демократии, рыночной экономики с требованиями лимитирования роста производства и потребления? Какие новые ценности утверждаются на пути развития техногенной цивилизации, продолжающей по-прежнему ориентироваться на увеличение общественного брутто-продукта? Какие моральные императивы и правовые нормы должны вырабатываться в целях предотвращения экологической катастрофы?

Угроза кризиса цивилизации, вызванная глобальными проблемами, – не только в системе международных отношений во всех ее параметрах, но и в хронической обездоленности двух третей человечества. Проблема продовольственной безопасности имеет глобальные масштабы. Миллионы людей по всему миру, из которых более 40 млн проживает в Африке, находятся на грани голода. Такое положение возникло не только под влиянием климатических условий и стихийных бедствий, оно также связано с воздействием факторов структурного характера, таких как нищета, отсутствие надлежащей поддержки и благоприятных условий для ведения сельского хозяйства, высокий уровень заболеваемости, ВИЧ/СПИД, растущее число конфликтов, неэффективное государственное управление и руководство экономикой, а также проблемы в области торговли. Не случайно центральной темой саммита «Группы восьми» 2002 г. в Канаскисе (Канада) стало Новое партнерство для развития Африки (НЕПАД), инициированное самими руководителями африканских государств, с последующим принятием Плана действий для Африки, основной целью которого было

сокращение бедности на африканском континенте как часть структурной политики предотвращения конфликтов.

Глобальная угроза – в воспроизводстве самого человека. Как урбанизация, технизация и другие аспекты современной цивилизации отразятся на самом человеке, его биологии и генетике, психофизиологических качествах – это вопросы фундаментальной важности, приобретшие глобальный характер.

Сложность и масштабность проблемы выживания человечества определяют острую необходимость в международном сотрудничестве. Актуализируется вывод Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) о том, что на пороге XXI в. «человечество переживает решающий момент в своей истории». В «Концепции устойчивого развития мира», принятой международным сообществом, нашли отражение три следующих положения: 1) признание того факта, что в центре внимания находятся люди, которые должны иметь право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой; 2) охрана окружающей среды должна стать неотъемлемой компонентой процесса развития, она не может рассматриваться в отрыве от последнего; 3) необходимо в равной мере обеспечить удовлетворение потребностей в развитии и сохранении окружающей среды как нынешнего, так и будущих поколений.

В этом отношении вывод Конференции ООН по окружающей среде и развитию особенно актуален для России. Подтверждением этому служит принятая в качестве законодательного акта во исполнение решений Конференции ООН «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996).

Уже упоминавшийся саммит «Группы восьми» 2002 г. показал неразрывную связь между конфликтом и устойчивым развитием, в первую очередь в Африке,

и в связи с этим были приняты два итоговых документа. Первый – «Инициатива “Группы восьми” по предотвращению конфликтов: разоружение, демобилизация и интеграция (РДР)», в котором предлагалось уделить особое внимание этим трем элементам в постконфликтных ситуациях.

Другой итоговый документ – «Инициатива “группы восьми” в области конфликта и развития» – подчеркивал необходимость содействия кооперативному и устойчивому распределению водных ресурсов ввиду непосредственной связи между развитием конфликта и экологическими проблемами, а также использованием редких природных ресурсов. Причем инициатива «восьмерки» опиралась на предшествующие документы ООН («Доклад тысячелетия» Кофи Аннана), проекты Всемирного Банка, в которых было отмечено, что если прежняя ситуация не изменится в лучшую сторону, то вскоре две трети населения планеты будут проживать в странах с проблемами доступа к пресной воде (water stressed), а к 2050 г. 40 % населения Земли, вероятно, столкнутся с тем или иным уровнем дефицита воды, причем каждый пятый – с катастрофической нехваткой водных ресурсов. Так, по данным Национального разведывательного совета при ЦРУ США, к 2015 г. почти половина населения мира, более 3 млрд человек, будет жить в странах, испытывающих недостаток воды. Это страны Африки, Ближнего Востока, Южной Азии, а также север Китая. В развивающихся странах 80 % воды используется в сельском хозяйстве, но к 2015 г. им не удастся сохранить нынешние масштабы орошаемого земледелия, ибо для производства тонны зерна необходима примерно тысяча тонн воды¹. В то же время уровень грунтовых вод под некоторыми из крупнейших

¹ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Екатеринбург, 2002. С. 28–29.

областей земледелия Северного Китая падает ежегодно на 5 футов, а в Индии – от 3 до 10 футов¹.

По мнению американских экспертов, по мере исчерпания запасов воды она станет источником конфликта. Так, почти половина земной поверхности занята бассейнами рек, каждый из которых делят между собой две или более страны; свыше 30 государств получают более трети воды извне. Например, попытки Турции строительства дамбы и ирригационных сооружений на реках Тигр и Евфрат могут привести к снижению поступления воды в Сирию и Ирак, страны, в которых к 2015 г. будет намечаться значительный прирост населения. К этому же времени, по оценке американских аналитиков, возникнут споры между Египтом, Эфиопией и Суданом за пропорциональное использование вод Нила и соглашения о совместном использовании водных ресурсов станут соблюдаться с меньшей тщательностью. Нехватка воды в сочетании с другими источниками напряженности (которые будут иметь место, например, на Ближнем Востоке) может привести к масштабному военному конфликту. По данным Института Worldwatch, в целом четвертая часть из 49 войн и вооруженных конфликтов, имевших место в 2000 г., имела строго определенную ресурсную ориентацию – «в том смысле, что законная или незаконная добыча ресурсов способствовала приведению в действие пускового механизма, или обостряла конфликт, или финансировала его продолжение»².

Таким образом, в одних случаях ресурсы являются пусковым механизмом конфликта, а в других – потенциальным источником поддержки запущенных ранее (под влиянием других факторов) конфликтов.

¹ Глобальные тенденции развития...

² Состояние мира – 2002. М.: Весь мир, 2003. С. 180.

Конечно, существует большее количество факторов, которые оказывают непосредственное влияние на глобальную безопасность.

По мнению ряда видных политических философов, сегодня наблюдаются радикальные изменения в категориальной системе ценностей, связанные в первую очередь со сменой политико-философских парадигм в развитии общества. Экология объявляется новой парадигмой политики.

Одним из первых, кто приступил к разработке экологической парадигмы, был директор Института европейской экологической политики Эрнст У. фон Вайцзеккер. В своей книге «Политика на земле. Реальная экологическая политика в век защиты окружающей среды» (1989) он отмечает, что мы живем накануне новой парадигмы, так что экономическая парадигма уступает свое место экологической.

В. Хесле, немецкий политический философ, соглашаясь с этой главной посылкой, выстраивает свою цепочку смены основополагающих парадигм в новоевропейской истории: религиозная – национальная – экономическая – экологическая. Последняя приобретает первостепенное политическое значение.

Интерес для экополитологии представляет не только смена парадигм, но и смена значений классических политических предикатов, а именно значений терминов «реакционный», «консервативный», «прогрессивный» и т. д. Как считает Хесле, при господстве экономической парадигмы прогрессивными являются те, кто ратует за повышение уровня жизни как можно большего числа людей. Но с появлением экологической парадигмы подобные подходы в политике оказываются реакционными, поскольку связаны с неограниченным ростом производства и потребления. Таким образом, происходит изменение конфигурации политической шкалы в условиях экологических преобразований в индустриальном обществе.

При всем этом выражается надежда, что экологический кризис будет восприниматься как общий враг человечества.

Вопросы для самоконтроля

1. Что скрывается за словом «глобализация»?
2. Определите основные этапы и характеристики становления и развития отечественной и мировой глобалистики.
3. Каковы причины обострения комплекса политических глобальных проблем?
4. Сформулируйте иерархию глобальных проблем.
5. Какова эволюция взаимоотношений между обществом и природой в процессе исторического развития?
6. В чем заключается природа экологического кризиса?
7. Раскройте цели и задачи отечественной экологической политики и основные этапы ее эволюции.
8. Определите место России в динамичном процессе глобальных взаимодействий.
9. Постройте цепочку смены основополагающих парадигм в новоевропейской истории.

Рекомендуемая литература

1. Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Нью-Йорк: ЕЛИМА: Питер, 2006.
2. Глобальные проблемы человечеств. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.
3. *Дергачев В. А.* Глобалистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
4. *Ильин И., Леонова О., Розанов А.* Теория и практика политической глобалистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.
5. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс-Пангея, 1991.

6. *Коновалов В. Н.* Глобализации теории // Социология: краткий тематический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2001.

7. *Костин А. И.* Экополитология и глобалистика. М.: Аспект Пресс, 2005.

8. *Ришар Ж.-Ф.* На переломе. Двадцать глобальных проблем – двадцать лет на их решение. М.: Ладомир, 2006.

9. *Хесле В.* Философия и экология. М.: Ками, 1993.

10. *Чумаков А. Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2013.

11. Экологическая доктрина РФ // Российская газета. 2002. 18 сент.

3.3. Политическая конфликтология

Политическая конфликтология – это субдисциплина политологии, рассматривающая закономерности возникновения и развития политических противоречий и конфликтов, способы их предупреждения, разрешения и управления ими¹.

Прогресс знания не имеет границ. На основе уже существующих научных дисциплин формируются новые, обретая свой предмет и методы. В их числе и политическая конфликтология.

В настоящее время политическая конфликтология представляет собой область профессиональной деятельности, которая требует наличия специальной подготовки, определенных знаний и умений. Специалисты в области политической конфликтологии ведут исследовательскую и практическую работу в различных научных институтах, конфликтологических центрах, административных и юридических учреждениях, в управлениях корпораций и дипломатических ведомствах. На сегодняшний момент накопился достаточно обширный фонд научной литературы по политической конфликтологии; политическая конфликтология включается в программы подготовки политологов, юристов, конфликтологов, психологов в качестве особой учебной дисциплины. Однако вопрос о том, что представляет собой политическая конфликтология, остается открытым.

Наличие существующих сегодня разнообразных взглядов на политическую конфликтологию позволяет говорить о большом числе дефиниций данной субдисциплины политической науки. Но судьба политической конфликтологии определяется

¹ *Козырев Г. И.* Политическая конфликтология. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2008. С. 6.

не тем, какие словесные дефиниции ей дают и каким образом определяют границы, в которых она должна развиваться. Политическая конфликтология развивается как наука потому, что есть общественная потребность в познании политических конфликтов и способов их урегулирования. Возрастающая социальная значимость изучения политических конфликтов порождает тенденцию сбора знаний о политических конфликтах в одно целое. Чем больше становится это целое, тем более необходимо упорядочивать накопленные знания в единую систему и выделять ее как особую область науки. И поскольку политический конфликт представляет собой один из видов социальных конфликтов, исследовать политический конфликт как автономное явление, изолированное от общей социальной среды, не представляется возможным. Поэтому и теоретической, и методологической основой для изучения политической конфликтологии является общая конфликтология. Особенность же политической конфликтологии заключается в том, что она исследует прежде всего политические конфликты, независимо от причин их возникновения. Проанализировав достаточное количество дефиниций политической конфликтологии, можно определить ее как науку о закономерностях возникновения и развития политических конфликтов, о способах их предупреждения, разрешения и управления ими.

Конфликтология как отдельная дисциплина сложилась в 1950–1960-х гг. нынешнего столетия в недрах западной социологии и политологии. Несмотря на то, что у нее есть своя, хоть и небольшая история, конфликтологические идеи формировались на всем протяжении существования общественной мысли. Признание многими теоретиками конфликтной природы политики побуждает некоторых исследователей рассматривать едва ли не всю историю социальной и политической мысли как смену разнообразных

конфликтологических концепций. При этом внимание в большинстве случаев сосредоточено на том, кто из мыслителей прошлого внес вклад, и какой, в разработку проблем политических конфликтов. Конечно, определенный смысл в этом аспекте есть. В древних мифах и религиозных преданиях, в идеях и высказываниях философов, историков и писателей прошлых веков разбросаны многочисленные и порой весьма глубокие замечания о причинах всевозможных конфликтов, а также путях их преодоления. Большинство мыслителей прошлого так или иначе обращались к феноменам и причинам общественных смут и политической борьбы, искали пути и способы предупреждения, разрешения и даже подавления общественных конфликтов. Здесь можно вспомнить самые ранние представления о конфликтах, высказанные Конфуцием, Гераклитом, Эпикуром, Платоном, Демокритом, Фукидидом; исследование природы человека и общественных конфликтов в сочинениях Аристотеля. В Средние века специфические представления об общественных конфликтах были высказаны Климентом Александрийским, Аврелием Августином, Фомой Аквинским. В эпоху Возрождения развитие представлений о конфликте связывают с именами Никколо Макиавелли и Эразма Роттердамского. В Новое время с особой силой активизировался интерес к исследованию конфликтов. В связи с этим следует отметить теоретические и прикладные аспекты изучения общественных конфликтов в философии Ф. Бэкона, в сочинениях Т. Гоббса. Интересны также идеи Г. В. Ф. Гегеля о позитивной роли конфликтов в развитии общества.

Вычленение методологических парадигм, выяснение того, какие аспекты, проблемы конфликтного взаимодействия выдвигаются в центр исследовательского внимания, как трактуется сама природа конфликта, его структура и динамика – все эти вопросы начинают обсуждаться позже.

Смена парадигм исследования конфликтов всегда была тесно связана с динамикой общественных изменений, а сами методологические подходы являлись теоретическим ответом на вопрос о том, как возможно общество и как соотносятся общественный порядок и его изменение.

Общие основы конфликта были заложены марксизмом, что признается основоположниками современной конфликтологии. Диалектическая теория конфликта К. Маркса долгое время была одной из самых влиятельных парадигм. Льюис Козер (американский социолог, представитель теории позитивного функционализма, внесший значительный вклад в разработку теории социального конфликта) писал: «Карл Маркс является классическим теоретиком конфликта»¹. По словам В. И. Ленина, Маркс «положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»².

Марксистская теория не только не обошла проблематику социального конфликта, но, напротив, социальное состояние конфликта составляет классическую сферу ее интересов. Согласно теории Маркса, экономические отношения, и прежде всего отношения собственности, определяют организацию всего общества. Классовая структура и институциональное устройство, так же как и культурные ценности, религиозные догмы и прочие идеи, существующие в социальных системах,

¹ Проблема конфликта в классической немецкой философии / под ред. Д.А. Керимова. СПб.: СПб. ун-т МВД России, 1998. С. 28.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 139.

в конечном счете являются отражением экономического базиса. Конфликт – неизбежное свойство, состояние и источник изменения социальных систем. Но марксистское представление о классовом конфликте исходило из признания лишь одного субъекта конфликта – большой социальной группы (класса). За пределами анализа оставались иные социальные группы и слои, а тем более личность. Поэтому данное обстоятельство – одна из главных причин неспособности марксистов понять и проанализировать все многообразие конфликтов.

Другая парадигма исследования конфликтов – конфликтный функционализм Георга Зиммеля – была призвана решить проблему форм базисных социальных процессов. Именно Зиммель впервые ввел термин «концепция конфликта» в научную литературу. Соглашаясь с Марксом в том, что конфликт в обществе неизбежен и закономерен, Зиммель иначе определял общественное предназначение социальной структуры. По его мнению, ее составляют не столько отношения господства и подчинения, сколько разнообразные процессы ассоциации и диссоциации, которые можно отделить друг от друга лишь в ходе теоретического анализа. Конфликт – не просто столкновение интересов; конфликт возникает на основе инстинктов враждебности. Следовательно, источником конфликтов является внутренняя биологическая природа людей, в то время как столкновение интересов лишь обостряет борьбу, не являясь ее основной причиной. Зиммель, в отличие от Маркса, анализировал менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли интеграцию и прочность системы. Антагонизм Зиммель считал явлением психологическим и, следовательно, преодолимым. И конечно же, Георг Зиммель обращал особое внимание на условия, при которых может измениться острота конфликта. Формальная социология Зиммеля оказала прямое влияние на трактовку политики как борьбы групп интересов.

Другие ученые анализировали конфликты в контексте как социального дарвинизма, так и социального детерминизма. Например, Вильфредо Парето в качестве одного из главных факторов, детерминирующих общественный процесс, выделял соперничество элит и борьбу масс с элитой. По мнению Парето, первопричина противоречия между массой и элитой – обладание государственной властью и военной силой. Макс Вебер говорил о том, что общество является ареной постоянной борьбы между различными социальными группами и общественными классами. Причинами социальных конфликтов являются не только экономические интересы, но и социокультурные, политические и другие факторы. По мнению Вебера, существующие в обществе отношения господства и подчинения придают социальным конфликтам характер политической борьбы – борьбы за власть и властные полномочия.

Тот факт, что в социальной науке второй половины XIX и первых десятилетий XX в. так или иначе рассматривались классовый и другие общественные конфликты, не означал создания особого направления в науке вплоть до 1950-х гг., когда такое направление выделилось из социологии и политологии. Благодаря работам «Структура социального действия» Толкотта Парсонса, «Функции социального конфликта» Льюиса Козера, «Классы и классовые конфликты в индустриальном обществе» Ральфа Дарендорфа, «Конфликт и защита. Общая теория» Кеннета Боулдинга и др. во второй половине XX в. конфликтологическая теория получает новый импульс и приобретает форму самостоятельной научной дисциплины.

В западной политологии сложилась одна из главных парадигм – парадигма конфликта, наряду с парадигмами согласия и плюрализма. Данная парадигма, с одной стороны, ориентирует на выявление и объяснение конфликтов в системе общественных отношений, а с другой – рассматривает

конфликт лишь в рамках достижения и обеспечения согласия и исключает из сферы взаимоотношений больших социальных групп, прежде всего классов.

В трактовке парадигмы конфликта нашли отражение два противоположных подхода в изучении конфликтов. Один подход – это подход с точки зрения структурного функционализма и теории «человеческих отношений». Согласно данному подходу, в общественной системе конфликты встречаются, но носят временный характер и, скорее, не вписываются в функции самой системы, а представляют собой дисфункцию. Другими словами, природа конфликта не объективна, а субъективна.

При втором подходе конфликт рассматривается как явление естественное и закономерное для общества. Именно конфликт, а не гармония и равновесие есть нормальное состояние общества. Наиболее четко противоположность отмеченных подходов прослеживается при сопоставлении концепций Толкотта Парсонса и Ральфа Дарендорфа. Парсонс делает акцент на сотрудничестве и интеграции, Дарендорф – на конфликте и изменении. Далее, по мнению Парсонса, каждое общество – это устойчивая, стабильная, хорошо интегрированная структура, в которой каждый элемент, выполняя определенную функцию, способствует поддержанию системы; ценностный консенсус членов общества обеспечивает его стабильность и интеграцию. Согласно же концепции Дарендорфа, каждое общество изменяется в каждой своей точке, пронизано конфликтом – социальный конфликт вездесущ; каждый конфликт в обществе вносит свой вклад в его дезинтеграцию и изменение; каждое общество построено на подчинении одних членов другим.

Свою концепцию, получившую название концепции позитивно-функционального конфликта, Льюис Козер строил в дополнение к классическим теориям структурного

функционализма, где конфликты как бы вынесены за пределы социологического анализа. Козер утверждал, что не существует социальных групп без конфликтных отношений, напряженности в отношениях и что конфликты имеют позитивное значение для функционирования общественных систем и их смены. Льюис Козер стремился обосновать позитивные функции конфликта в обеспечении общественного порядка и устойчивости определенной социальной системы. По его мнению, стабильность всего общества связана с количеством существующих в нем конфликтных отношений и с типом связей между ними.

Среди концепций, в той или иной степени претендующих на универсальное применение, как к внутренней жизни общества, так и к международным отношениям, следует выделить общую теорию конфликта Кеннета Боулдинга. В общей теории конфликта сам термин «конфликт» находит широкое применение в анализе физических, биологических и социальных явлений. Боулдинг считал, что даже неживая природа изобилует острыми конфликтами. В своей основной книге он отмечал, что «все конфликты имеют общие элементы и общие образцы развития, и именно изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его специфическом проявлении». Данное положение несет основную методологическую нагрузку общей теории конфликта Боулдинга.

Таким образом, диалектическая и функциональная конфликтологическая парадигмы, при всех отличительных особенностях представляющих их концепций, решили многие важные теоретические вопросы, связанные с влиянием структурного контекста на возникновение и развертывание конфликтов, с факторами интенсивности и насильственности конфликтов, со степенью их реалистичности или нереалистичности и т. д.

Если говорить об отечественной политической конфликтологии, то в нашей стране конфликтологические исследования на долгие годы оказались запретной темой для общественных наук. В дореволюционной России развитие конфликтологических идей в основном сводилось к проблемам борьбы народных масс против монархического режима власти (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. А. Сорокин). Развитие конфликтологической теории в советский период, по сути, было запрещено. Тем не менее в литературе периодически появлялись работы, посвященные исследованиям конфликта. В 50–60-х гг. XX в. начинает развиваться прикладная конфликтология в рамках социально-психологических и экономических наук. В основном это были исследования семейных, трудовых, межличностных конфликтов, построенные на конкретном социологическом материале и не предполагающие широких социально-политических обобщений. Любые попытки перевести исследование в иную плоскость решительно пресекались. Но в конце 1960-х гг., несмотря на господствующие умонастроения, появились статьи о проблеме исследования конфликта. На страницах журнала «Вопросы философии» была опубликована статья Г. Л. Смолиной «Принципы исследования конфликта».

Непосредственное становление отечественной конфликтологии начинается в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. В этот период публикуется значительное количество переводов работ зарубежных авторов, появляются и труды отечественных исследователей, таких как Н. М. Коряк, Ф. М. Бородкин, Е. В. Александрова, А. К. Авксентьев, Ю. Г. Запрудский, В. А. Зайцев, В. Н. Кудрявцев, А. В. Дмитриев. В 1990-х гг. появляются новые публикации (А. Г. Здравомыслов, Е. И. Степанов, Э. А. Уткин, Г. И. Козырев, А. И. Шипилов, А. Я. Анцупов и др.).

Непосредственное развитие теории политического конфликта нашло свое отражение в работах А. В. Глуховой,

В. В. Амелина, А. Н. Чумикова, Б. В. Коваленко, М. М. Лебедевой, Д. М. Фельдмана, О. А. Рыжова и др.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что в нашей стране конфликтология состоялась как самостоятельное научное, учебное и прикладное направление с видимой структурой и устойчивым проблемным потенциалом. Нарастающим темпом идет поток соответствующих публикаций, успешно функционируют центры конфликтологических исследований. На сегодняшний день конфликтологические исследования представлены в таких научных учреждениях, как Центр конфликтологических исследований РАН, Центр конфликтологии Института социологии РАН, Институт анализа и управления конфликтами и стабильностью Российской ассоциации теории и моделирования международных отношений, Сибирский центр конфликтологии, Санкт-Петербургский центр разрешения конфликтов, Московская школа конфликтологии и т. д. В России издаются специализированные журналы, отражающие конфликтологическую тематику («Конфликтология», «Конфликт и консенсус», «Социальный конфликт» и пр.), регулярно проводятся соответствующие научные конференции и другие форумы. И главное – сложилось устойчивое сообщество ученых, для которых конфликтология представляет главную область научных интересов.

По данным А. Я. Анцупова, по конфликтологической проблематике в Советском Союзе и Российской Федерации было защищено более 600 диссертационных исследований. На II конгрессе конфликтологов, проходившем в 2004 г. в Санкт-Петербурге, научным сообществом было признано, что конфликтология как наука состоялась в полной мере. Она также состоялась и как образовательная программа. Открыта специальность «Конфликтология». Сегодня подготовкой конфликтологов в Российской Федерации занимаются 12 учреждений высшего образования – в Москве, Санкт-

Петербурге, Краснодаре, Белгороде, Ростове-на-Дону, Калуге, Казани и других городах. Политическая конфликтология читается на экономическом, филологическом, философском, социологическом факультетах, факультете журналистики и, конечно, для студентов специальностей/направлений подготовки «Политология» и «Конфликтология».

Следует, однако, заметить, что в настоящее время и российская, и мировая политическая конфликтология, по мнению исследователей, столкнулась с определенными трудностями. Суть их состоит в том, что в условиях постиндустриальной социальной структуры и глобализации произошли определенные изменения в приоритетах. В политических конфликтах наиболее актуальными становятся не традиционные конфликты интересов, а конфликты ценностей и ценностных ориентаций. Меняются характеристики субъектов политического конфликта.

Политическая конфликтология – теоретико-прикладная дисциплина. Объектом ее исследования является политический конфликт как особая форма политического взаимодействия политических субъектов. Предмет же исследования политической конфликтологии – закономерности возникновения политических противоречий и конфликтов, динамика и формы развития конфликтных ситуаций, способы их предупреждения, разрешения и управления политическими конфликтами.

Методологическую основу политической конфликтологии как теоретико-прикладной дисциплины составляет комплекс философских, политологических и социологических идей, аккумулируемых в теории конфликта. Возникшая на стыке нескольких научных дисциплин (социология, политология, философия, психология, экономика и др.), политическая конфликтология использует как собственные методы, так и методы других наук.

С возникновением социологии как науки в середине XIX в. социологические методы начинают применяться и в политических исследованиях. Социологические методы в политической конфликтологии являются одними из основных. Они выявляют социальную обусловленность конфликтных противоречий, описывают конфликт как форму социально-политического взаимодействия. Связанные с конкретными социологическими исследованиями (сбором и анализом реальных фактов), социологические методы заложили основу прикладной конфликтологии.

Институциональный метод в рамках политической конфликтологии используется для исследования политических институтов с точки зрения их конфликтности и взаимной совместимости.

Применение в политической конфликтологии методов структурного функционализма позволяет рассматривать конфликт как сложную развивающуюся систему, каждый элемент которой наделен определенными функциями.

Системный метод позволяет использовать общую теорию систем в изучении политических явлений, в том числе и политических конфликтов. Он дает возможность представить исследуемый политический объект как целостную систему, единый организм, свойства которого не являются суммой свойств его отдельных элементов. Поэтому любые изменения, происходящие даже в отдельном элементе системы, могут привести к разбалансировке всей системы.

В исследовании конфликтов большую роль играет бихевиористский подход, поскольку немаловажной составляющей конфликта является конфликтное поведение. Конфликтные отношения изучаются через призму поведения личности и групп на базе широкого применения эмпирических методов анализа – изучения наблюдаемого поведения действующих лиц. Бихевиористский подход придает большое

значение количественной обработке эмпирического материала и математическому моделированию поведения.

Рассмотренные методологические подходы являются базовыми в исследовании конфликтов. Все они способствуют поиску всестороннего, систематического ответа на вопрос: «Что есть конфликт?» – ответа, интегрирующего будущие и прошлые результаты разных исследовательских парадигм.

Но для того, чтобы владеть информацией о политическом конфликте на должном уровне, необходимо изучить следующие темы:

- сущность и природа политического конфликта, его особенности, функции и причины возникновения;
- типология конфликтов;
- структурные параметры политического конфликта;
- динамические параметры политического конфликта;
- картография политического конфликта;
- конфликт и кризис;
- вооруженные конфликты международного характера и войны;
- насилие в политическом конфликте;
- формы регулирующего воздействия на политический конфликт.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое политическая конфликтология?
2. Каковы основные особенности политической конфликтологии?
3. Кто из мыслителей развивал первые научные представления о политических конфликтах?
4. Раскройте основы диалектической парадигмы конфликта.

5. Выявите основные идеи конфликтного функционализма.

6. Опишите основные моменты в развитии отечественной конфликтологии.

7. Охарактеризуйте основные методы политической конфликтологии.

8. Назовите главных представителей в исследовании конфликтологической проблематики.

Рекомендуемая литература

1. *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2008.

2. *Глухова А. В.* Политическая конфликтология: между старыми и новыми подходами // Конфликтология – теория и практика разрешения конфликтов. 2003. № 1. С. 20–31.

3. *Глухова А. В.* Политическая конфликтология: состояния и тенденции развертывания // Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. Е. И. Степанова. М.: Едиториал УРСС, 2000.

4. *Дарендорф Р.* Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 74–88.

5. *Дмитриев А. В.* Конфликтология: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2000.

6. *Запрудский Ю. Г.* Политические конфликты // Конфликтология / отв. ред. М. Хазизянц, Г. Нерсесов. Ростов н/Д: Феникс, 2000.

7. *Запрудский Ю. Г.* Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов н/Д: Феникс, 1992.

8. *Коваленко Б. В., Пирогов А. И., Рыжов О. А.* Политическая конфликтология: учеб. пособие для вузов. М.: Ижица, 2002.

9. *Козырев Г. И.* Политическая конфликтология: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 2008.

10. Конфликтология: учебник / под ред. А. С. Кармина. СПб.: Лань, 1999.

11. *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1997.

12. *Нэх В. Ф.* Политические переговоры: организация и процедура проведения // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 4. С. 59–74.

13. *Нэх В. Ф.* Политический конфликт: технологии инициирования, регулирования, разрешения // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 5. С. 43–60.

14. *Тимофеева Л. Н.* Политическая конфликтология. М.: Изд-во РАГС, 1996.

15. *Фельдман Д. М.* Политология конфликта: учеб. пособие. М.: Стратегия, 1998.

16. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 37–67.

17. Юридическая конфликтология: теория и практика / В.Н. Кудрявцев [и др.] // Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. Е. И. Степанова. М.: Едиториал УРСС, 2000.

3.4. Политическая семиотика

Политическая семиотика – это субдисциплина политологии, изучающая феномены власти на уровне политического языка.

Мы употребляем термин «политическая семиотика» как строгий синоним терминов «политический дискурс-анализ» и «политическая дискурсология», соглашаясь с мнением, что «единственный предмет политического дискурс-анализа – это политика как семиотическое явление»¹. Термин же «политическая лингвистика» мы предлагаем использовать для названия по сути своей лингвистической, а не политологической субдисциплины.

Семиотическое пространство политики включает в себя, помимо вербальных знаков, политическую символику и эмблематику, семиотику зданий и памятников, в целом семиотику пространства. Для уточнения предмета политической семиотики необходимо разграничивать понятия (феномены) политической речи, политического языка, политического дискурса и политической коммуникации. Язык как система любых (а не только речевых) знаков – это более широкое понятие, чем дискурс, который, как правило, связывается с *language-in-use*, т. е. событийным аспектом политического общения. Выражения «язык политики» и «политический язык» мы употребляем как синонимы, подразумевая под ними знаковые системы политической коммуникации, реализующие властно-политические отношения.

Как в нашей стране, так и за рубежом становление политической семиотики как субдисциплины политической науки неразрывно связано с историей политического

¹ Ильин М. В. Указ. соч. С. 11.

дискурс-анализа. Интенсивное развитие политического дискурс-анализа начинается с 60–70-х гг. прошлого века, хотя основы его были заложены гораздо раньше – в частности, в трудах представителей Чикагской школы, прежде всего Г. Лассуэлла, а также в работах У. Липпмана.

К непосредственным теоретическим источникам дискурс-анализа исследователи, в частности, относят:

- исследования в области морфологии нарративных структур (В. Я. Пропп, М. М. Бахтин, Р. О. Якобсон и др.);
- французский структурализм (К. Леви-Стросс, Р. Барт и др.);
- анализ речевой прагматики в теории речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля и П. Грайса;
- лингвистическую антропологию, берущую начало в культурно-антропологическом анализе примитивных языков у Б. Малиновского и других социальных (политических) антропологов и развитую впоследствии в «этнографии коммуникации» (Д. Хаймс, Дж. Гамперц, Дж. Филипсен);
- конверсационный анализ (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Д. Циммерман, Ч. Гудвин, К. Элих), проливающий свет на властный потенциал разговорного общения;
- анализ конструирования социальных институтов и идентичностей (П. Бергер, Т. Лукман), в том числе посредством речевых (коммуникативных) практик;
- работы психолингвистов (Н. Хомский, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин), раскрывающие механизмы «языковой демагогии» в политике;
- зарубежные (Дж. Фишман, С. Эрвин-Трипп, У. Лабов, М. А. К. Холлидей) и отечественные традиции социолингвистики (Е. Д. Поливанов, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачев и др.), анализирующей язык как потенциальный (культурно обусловленный) и актуальный (обусловленный конкретной общественной ситуацией) инструмент власти;

– анализ речевого общения в рамках микросоциологии общения (интерактивной социолингвистики), представленный в классических работах Э. Гоффмана, Г. Гарфинкеля, А. Сикуреля и др.;

– располагающийся на пересечении психо- и социолингвистики анализ когнитивных схем, связывающих символы (знаки) языка и политические действия. В зарубежной науке этот подход получил развитие в исследовании тоталитарных «новоязов» (Э. Кассирер, Д. Оруэлл, В. Клемперер). Особое внимание к когнитивным схемам в российской школе политического дискурс-анализа уделено в работах Н. Бирюкова, Л. Бляхера, К. Завершинского, М. Ильина, В. Сергеева, В. Цымбурского и др.;

– анализ роли языка в конструировании социальной реальности в творчестве французских философов-постмодернистов (М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ж. Ф. Лиотар, Р. Рорти) и др.;

– теорию символической политики (как одного из исследовательских направлений в рамках политической науки)¹, основы которой были заложены в работах американского политолога М. Эдельмана, вышедших в свет в 60–70-х гг. прошлого века.

К концу 1970-х гг. политическая семиотика, больше известная под именем «политического дискурс-анализа», вполне оформилась как научная субдисциплина, которая сегодня преподается в основном будущим политологам и журналистам. Однако до сих пор ученые спорят о том, следует ли считать дискурс-анализ особой дисциплиной или, скорее, она представляет собой совокупность методов

¹ Об истории этого направления см.: *Поцелуев С. П.* «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О. В. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 17–53.

и методик анализа политического дискурса либо массив междисциплинарных исследований политического языка. По теории и методам политического дискурс-анализа как научной субдисциплины существует солидная зарубежная литература. Среди прочих важны публикации таких авторов, как Т. А. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Р. Водак, Д. Ховарт, П. Чилтон, К. Шаффнер, Г. Кресс, Л. Чоулиараки, Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен, Я. Торфинг и др.

Среди методов, активно применяемых современной политической семиотикой, мы условно выделяем две группы: с одной стороны, междисциплинарные подходы; с другой – подходы, формирующиеся внутри политической семиотики как отдельной научной субдисциплины. К первой группе мы относим лингвосемантические, когнитивные, драматургические и культурологические методы; ко второй – методологию критического дискурс-анализа и постмодернистский дискурс-анализ.

Лингвосемантические методы исследуют речевые способы передачи смыслов, влияющих на поведение партнеров по общению. Это включает в себя анализ разного рода риторических и демагогических приемов. К данным методам относится прежде всего жанровый и стилистический анализ политического дискурса, характеризующий политических акторов как определенный тип «языковой личности» (Ю. Н. Караулов). Собственно семантическое направление в рамках лингвосемантических методов составляет анализ смысловых манипуляций посредством единиц обычного (повседневного) языка, т. е. различных форм языковой демагогии (Т. В. Булыгина, Т. М. Николаева, А. Д. Шмелев). Сюда же относится лингвистическая теория управления истиной (Д. Болингер, Х. Вайнрих), которая описывает манипулятивный потенциал языка, связанный с некоторыми типами преобразования его структур (феномен языковых «фантомов», «серой лжи», «фейков» и т. п.).

Когнитивные методы делают акцент на познавательных средствах политического языка, подкрепляя такой подход когнитивистским понятием политической идеологии. Сюда относят анализ политических концептов с их историей в языке (М. В. Ильин), метод реконструкции логико-метафорической структуры концептов путем построения их когнитивных схем (А. А. Казанцев, В. М. Сергеев, К. В. Сергеев), концептный подход к анализу политических идеологий, предложенный британским политологом М. Фриденом¹, а также (в другой версии) российскими учеными С. С. Неретиной и А. П. Огурцовым². Сверх того к когнитивным методам относят метафорическое моделирование как способность политических метафор наводить на определенный способ действий, а также расчет метафорической силы политического дискурса на основании метафорического коэффициента (по К. де Ландшеру³). Ключевым моментом лингвоидеологического анализа как разновидности когнитивных методов выступает понятие идеологемы (концепт-идеологемы у Е. Г. Малышевой, лингвоидеологемы у А. А. Мирошниченко). Классический лингвоидеологический анализ политического языка тоталитарных обществ представлен работами как зарубежных (В. Клемперер, Дж. Оруэлл и др.), так и российских авторов (М. А. Хевеши, Г. Ч. Гусейнов, Н. А. Купина и др.). Типичный пример лингвоидеологического анализа на материале современных обществ дают работы Т. А. ван Дейка.

¹ *Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 2006.*

² *Неретина С. С., Огурцов А. П. Концепты политического сознания // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 41–102. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/06.pdf>.*

³ См. об этом: *Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Политические исследования. 2004. № 3. С. 130–131.*

Драматургические подходы в разной форме выражают игровой аспект политической коммуникации, как он представлен на уровне дискурса. Театральная модель политики видит общность политики с театром в том, что в обоих случаях речь идет о «публично выделенных, предъявленных, демонстративных действиях и о том, что эти действия выполняют символическую функцию»¹. Известный французский политолог Р. Ж. Шварценберг выделил четыре ключевых театрально-политических роли, которые можно рассматривать как формы синтеза политической и театральной логик: Герой-Спаситель, г-н Каждый, Симпатия, Отец Нации². Но игровой элемент политики представлен не только театральностью; его общая специфика выражается понятием «перформанс» (performance), которое ввел в научный оборот американский театровед Р. Шехнер, зафиксировав общее между play-игрой, game-игрой, спортом, театром и ритуалом, а именно: деятельность, исполняемую индивидом или группой индивидов в присутствии другого индивида или группы индивидов. Полезным для развития перформансного подхода является анализ повседневного общения лицом к лицу, предпринятый известным американским социологом И. Гофманом. По Гофману, обычное ролевое поведение предполагает не «сценарии» в смысле художественной театральности, но устойчивые смысловые структуры – фреймы. Важными для понимания ритуалов политического общения являются предложенные И. Гофманом понятия «драматургических команд (teams)» и «сценического сговора». В России драматур-

¹ Meyer T., Ontrup R. Das Theater des Politischen: Politik und Politikvermittlung im Fernsehzeitalter // Inszenierungsgesellschaft / Hrsg. von H. Willems, M. Jurga. Opladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. S. 523.

² Schwarzenberg R.-G. Politik als Showgeschäft. Moderne Strategien im Kampf um die Macht. Düsseldorf; Wien: Econ, 1980. S. 19.

гический подход к анализу политического дискурса активно развивают политические социологи (Ж. Т. Тощенко и др.).

Культурологические методы анализируют политический дискурс в широком культурном контексте, отталкиваясь от данных культурной (социальной) и политической антропологии, а также семиотики культуры. Политическую семиотику роднит с культурной (социальной) антропологией понимание символов как социальных динамических систем, а не просто как «знаков» или «категорий мышления». В центре культурно-антропологического подхода к политическому языку стоит изучение роли мифов, ритуалов и культов как символических комплексов, обеспечивающих реализацию властных стратегий на уровне политического языка. По мысли немецкого политолога А. Дёрнера¹, необходимо развивать политологию символических форм, куда, помимо прочего, входит «политика памяти» или «политика прошлого» в рамках строительства наций. Культурно-семиотический подход к политическому дискурсу обоснован тем, что любое политическое поведение разворачивается в семиосфере как общественном знаковом пространстве с габитуализированным присутствием различных (по типу и уровню) политических символов. В связи с этим представляется интересным концепт «политической семиотики», также предложенный А. Дёрнером. Для развития семиотического подхода к политической коммуникации важно учитывать идею Ю. М. Лотмана о структурной неоднородности семиотического пространства как резерве его динамических (диалогических) процессов, генерирующих принципиально новую информацию.

Актуальное состояние политической семиотики существенным образом определяется двумя методологическими

¹ *Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik. Der Hermann-Mythos: zur Entstehung des Nationalbewußtseins der Deutschen. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1996. S. 56.*

направлениями, а именно критическим и постмодернистским. Среди наиболее известных представителей первого течения можно назвать Т. А. ван Дейка, Н. Фэрклоу, Р. Водак, Г. Кресса, Л. Чоулиараки и др. Второй представлен, прежде всего такими именами, как Э. Лакло и Ш. Муфф, С. Жижек, Я. Торфинг, Я. Ставракакис и др.

Среди теоретических источников критического дискурс-анализа следует отметить марксистскую идею классовой обусловленности идеологического дискурса (К. Маркс, Д. Лукач), учение о «культурной гегемонии» А. Грамши и «дискурсивной формации» М. Фуко, а также понимание идеологического дискурса как закодированной в языке формы классовой борьбы (М. Пешо), как габитуса, генерирующего социальные практики (П. Бурдьё), и как базового дискурсивного средства формирования субъектности (Л. Альтюссер). Важное расширение концепта политического дискурса связано с толкованием дискурса как способа конструирования социальной реальности с помощью значений (Р. Барт, П. Бергер, Т. Лукман), в том числе посредством диалога различных текстов как знаковых структур (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман). Политические экспликации такого диалога получили развитие в теории «делиберативной демократии» Ю. Хабермаса.

Формирование критического дискурс-анализа приходится на последнюю четверть прошлого века. Критическим этот вид дискурс-анализа называется потому, что он выявляет различные формы социального неравенства, которые основаны на классовых, гендерных, этнических, расовых и прочих различиях, но легитимируются не открыто, а косвенно, неявно, с помощью внутренних средств публичного языка, контролируемого медийными (символическими) элитами. Этим объясняется особое внимание представителей критического дискурс-анализа к дискурсам этнонационализма, расизма, сексизма.

Сверх того ван Дейк считает (хотя с этим согласны не все представители критического дискурс-анализа), что критический статус дискурс-аналитиков предполагает их политическую ангажированность: «Они изучают социальные проблемы или формы неравенства не просто потому, что они представляются им “интересными” предметами исследования, но также и потому, что они эксплицитно заинтересованы в социальных изменениях в пользу подчиненных групп»¹. Эти акценты характеризуют данное направление дискурс-анализа как наследника левой (марксистской) традиции «критики идеологии».

Хотя далеко не все представители критического дискурс-анализа считают его особым методом, но «скорее областью научной практики, междисциплинарным проектом, распространенным во всех гуманитарных и социальных науках»², есть общий для критических дискурс-аналитиков методологический инструментарий. Он включает в себя как традиционные методы дискурс-анализа (грамматический анализ; прагматический анализ речевых и коммуникативных актов; риторический анализ; стилистический анализ; разговорный анализ разговора; семиотический анализ звукового, визуального материала и других мультимодальных параметров дискурса и т. д.), так и методы других социальных наук – наблюдение, в том числе включенное, опросы, интервью, эксперименты и т. д.

При всех общих чертах, присущих представителям критического дискурс-анализа, некоторые исследователи выделяют в нем несколько отдельных течений (школ, методов). Различают социально-семиотический (Г. Кресс, Л. Чоулиараки), социокуль-

¹ Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 24.

² Там же. С. 19.

турный (Н. Фэрклоу, Р. Водак) и социокогнитивный (Т. А. ван Дейк) подходы¹.

Особенность социально-семиотического подхода составляет акцент на значимости не только вербальных, но и невербальных элементов для реализации властных стратегий дискурса. В связи с этим значительный интерес (в особенности для семиотического пространства российской политики) вызывает анализ представителями данного подхода современного медийного дискурса, в частности оценка перспектив установления «режима правды» в политических ток-шоу². Социокультурная версия критического дискурс-анализа делает акцент на значимости социального (культурного) контекста и культурных стереотипов при восприятии различных текстов. Представители данного направления дискурс-анализа называют это «культурными фреймами», определяющими восприятие человеком политической реальности независимо от его личного опыта. Как показывает в своих работах Р. Водак, изменение этих фреймов есть длительный процесс, который предполагает замену одних «ментальных репрезентаций» и «ситуативных моделей» другими, новыми.

Социокогнитивная разновидность критического дискурс-анализа представлена прежде всего работами Т. А. ван Дейка и его последователей. Для ван Дейка критический дискурс-анализ – это мультидисциплинарный проект, который включает в себя три исследовательских измерения: дискурс, познание и общество. Эти измерения объединяет понятие властной манипуляции, которая реализуется прежде всего

¹ См. об этом: *Русакова О. Ф., Максимов Д. А.* Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // *Политические исследования.* 2006. № 4. С. 26–43.

² *Chouliaraki L.* Media Discourse and the Public Sphere // *Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance* / Ed. by D. Howarth, J. Torfing. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 278.

посредством «имплицатур». Их анализ выходит за пределы привычного анализа политического дискурса в терминах тематики, стиля, риторики и аргументации. Критический дискурс-анализ Т. А. ван Дейк называет «ситуационным», поскольку он предполагает синтез дискурс-анализа и социального анализа. Наиболее часто встречающаяся в работах ван Дейка тема – это скрытые (нео)расистские идеологические установки современных политических элит Европы. Эти предубеждения голландский ученый исследует на материале в первую очередь публичного (парламентского и медийного) дискурса.

Постмодернистский анализ дискурса представлен прежде всего постструктуралистской теорией дискурса, развернутой в работах Э. Лакло и Ш. Муфф, а также фрейдомарксистским подходом Я. Торфинга, С. Жижека, Я. Ставракакиса и др. На представителей постмодернистской версии политического дискурс-анализа сильно повлияли идеи Ф. Ницше, К. Шмитта, М. Фуко и Ж. Лакана. Специфически постмодернистское понимание политического дискурса нашло классическое выражение в работе Э. Лакло и Ш. Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985), где развивается концепция «радикальной демократии».

Ключевую роль играет при этом «артикуляция» как такая практика сочленения элементов, при которой их идентичность модифицируется в результате самой этой практики¹. Дискурс – это тотальность, структурированная «артикуляцией», а потому придающая политической идентичности неустойчивый, случайный и принципиально незавершенный, как бы отсроченный характер. Механизм формирования доминирующей политической идентичности постмодернисты описывают как захват дискурсивного поля путем выстраивания цепочек

¹ *Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985. P. 105.*

означающих через фиксацию «плавающих означающих». Эта фиксация осуществляется не через установление их референта в реальном мире, но благодаря «узловым точкам», или «точкам захвата» (*points de captation* по терминологии Лакана). В роли этих точек нередко выступают «пустые» или «плавающие» означающие (*floating signifiers*) вроде клишированных концептов демократии, тоталитаризма, империи и т. п. С. Жижек показывает, как в зависимости от того, к какой точке пристегнуты эти плавающие означающие как «прото-идеологические элементы», их смысл может оказаться очень разным, причем без всякого отнесения к референту.

При всех своих психоаналитических сюжетах, постмодернистская версия политического дискурса-анализа отнюдь не аполитична; так, своим основным идеологическим оппонентом «радикальная демократия» считает «новую консервативную волну» (тэтчеризм, рейганомистику и пр.) как реакцию на «новых левых». Против праворадикальных тенденций в современной политике четко направлен и развиваемый Ш. Муфф концепт «агонистического плюрализма» как основы «агонистической демократии».

В последние два десятилетия политическая семиотика развивается в нашей стране по ряду исследовательских направлений, которые тематически и методологически частично перекрывают друг друга:

1. Анализ идеологического языка – его специфических лексикоконцептов, явных и скрытых мифологем и т. п. (М. В. Гаврилова, Г. Ч. Гусейнов, Е. Г. Мальшева, А. А. Мирошниченко, Г. И. Мусихин, О. А. Толпыгина, М. А. Фадеичева, А. Е. Щербаков) и форм выражения, включая невербальные и драматургические (А. Н. Баранов, В. В. Глебкин, Д. А. Левчик, Д. А. Мисюров, А. Ю. Плущер-Сарно, А. И. Щербинин).

2. Анализ манипулятивного политического дискурса, а именно вербальных и невербальных средств языковой дема-

гогии в сфере политической коммуникации (Т. В. Булыгина, С. Г. Кара-Мурза, Т. М. Николаева, А. А. Мухин, А. Д. Шмелев, А. М. Цуладзе).

3. Исследование форм и стратегий символической политики, включая символическую политику нациостроительства и разрешения конфликтов (В. С. Малахов, О. Ю. Малинова, Д. А. Мисюров, Н. М. Мухарямов, С. П. Поцелуев, Т. Н. Ушакова и др.).

4. Политическая семиотика новых и новейших медиа. Авторы, разрабатывающие это направление, – Т. З. Адамьянц, С. С. Бодрунова, Т. М. Дридзе, Б. В. Дубин, Я. Н. Засурский, В. В. Зверева, Н. Н. Зорков, А. И. Соловьев и др.

Политическая семиотика (политический дискурс-анализ) является сегодня одним из наиболее мощно развивающихся направлений гуманитарных исследований в России. За последние два десятилетия у нас вышли в свет переводы многих западных авторов по этому направлению (Т. А. ван Дейк, Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен и др.). С другой стороны, имеются работы ряда российских политологов, посвященные языку политики (М. В. Ильин, Е. Б. Шестопап, Н. Г. Щербинина, Д. А. Мисюров и др.). Осмыслению предметного поля и методов политической семиотики как политологической субдисциплины были посвящены работы М. В. Ильина, Е. И. Шейгал, О. Ф. Русаковой, М. В. Гавриловой, Н. М. Мухарямова и др.

Важным подспорьем в освоении политической семиотики являются работы отечественных (политических) лингвистов: Н. Д. Арутюновой, В. Н. Базылева, М. Л. Макарова, Е. В. Падучевой, Е. И. Шейгал и др. Значительный вклад в развитие политической лингвистики внесли А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов, издавшие первый словарь русской политической метафоры, а также В. Н. Базылев, В. З. Демьянков и др.

Примером плодотворного взаимодействия лингвистов и политологов стала серия выпущенных в Москве сборников

«Политический дискурс в России», а также ряд выпусков «Политической науки» под ред. М. В. Ильина. Помимо названных изданий, к отечественной научной периодике, регулярно публикующей материалы по политической семиотике, следует отнести два выпуска «Символической политики», изданных ИНИОН РАН, а также журналы «Политические исследования», «Политическая лингвистика» и «Дискурс-Пи». Все это создает хорошую теоретико-методологическую базу для учебных курсов по политической семиотике, которые (под разными названиями) вводятся в том числе и в рамках политологических образовательных программ.

Вопросы для самоконтроля

1. Что изучает политическая семиотика?
2. Как соотносится предмет политической семиотики с предметом политической лингвистики?
3. Как соотносятся термины «политическая семиотика», «политическая лингвистика», «политический дискурс-анализ», «политическая дискурсология»?
4. Каковы основные теоретические предпосылки (источники) политической семиотики?
5. Каковы основные междисциплинарные подходы, применяемые в политической семиотике?
6. В чем единство и различие между критическим дискурс-анализом и постмодернистским дискурс-анализом как методами современной политической семиотики?
7. Какие направления критического дискурс-анализа выделяются в современной научной литературе?
8. Какие основные исследовательские направления оформились в отечественной политической семиотике?
9. Каких классиков политической семиотики как научной субдисциплины вы знаете?

10. Каких отечественных ключевых авторов, работающих в области политической семиотики, вы можете назвать?

Рекомендуемая литература

1. *Адамьянц Т. З.* К диалогической телекоммуникации: от воздействия – к взаимодействию. М.: ИС РАН, 1999.

2. *Базылев В. Н.* К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России. М., 1998. Вып. 2.

3. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003.

4. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991.

5. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира. М.: Школа: Языки русской культуры, 1997.

6. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.

7. *Гаврилова М. В.* Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Политические исследования. 2004. № 3. С. 127–139.

8. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000.

9. *Гусейнов Г. Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2003.

10. *Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

11. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

12. *Дридзе Т. М.* Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–152.

13. *Дубин Б. В.* Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 1 (81). С. 14–25.

14. *Жижек С.* Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.

15. *Зорков Н. Н.* Инфотейнмент: возникновение, функции, способы воздействия // RELGA (научно-культурологический электронный журнал). 2005. № 19. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=735&level1=main&level2=articles>.

16. *Ильин М. В.* Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997.

17. *Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

18. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000.

19. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2009.

20. *Клемперер В.* ЛТГ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

21. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992.

22. *Малинова О. Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

23. *Мальшева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.

24. *Мирошниченко А. А.* Толкование речи. Основы лингвоидеологического анализа. Ростов н/Д, 1995.

25. *Мисюров Д. А.* Политическая символика: между идеологией и рекламой // Политические исследования. 1999. № 1. С. 168–174.

26. *Мусихин Г. И.* Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Политические исследования. 2011. № 5. С. 128–144.

27. *Мухарямов Н. М., Мухарямова Л. М.* Язык как politics // Политическая теория, язык и идеология. М.: РОССПЭН, 2008. С. 454–472.

28. Политическая наука – 3. Политический дискурс: история и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002.

29. Политический дискурс в России – 2: материалы рабочего совещания. М.: Диалог-МГУ, 1998.

30. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов [и др.]. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004.

31. *Поцелуев С. П.* Ритуализация конфликта (По материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Политические исследования. 2004. № 3. С. 83–94.

32. *Поцелуев С. П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.

33. *Поцелуев С. П.* Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 106–159.

34. *Русакова О. Ф., Максимов Д. А.* Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Политические исследования. 2006. № 4. С. 26–43.

35. Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О. Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012.

36. Символическая политика. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего / отв. ред. О. Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2014.

37. Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб.: МАЭ РАН, 1996.

38. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000.

39. *Соловьев А. И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы инфляционной эпохи // Политические исследования. 2004. № 2. С. 124–132.

40. *Тощенко Ж. Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

41. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

42. Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.

43. A new agenda in (critical) discourse analysis: theory, methodology, and interdisciplinary / Ed. by R. Wodak, P. A. Chilton. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2005.

44. *Blommaert J.* Language and politics, language politics, political linguistics // Belgian journal of linguistics. 1997. № 11. P. 69–97.

45. *Chilton P.* Analysing Political Discourse: Theory and Practice. N.Y.: Routledge, 2004.

46. Contingency, Hegemony, Universality / Ed. by J. Butler, E. Laclau, S. Zizek. L.: Verso, 2000.

47. Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity / Ed. by G. Weiss, R. Wodak. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003.

48. *Dijk T. A. van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. L.: Sage, 1998.

49. Discourse Theory and Political Analysis: Identities, Hegemonies, and Social Change / Ed. by D. R. Howarth, A. J. Norval, Y. Stavrakakis. Manchester; N. Y.: Manchester University, 2000.

50. Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / Ed. by D. Howarth, J. Torfing. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005.

51. *Edelman M.* Political Language. Words That Succeed and Policies That Fail. N. Y.; San Francisco; L.: Academic Press, 1977.

52. *Edelman M.* Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence. Chicago: Markham Publishing Company, 1971.

53. *Edelman M.* The Symbolic Uses of Politics. Chicago; L.: University of Illinois Press, 1972.

54. *Fairclough N., Wodak R.* Critical discourse analysis // Discourse as social interaction / Ed. by T. A. van Dijk. L.: Sage, 1997. Vol. 1. P. 258–284.

55. *Kress G.* Multimodality. L.; N. Y.: Routledge, 2010.

56. *Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso, 1985.

57. *Lasswell H.* Propaganda Technique in the World War. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1927.

58. Language of Politics (Studies in Quantitative Semantics) / H. D. Lasswell [et al.]. Massachusetts: the M.I.T. Press, 1965.

59. Methods of Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. L.: Sage, 2001.

60. New Semiotics between Tradition and Innovation. An Outline for a Theory of Political Semiotics // 12th World Congress of Semiotics, Sofia, 2014, 16–20 September, New Bulgarian University. URL: <http://semio2014.org/en/an-outline-for-a-theory-of-political-semiotics>.

61. *Politically Speaking: a Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere* // Ed. by O. Feldman, Ch. De Landtsheer). Westport, CT: Praeger, 1998.

62. *Schudson M.* Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s // *Media, Culture and Society*. 1997. Vol. 19, № 3. P. 311–330.

63. *The Discursive Construction of National Identity* / R. Wodak [et al.]. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

64. *Wodak R.* Discourses of Silence // *Discourse and Silencing* / Ed. by L. Thiesmeyer. Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 179–209.

Научное издание

СУБДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Редактор Н. В. Бирюкова

Корректор Н. В. Бирюкова

Компьютерная верстка Б. А. Заставного